

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
АВАНТЮРИЗМ
МАОИСТОВ

В. Вятский и Ф. Димин

**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
АВАНТЮРИЗМ
МАОИСТОВ**

(о маоистском курсе в экономике)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭКОНОМИКА»

Москва — 1970

32 И
В 99

200

$$\frac{1-3}{6-70}$$

Введение

Марксизм-ленинизм учит, что человеческое общество, в частности его экономический базис, развивается в соответствии с объективными законами. С ликвидацией эксплуататорского строя и по мере построения социализма общество получает возможность сознательно воздействовать на ход социально-экономических процессов. Это воздействие, его глубина и направленность определяются уровнем познания объективных законов общественного развития, в особенности экономических законов, степенью реализации их требований в практической деятельности людей, в системе государственного, общественного, хозяйственного механизма страны, прежде всего в деятельности партии, стоящей у власти.

Глубокое изучение объективных социально-экономических закономерностей, овладение механизмом их действия являются непременным условием успешного руководства социалистическим строительством. Огромное возрастание в ходе строительства социализма такого фактора, как сознательное воздействие людей на экономические процессы, придает экономической политике Коммунистической партии исключительно важное значение.

Опыт Советского Союза и других социалистических стран показывает, что научно обоснованная экономическая политика, направленная на решение назревших хозяйственных задач развития общества, вырабатывается Коммунистической партией в борьбе как против теорий стихийного, автоматического развития социализма, так и против левацких мелкобуржуазных уклонов субъективизма и волюнтаризма в руководстве народным хозяйством. Уступка теориям стихийности, как и капитуляция перед волюнтаристскими устремлениями в области экономической политики, чревата тягчайшими послед-

ствиями для народного хозяйства и наносит огромный ущерб делу социалистического строительства.

Это довольно наглядно подтверждается событиями, происходящими в Китайской Народной Республике, где мелкобуржуазный революционизм и великодержавный шовинизм маоистов в политике привели к крайним формам субъективизма и волюнтаризма в решении экономических проблем.

Маоисты пытаются представить свои экономические «идеи» и практические действия как «новое развитие марксизма-ленинизма на высшем этапе — этапе идей Мао Цзэ-дуна». Они создают карикатурное представление о социализме и коммунизме, дискредитируют марксистско-ленинское учение, экономическую теорию и деятельность коммунистических партий в области экономического строительства социалистического общества. В связи с этим выяснение подлинного характера и основных черт экономической политики маоистов и положения, сложившегося под влиянием этой политики в экономике КНР, имеет немаловажное значение в идеино-политической борьбе с различными извращениями марксистско-ленинской теории.

Далеко не все проблемы, которые в более широком плане ставит практика социально-экономического развития КНР, в равной степени могли получить освещение в данной работе. И дело не только в том, что при изучении экономического положения в Китае исследователь должен преодолевать трудности, обусловленные отсутствием точных официальных данных о состоянии народного хозяйства страны (статистические данные не публикуются в Китае уже 10 лет), что маоисты многие свои действия камуфлируют теоретическими построениями, в которых спекулятивно используются положения из работ классиков марксизма-ленинизма, что схватки политической борьбы за власть заслоняют глубинные процессы, происходящие в экономике, а концепции противоборствующих сил не всегда доведены до конца и полностью еще не реализованы. Нельзя не учитывать и того, что весьма круты повороты, произошедшие в Китае за последние десятилетия, сложны и переплетены разнородные процессы социальной эволюции этой страны. Не все еще отлилось в завершенные стабильные формы, в связи с чем не на все вопросы можно дать окончательный

и однозначный ответ. Фундаментальное изучение экономических процессов, потребностей экономического развития и проблем строительства социализма в такой стране, как Китай, является серьезной задачей, стоящей перед наукой.

Но многое уже ясно сейчас. Принципиальные направления и главные черты экономической политики маоистов выявились достаточно полно. В книге авторы делают попытку проанализировать и выявить на основе имеющихся документов и материалов об экономике КНР основные характерные черты экономической политики маоистов, экономических «идей» Мао Цзэ-дуна, пути и средства, предлагаемые маоистами для решения экономических проблем во имя достижения великодержавных целей; раскрыть борьбу в китайском руководстве по вопросам экономического развития страны и показать влияние экономической политики Мао Цзэ-дуна и его окружения на народное хозяйство Китая и положение трудящихся.

О некоторых чертах маоистского подхода к решению экономических проблем Китая

После образования КНР формирование экономической политики в целом испытывало на себе сильное влияние той борьбы, которая давно ведется в КПК между двумя течениями: марксистско-ленинским, интернационалистским и мелкобуржуазно-националистическим, шовинистическим. Если все силы, представляющие пролетарскую линию, видели в марксизме-ленинизме, в дружбе с Советским Союзом компас развития и залог успешного социалистического преобразования своей родины, в области экономики ориентировались на опыт Советского Союза и в основном правильно учитывали реальные возможности и потребности Китая, то националисты подходили к марксизму-ленинизму с утилитарных позиций, стремились использовать дружбу с Советским Союзом, его опыт лишь как инструмент, удобный и необходимый на определенном этапе для утверждения во что бы то ни стало величия и гегемонии Китая среди народов мира. Хотя националистически настроенные лидеры, судя по всему, в значительной мере едины в устремлениях создать «великий Китай», они расходятся в решении таких конкретных проблем, как темпы накопления, методы мобилизации ресурсов, схема развития народного хозяйства и место его отдельных отраслей, возможная мера нарушений пропорций, связь с внешним миром, мировым хозяйством, соотношение экономического роста и социальных преобразований.

В связи с этим в области экономической политики, равно как и в области экономической теории, история КНР дает нам пример весьма своеобразного и достаточно сложного положения, когда облекаемые в одну и ту же марксистско-ленинскую терминологию, существ-

вуют и борются: а) правильные стратегические и тактические положения, отражающие объективные, общие закономерности строительства социалистического строя, а также концепции, с позиций марксизма-ленинизма выражающие особенности экономического положения в стране; б) концепции, порожденные односторонним преувеличением особенностей страны, а также «теории», возводящие в рамки законов практические, вынужденные меры, вызванные трудностями того или иного периода; в) концепции великодержавно-националистического толка и представления мелкобуржуазно-националистические, субъективистские и волюнтаристские.

В итоге практическая линия экономической политики в Китае в зависимости от соотношения борющихся сил в определенные периоды то в целом воплощала правильные марксистско-ленинские принципы, что обусловило быстрое прогрессивное развитие экономики страны (в основном это относится ко времени до 1958 г.); то выступала как откровенно националистическая, маоистская — и экономике Китая наносился серьезный ущерб (в особенности в период «большого скачка», «коммунизации», 1958—1960 гг.); то выступала как некая равнодействующая борющихся сил (период «урегулирования», 1961—1965 гг.). В ходе «культурной революции» Мао Цзэ-дун и его окружение снова попытались навязать стране свой особый курс экономической политики.

В целом можно сказать, что по мере развития страны маоисты все более отходили от задач строительства социалистического Китая. Националистическая идея создания «великого Китая» своими особыми путями и средствами, которые вступили в острое противоречие с научным коммунизмом, стала превалировать. Она слилась с давними честолюбивыми замыслами Мао Цзэ-дуна и оформилась в виде великодержавного курса, важнейшей составной частью которого является маоистская экономическая политика.

«Теоретические» истоки авантюристической линии маоистов. В условиях непомерного культа личности, получившего в Китае столь уродливое проявление, на формирование экономической политики большое влияние оказывали «идеи» Мао Цзэ-дуна, в которых нашли выражение интересы националистического, «левого» мелкобуржуазного течения в КПК.

«Идеи» Мао Цзэ-дуна и его последователей в области экономических взглядов, экономической политики и развития народного хозяйства представляют довольно пеструю картину, им присущи эклектика и схематизм. В них наряду с элементами утопического социализма и анархизма немало троцкистских измышлений и народничества, прикрываемых марксистско-ленинской терминологией. Бесполезно было бы искать у маоистов законченную целостную экономическую теорию, скорее это обрывки словечек и звонких фраз, надерганных отсюда и оттуда. Многие установки Мао Цзэ-дуна имеют чисто утилитарное назначение, а также отражают шараханье китайского руководства из крайности в крайность.

При ближайшем рассмотрении обнаруживается прежде всего, что экономика, политическая экономия — это сферы, которым Мао Цзэ-дун менее всего уделял внимания. Известно, что с основами экономической теории он начал знакомиться уже в зрелые годы в значительной степени по популярной литературе и, по свидетельству современников, впервые прочитал учебник по политической экономии в 1933 г.¹

Мао Цзэ-дун никогда не проявлял интереса к экономической теории. Те его работы, которые маоисты пытаются выдать за вклад в экономическую теорию («Хозяйственные и финансовые вопросы в период войны против японских захватчиков», «Организуйтесь!», «Научиться вести хозяйственную работу», «В партизанских районах тоже можно заниматься производством», «О самообеспечении армии...» и др.), написаны еще до победы революции и касаются главным образом конкретных, оперативных вопросов ведения полунатурального хозяйства в тот период.

Мао Цзэ-дун по существу не воспринял марксистского учения о способе производства и не исследовал проблем производства, обмена, распределения, потребления, законов воспроизводства и экономического роста. В своей последней крупной работе «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа» (1957 г.) он меньше всего занимался анализом экономических проблем страны, конкретным рассмотрением эко-

¹ См. А. М. Румянцев. Проблемы современной науки об обществе. М., «Наука», 1969, стр. 134.

номических укладов китайского общества, подменив это перечнем противоречий «внутри народа», «между нами и врагами».

Следует отметить также, что сильное влияние на экономические представления маоистов оказал опыт организации социально-экономической жизни освобожденных районов в 40-е годы. В отсталой стране, в глухой деревне, в условиях примитивной экономической жизни, крайней социально-экономической отсталости районов, находившихся под контролем КПК, преобладания натуральных отношений, в условиях войны и блокады сложились некоторые основные представления китайских руководителей о методах, формах и путях строительства и организации общества и экономики.

Особые условия освобожденных районов породили ряд специфических установок и курсов КПК по вопросам организации хозяйственной жизни. Главным в хозяйственной работе считались, как писал Мао Цзэ-дун в работе «Организуйтесь!», «мобилизация и организация в одну большую трудовую армию по возможности всего без исключения населения, всех воинских частей, всех учреждений и военных заведений, всех мужчин и женщин, старых и молодых». Особое внимание в осуществлении этого курса уделялось армии. Участие армии в труде, самообеспечение минимумом необходимых продуктов, организация ею населения рассматривались не только как вынужденные меры, но и как курс, следствием которого должно быть «слияние армии и народа, армии и партии, армии и администрации». В соответствии с установкой «развитие хозяйства для снабжения» населению освобожденных районов в целях самообеспечения рекомендовалось развивать, «считая главным сельское хозяйство», различные формы кустарных предприятий, что в тех условиях было естественным и необходимым.

Военизация труда и всех форм общественной жизни, милитаризация, самообеспечение населения минимумом необходимых продовольственных и промышленных товаров внутри отдельных, изолированных друг от друга районов и производственных единиц, уравнительное распределение на предельно низком уровне потребления, взгляд на экономику через призму военных категорий — все эти характерные черты организации социально-эко-

номической жизни того периода маоисты стремятся перенести и в условия развернутого строительства новой экономической базы в масштабах всей страны, выдают их за единственно возможный путь строительства социализма. В 1959 г. на совещании в Чжэнчжоу 27 февраля, говоря об экономических проблемах строительства страны, Мао Цзэ-дун подчеркнул: «...я считаю деревенский стиль, партизанские привычки хорошиими». Эти характерные черты маоистского подхода к решению экономических проблем стали все болезненнее проявляться с конца 50-х годов, в особенности в 1958 г., когда был открыто провозглашен особый курс строительства экономики страны. Научный анализ и подход к решению экономических проблем Мао Цзэ-дун пытается подменить комплексом эмпирических установок, почерпнутых им в практике хозяйственной работы в освобожденных районах 40-х годов.

Вместе с тем отношение Мао Цзэ-дуна к проблемам экономики вытекает и из его общей позиции философского субъективизма и волюнтаризма.

Материалистическое понимание истории исходит из того, что в основе развития общества лежит производство материальных благ, что экономические отношения являются определяющими во всей системе общественных отношений. Марксизм всегда сосредоточивал внимание на изменениях в способе производства, прежде всего на процессах развития производительных сил. Маркс и Энгельс произвели глубокий научный анализ экономического базиса буржуазного общества и его классовой структуры. «Капитал» Маркса явился величайшим творением человеческого гения. В. И. Ленин фундаментально изучил экономическое развитие России, исследовал экономическую сущность империализма. Определяя пути социалистического строительства, он со всей тщательностью проанализировал экономику страны, ее экономические уклады и классовые силы и на этой основе разрабатывал программу действий партии, в том числе ее экономическую политику. Коммунистическая партия Советского Союза последовательно придерживается этой позиции, осуществляя строительство коммунистического общества.

Мао Цзэ-дун полностью попрал этот марксистско-ленинский метод и отошел от материалистического

обоснований экономической политики. Производственные отношения рассматриваются им как объект волонтистского администрирования, а совершенствование их не как результат изменений в производительных силах, внедрения достижений науки и техники, роста обобществления на деле, а как утилитарное средство решения субъективно определенных задач. Характерно, что приоритет, центральное место в таком совершенствовании Мао Цзэ-дун отводит китайской деревне, базирующейся на примитивной технико-производственной основе.

Извращая марксистское понимание соотношения политики и экономики, Мао Цзэ-дун выдвинул принцип, определивший его подход к решению экономических проблем: «Политика — это душа, командная сила», «это — маршал». В соответствии с этим тезисом насилие, административно-политические методы, политическая власть, «верховный главнокомандующий» могут, не взирая на законы экономического развития и материального производства, явиться решающей, коренной силой и определяющим фактором экономического развития.

Маоисты изображают «политику», насилие как универсальный ключ и фактор решения всех экономических проблем, в том числе и таких, объективные условия для решения которых еще не созрели.

Положение «политика — командная сила» служит как бы теоретическим кредо Мао Цзэ-дуна, обоснованием администрирования и волонтизма в области экономики. По существу это положение является новым переизданием идеалистической волонтистской «теории насилия», оно тождественно тезисам мелкобуржуазного социалиста Дюринга, который также считал, что в основе развития лежит политическая сила, а экономика является лишь «второстепенным фактором», и анархиста Бакунина, стремившегося вести строительство «на самой широкой воле».

И, наконец, для понимания и оценки экономической политики маоистов после образования КНР необходимо иметь в виду, что главная политическая цель, которую уже давно поставило перед собой китайское руководство заключается в «возрождении национального величия», создании «великого Китая», который стал бы «образ-

цом для всего мира», а Мао Цзэ-дун — «великим вождем всех народов». «Китай,—заявил Мао Цзэ-дун в 1967 г.,—должен стать не только политическим центром мира, но и его военным и техническим центром».

Отсюда — из этой субъективистски установленной великодержавной цели — в значительной мере проистекает и внеэкономический, волюнтаристский подход маоистов к ведению дел в экономике. Безудержное стремление превратить Китай в кратчайший срок в первую державу мира привело к ниспровержению всех основных принципов социалистического экономического строительства в стране.

После образования КНР маоисты в поисках путей реализации этой главной политической цели по мере своих сил и возможностей стремились приспособить социалистическое развитие Китая, на путь которого объективно встала страна, к своим великодержавным устремлениям.

Эти устремления в ряде случаев прикрывались лозунгами о «досрочном» переходе к коммунизму, о преобразовании коллективной собственности в общенародную, ликвидации существенных различий между умственным и физическим трудом, между городом и деревней, между рабочим классом и крестьянством, которыми обосновывались конкретные организационно-политические мероприятия в сфере экономических отношений.

По существу исходный путь и стратегическая линия экономической политики Мао Цзэ-дуна заключаются в стремлении совершить скачок в экономике с упором, как это все более отчетливо проявляется в последние годы, на развитие военно-промышленного, прежде всего ракетно-ядерного, потенциала во имя шовинистических, гегемонистских целей создания «великого Китая». Способами достижений этих целей и мобилизации необходимых накоплений маоисты считают так называемое «совершенствование производственных отношений», «революционирование», «массовые движения» и другие средства, основывающиеся на использовании огромных трудовых ресурсов страны при сохранении низкого жизненного уровня трудящихся.

Пути и средства. Из общей позиции маоистов в области экономики вытекают и те методы, посредством которых они пытаются воплотить в жизнь свои идеи,

добиться достижения поставленных целей. Мелкобуржуазное нетерпение, гегемонистские устремления, возведенные в принцип экономической политики, определили подход маоистов к проблеме темпов, которая заняла одно из первостепенных мест в экономической концепции маоистов.

Мао Цзэ-дун еще в 1955 г. призвал «сломать «старые рамки» первого пятилетнего плана», потребовал установить «более высокие темпы», стремительно продвинуться вперед¹. «Генеральная линия», которую маоисты пытались навязать партии и которую они открыто провозгласили в 1958 г., формировалась в значительной мере как линия «самых высоких темпов», линия скачка, резкого рывка, чтобы, не взирая на перенапряжение, расточительство и диспропорции, добиваться «непрерывного большого скачка».

Несомненно, что вопрос о темпах экономического роста — вопрос чрезвычайно важный для страны, строящей социализм, тем более в условиях значительной экономической отсталости. Достижение и обеспечение высоких устойчивых темпов требуют последовательного соблюдения требований экономических законов, всестороннего и полного учета объективных условий и имеющихся возможностей. Для маоизма же характерна крайне субъективистская позиция по вопросу о темпах развития.

Выдвинутый в 1958 г. лозунг за три года «добиться перемены в основном облике большинства районов страны» наглядно воплотил волюнтаристский подход маоистов к проблеме темпов.

Для достижения максимальных темпов, считают маоисты, следует пожертвовать планомерным, пропорциональным развитием и признать закономерным возникновение острых диспропорций.

Создавая «теоретическую» подкладку для своих волюнтаристских действий и оправдания резких диспропорций, трудностей и напряженности, неизбежно возникающих в результате своеевольных «скачков» в экономике, маоисты выдвинули так называемый закон «волнообразного» скачкообразного развития («прилив — от-

¹ См. Вторая сессия VIII Всекитайского съезда КПК. Пекин. Издательство литературы на иностранных языках, 1958, стр. 33—34.

лив — более высокий прилив, т. е. скачок¹) и теорию «равновесие — неравновесие — снова равновесие».

Реальная проблема — каким образом поддерживать пропорциональность («равновесие») в условиях ускоренного роста слаборазвитой страны и как преодолевать диспропорции в развитии отдельных отраслей народного хозяйства, вызываемые необходимостью структурной перестройки экономики, — необычайно обостряется в результате своеольных «скачков» в экономике и доводится до масштабов национального бедствия, катастрофических диспропорций, возникновение которых и возводится в ранг объективного закона.

«Закон волнообразного развития экономики» порожден как «теоретическое» обоснование, оправдание и прикрытие субъективистских «скачков» и вызываемых ими тягот для экономики страны и положения трудящихся. Активная пропаганда этого «закона» осуществлялась, как правило, или в периоды, непосредственно предшествующие попыткам осуществить «скачок», или в моменты, когда маоистам надо было как-то объяснить возникшие в стране диспропорции. Так, после неудачных попыток форсировать темпы экономического развития в 1956 г., следствием чего было нарушение многих пропорций и снижение темпов развития народного хозяйства, пропаганда, оправдывая эти трудности, в 1957 г. выдвинула тезис о неизбежности неравновесий в экономике. Вместе с тем это явилось подготовкой «большого скачка». В 1959 г. и в начале 1960 г., когда экономика КНР начала в результате провала «большого скачка» катиться вниз, приверженцы теории «волнообразного развития» стремились доказать закономерность этого явления: «Это нормальное явление», писали китайские авторы².

В обстановке последовавшего затем резкого спада экономики в условиях «урегулирования» вновь был вытащен «закон волнообразного развития». Теперь уже доказывали, что для развития социалистической экономики типична «стадиальность», что «всегда после

¹ Вторая сессия VIII Всекитайского съезда КПК. Пекин. Издательство литературы на иностранных языках, 1958, стр. 37.

² Десять лет КНР. Пекин. Издательство литературы на иностранных языках, 1959, стр. 77.

большого развития необходимо следует упорядочение и процесс этот является необходимым...»¹.

Одна из основных проблем для Китая — проблема использования трудовых ресурсов.

Использование дешевой рабочей силы Мао Цзэ-дун рассматривает как важнейший фактор развития страны: «...одним из решающих факторов... является 600-миллионное население». Китайские лидеры считают, что большое народонаселение и многочисленность крестьянства в Китае являются «самыми активными факторами в деле развития... высокими темпами»².

Проблема эффективного использования огромных ресурсов рабочей силы в КНР в условиях, когда реорганизация отсталой экономики сопровождается возрастающим повышением капиталоемкости производства и когда капитал является неизмеримо более дефицитным фактором, чем труд, представляет собой трудную проблему. Она становится особенно острой еще и потому, что труд в Китае представлен в основном неквалифицированной рабочей силой. Эта проблема может успешно решаться лишь в связи с созданием и развитием материально-технической базы, повышением квалификации трудящихся, повышением производительности общественного труда.

Численность населения Китая определяется различными исследователями в 700—730 млн. человек. Ежегодный прирост населения составляет 13—14 млн. человек.

В настоящее время КНР вступает в фазу второй «демографической волны», которая при бесконтрольном режиме воспроизводства населения может по своей интенсивности быть выше первой волны, охватившей период 1949—1959 гг. Можно ожидать увеличения рождаемости, так как численность женщин в стране в возрасте 18—22 лет увеличится в ближайшие годы примерно на 10 млн. человек.

Общая численность трудоспособных также растет быстро — за годы КНР она выросла примерно на 60 млн. человек, потенциальный резерв рабочей силы

¹ «Чжунго цинлянь», 1961, № 9.

² Ли Фучунь. Высоко держа красное знамя генеральной линии, продолжать идти вперед. Пекин. Издательство литературы на иностранных языках, 1960, стр. 19.

будет в дальнейшем увеличиваться еще быстрее. В настоящее время в Китае насчитывается около 400 млн. трудоспособных лиц в возрасте 15—60 лет, из них примерно 340 млн. — в деревне. В народном хозяйстве занято, по оценкам, до 240—245 млн. человек (исключая учащихся, военных и т. п.), из них 190—195 млн. — в сельском хозяйстве.

В отличие от большинства стран мира в Китае число мужчин издавна превышало численность женского населения. За годы существования КНР этот численный перевес мужского населения над женским и в деревне и в городе не только не сократился, но даже увеличился.

С экономической (да и не только с экономической) точки зрения этот перевес является определенным преимуществом, так как создает потенциально выгодную структуру рабочей силы и позволяет отвлекать миллионы мужчин в трудовые поселения, направлять их в отдаленные районы, не нанося ущерба формированию новых семей.

Вместе с тем следует иметь в виду и то, что в КНР средняя плотность населения (примерно 75—80 человек на 1 кв. км) в три раза выше среднемировой плотности, при этом прирост плотности населения за 1953—1968 гг. был в три раза выше среднемирового прироста. Это позволяет интенсивно использовать рабочую силу.

Население КНР действительно представляет собой один из важных видов ресурсов для развития производительных сил страны. Однако превращение его в реальную силу быстрого экономического развития требует, во-первых, создания соответствующих социально-экономических предпосылок, во-вторых, значительных капитальных ресурсов и, наконец, правильной, научно определенной линии экономической политики. Возможность и эффективность использования потенциальных резервов рабочей силы и благоприятных факторов зависят не столько от абсолютных показателей численности населения, в том числе и трудоспособного, сколько от способности политического и хозяйственного руководства мобилизовать и направить в нужное русло трудовые ресурсы страны.

Проблема народонаселения, ее экономические аспекты не находят в Китае удовлетворительного решения,

Маоисты ищут ключ к ее решению не путем экономических методов и создания в ходе длительной кропотливой работы соответствующих социально-экономических предпосылок, а с помощью политических манипуляций, механического перемещения масс населения и принуждения.

Парадоксальным фактом является то, что главной сферой поглощения дополнительных рабочих рук в стране является сельское хозяйство, где фактически аккумулируется скрытое перенаселение. Число занятых в современной крупной промышленности в последние годы почти не увеличивается. Хотя рост численности городского населения проходил довольно бурно (с 1949 по 1958 г. оно увеличилось в 2 раза), однако после провала «большого скачка» городское население в принудительном порядке было сокращено на 20 млн. человек.

Осуществляется линия на сдерживание роста городского населения путем насильственного отправления молодежи, окончившей средние школы, в сельскую местность отдаленных и пограничных районов; выселение интеллигентии на «трудовое перевоспитание» и т. п. Доля городского населения весьма низка, она составляет 15—16% — одно из последних мест в мире. Это почти в 2 раза ниже среднемирового уровня.

В стране складывается довольно своеобразное положение.

Сельское население не только абсолютно преобладает над городским (почти 6 сельских жителей приходится на одного городского), но и доля сельского населения в общей численности населения страны снижается крайне медленно: за период 1949—1969 гг. она уменьшилась всего лишь с 89% до 84—85%. Вместе с тем происходит постоянный рост численности сельского населения; за годы существования КНР оно увеличилось более чем на 150 млн. человек, т. е. абсолютный прирост сельского населения превысил прирост городского населения более чем в 2,5 раза. Это ведет, в частности, к тому, что темпы прироста сельского населения превышают темпы роста пахотных площадей, что приводит к сокращению пахотной площади, приходящейся на одного сельского жителя, и в условиях сохранения низкой производительности сельскохозяйственного труда ухуд-

шает продовольственное положение в деревне. Если плотность сельского населения на единицу пахотной площади составляла в 1949 г. примерно 480—490 человек на 100 га, а в 1957 г.— 470—475 человек, то ныне она поднялась до 520—525 человек. Плотность сельского населения Китая в 10 раз выше плотности сельского населения Советского Союза и в 17 раз — выше США.

Экономический курс и политические мероприятия нынешнего китайского руководства неспособны решить сложные проблемы использования трудовых ресурсов страны.

Шовинистические честолюбивые устремления, находящие себе почву в многочисленности населения, переплетаются здесь с мелкобуржуазным нетерпением, вызываемым страхом из-за перенаселенности и бедности народа.

В целом это выливается в стремления решать проблему волонтиаристским путем, административно-принудительными методами.

Исходя из своей концепции экономического развития, маоисты определили основные принципы и формы использования трудовых ресурсов Китая.

Во-первых, поголовныйхват населения «трудовыми армиями», которые изображаются как идеальная форма организации общественного труда.

Во-вторых, периодическое сосредоточение огромных масс живого труда на отдельных, произвольно выбираемых направлениях и участках («битва за сталь», в которой участвовало около 60 млн. человек; глубокая вспашка, массовое ирригационное строительство, в котором зимой 1958 г. участвовало 100 млн. человек, и т. д.). Одна из «идей» народной коммуны состояла в сосредоточении больших масс живого труда и в обеспечении маневра десятками тысяч, миллионами рабочих рук под единым командованием.

В-третьих, создание в массовом порядке, прежде всего в деревне, мельчайших и мелких промышленных предприятий. Курс на «создание большого количества предприятий и организаций, которые при небольших капиталовложениях обеспечили бы занятость большого числа людей», был определен еще в 1957 г. Было выдвинуто требование этот курс «поднять до стратегиче-

ского уровня...»¹. Фактически же это означало ставку на кустарное производство с господством ручного труда и приводило к снижению эффективности общественного труда.

В-четвертых, консервация и в ряде случаев снижение и без того низкого жизненного уровня трудящихся. Стремление к улучшению условий труда и жизни трудящихся Мао Цзэ-дун обычно расценивал как синдикалистский уклон и клеймил как «экономизм». Он объявил фактором социалистического строительства нищету и отсталость трудящихся масс, провозгласив лозунг: «Бедность — это хорошо», повторяя по существу известный тезис анархиста Нечаева: «Производить как можно больше, а потреблять как можно меньше».

Не обеспечение роста благосостояния трудящихся по мере успехов строительства нового общества, а наступление на жизненный уровень народа во имя достижения великодержавных целей объявили маоисты своей программой.

Линия маоистов в области оплаты труда заключается в том, чтобы «пищу, рассчитанную на три человека, потребляли пять человек», чтобы «ни в коем случае не использовать методы материального стимулирования»; «твердо осуществлять систему целесообразно низкой заработной платы»².

По существу маоисты, отрицая необходимость связи экономического роста, процесса расширенного воспроизводства с повышением жизненного уровня трудящихся, выступают за максимальный рост производственного накопления. Изменения в структуре распределения национального дохода КНР шли по линии постоянного роста удельного веса фонда накопления и соответствующего падения удельного веса фонда потребления. Удельный вес фонда накопления возрос с 18,2% в 1952 г. до 37,8% в 1959 г. За то время фонд накопления увеличился более чем в 15 раз. Если за все годы первой пятилетки (1953—1957 гг.) удельный вес фонда накопления в национальном доходе возрос только на 5,5%, то

¹ См. Ли Фу-чунь. Высоко держа красное знамя генеральной линии, продолжать идти вперед. Пекин. Издательство литературы на иностранных языках, 1960, стр. 27.

² «Лаодун», 1965, № 12; 1966, № 1.

за один только 1958 г. он вырос на 11,1%. За первую пятилетку абсолютный прирост фонда накопления составил 11 млрд. юаней, а за один только 1958 г. намечалось направить на эти цели 21,5 млрд. юаней. Рост накопления в значительной мере обеспечивался путем различных мероприятий и кампаний, направленных на сдерживание роста покупательной способности населения, жесткого режима экономии, нормирования и т. п.

В-пятых, методами мобилизации трудовой активности населения маоисты считают так называемые «совершенствование производственных отношений» и «революционизацию». Материальное стимулирование объявляется врагом революции. На деле эти средства мобилизации «субъективной активности масс» выливаются, с одной стороны, в прямое административное принуждение; которое обосновывается «обостряющейся классовой борьбой», а с другой — в интенсивную идеино-политическую и психологическую обработку трудящихся в целях «преобразования мышления», которое наряду с прямым насилием рассматривается как фактор развития экономики.

В связи с этим положение К. Маркса о том, что идея становится материальной силой, когда она овладевает массами, довольно часто используемое китайской пропагандой, трактуется в чисто субъективистском, волонтеристском духе, как будто любые идеи, а именно «идеи Мао», независимо от объективно сложившихся материальных условий данного этапа развития общества, если их «внедрить в массы», могут двинуть вперед развитие экономики. Отсюда — массовые политические кампании, которые, как правило, начинают и сопровождают все мероприятия маоистов в области экономики. «Все задачи в революции и строительстве должны выполняться с помощью массовых движений...»¹. В Китае требуют мобилизовать рабочих и служащих «путем политического воспитания», «твердо придерживаться принципа «политика — командная сила»².

Маоисты стремятся принизить и извратить известное высказывание В. И. Ленина о том, что социализм надо

¹ Десять лет КНР. Пекин. Издательство литературы на иностранных языках, 1959, стр. 95.

² «Лаодун», 1966, № 1.

строить «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма... на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете...»¹, заявляя, что это положение Ленина порождено якобы конкретными условиями России периода нэпа и не имеет ничего общего с материальным стимулированием². Китайская пропаганда пытается представить дело таким образом, что будто «идей Мао Цзэ-дуна» могут выступать в качестве единственного стимулирующего фактора производственной и творческой активности тружеников Китая, так как, по ее утверждениям, «материальные интересы сегодня в Китае уже больше не владеют людьми в их отношениях к обществу и труду»³.

Марксистско-ленинским положениям противопоставляются установки, воспевающие мелкобуржуазную уравниловку. «Организация системы натурального снабжения, — говорит Мао Цзэ-дун, — это марксистский стиль, противоположный буржуазному стилю... Почему надо вводить систему зарплаты? Это уступка буржуазии». Меры по материальному стимулированию объявлены в Китае «буржуазным хламом», а требования трудящихся в защиту своих завоеваний — «контрреволюционным экономизмом».

* * *

Экономический курс маоистов как комплекс в определенной системе увязанных между собой установок и идей сформировался не сразу. Не сразу и не в полной мере стали проявляться отрицательные последствия тех мероприятий, которые маоисты осуществляли в области экономики в соответствии со своими политическими целями. Формирование этого курса в основном завершилось к концу 50-х годов, а затем в Китае началось его практическое осуществление, что вылилось в сумму мероприятий, стержень которых составили «большой скачок» и народные коммуны.

Практика народнохозяйственного развития Китая показала, что «идей Мао Цзэ-дуна», касающиеся вопро-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 151.

² «Хубэй жибао», 1966, 9 февраля.

³ Вспоминаются слова К. Маркса, который подчеркивал: «Идея» неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от «интереса» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 89).

сов экономического строительства, пришли в полноё противоречие с интересами строительства социализма в стране, с интересами китайских трудящихся, с марксизмом-ленинизмом. Рассмотрению этой практики и посвящены последующие разделы работы.

Развитие экономики КНР в 1949—1957 гг. и линия Мао Цзэдуня

Первые шаги. Социалистическое переустройство Китая после победы революции осуществлялось в довольно сложных условиях. Имелись как объективные, так и субъективные обстоятельства, серьезно затруднявшие процесс социалистического переустройства китайского общества, создание экономических основ социализма.

Отсталость страны, низкий уровень развития производительных сил, особенно современной промышленности, архаичная структура экономики, тяжелая разруха, оставленная многолетними военными действиями; малочисленность пролетариата, сосредоточенного в отдельных центрах современной промышленности; огромное демографическое давление; чрезвычайная острота проблемы накопления для целей индустриализации и реконструкции — все это серьезно сказывалось на решении задач социалистического строительства.

Партия, выросшая и сложившаяся как массовая руководящая политическая сила китайского народа в отсталых аграрных районах, была до победы революции слабо связана с крупным производством, с высокоразвитой экономикой. Особые трудности для КПК создавались вследствие того, что партия длительное время находилась вдали от всех рабочих центров. Известная оторванность пролетарских центров от партии в свою очередь создавала препятствия на пути влияния рабочего класса на крестьянство, революционную армию и в конечном счете на партию.

Определенные трудности вытекали и из экономического и политического положения самого китайского пролетариата: собственно промышленных рабочих в стране было крайне мало. Рабочему классу не хватало

опыта руководства массовым революционным движением различных слоев населения в масштабе всей страны, опыта народнохозяйственного строительства.

Мао Цзэ-дун и его ближайшее окружение не уделяли должного внимания промышленному пролетариату, недооценивали работу в городах и нередко фактически отходили от организационной работы с рабочим классом. На деле они сводили стратегию революционного процесса к «окружению города деревней», абсолютизировали роль китайского крестьянства, пренебрегали гегемонией пролетариата в революции.

Представители марксистско-ленинского, интернационалистского направления в КПК, опираясь на поддержку международного рабочего движения, отстаивали интересы китайского рабочего класса, боролись за утверждение его руководящей роли в революционном движении, и поэтому рабочий класс Китая оказал большое влияние на национально-освободительную, антифеодальную, антиимпериалистическую борьбу, внес свой вклад в победу революции и создание КНР, сыграл важную роль в утверждении экономических и политических основ нового строя и развитии Китая по социалистическому пути.

После победы революции на первое место все более выдвигались вопросы экономики, организации народного хозяйства, управления производством, важнейшее значение приобретала проблема выработки курса социально-экономической реконструкции страны, экономической политики партии. Это требовало принципиальной и ясной марксистско-ленинской позиции, гибкости и неуклонного учета объективных условий, глубоких экономических знаний, строгой научной обоснованности методов и принципов экономической политики.

У КПК имелись исключительно благоприятные условия для успешного налаживания дела экономического строительства страны. Советский Союз и социалистические страны оградили Китай от попыток империалистической интервенции и вооруженной контрреволюции внутри страны, избавили страну от экономической блокады, активно содействовали движению Китая по социалистическому пути. Советский Союз предоставил в его распоряжение огромный опыт своего экономического строительства, помог кадрами. С помощью Совет-

ского Союза разрабатывалась программа экономического развития Китая, первый пятилетний план.

Опираясь на бескорыстную помощь, используя все достижения передового опыта Советского Союза, Китай с успехом начал делать первые шаги на сложном пути социалистического переустройства общества.

Руководство КПК впервые столкнулось с вопросами общегосударственной народнохозяйственной политики после того, как Народно-освободительная армия Китая очистила в 1948 г. значительные территории от гоминдановских войск, когда в руки китайских коммунистов перешли промышленные центры, где была сосредоточена значительная масса рабочего класса и городского населения, размещены крупные промышленные предприятия. Необходимо было наладить промышленное производство, обеспечить управление промышленными центрами, стабилизировать финансовое положение в стране и т. д., что было для китайских руководителей делом новым.

В эти трудные дни на помощь китайскому народу пришел Советский Союз. По просьбе китайских коммунистов в КНР были направлены опытные специалисты по вопросам финансов, планирования, внешней торговли, машиностроения, металлургии, угледобычи, химии, энергетики и т. д. Советские люди помогли руководству КНР разобраться в экономическом хаосе, предоставили свои рекомендации.

Второй пленум ЦК КПК в марте 1949 г. определил содержание линии на экономическое развитие страны. В качестве главной задачи было выдвинуто требование «быстро восстанавливать и развивать производство, противостоять империализму и неуклонно превращать Китай из страны аграрной в страну индустриальную». Это была только общая установка. Она определяла лишь направление развития и не касалась методов, этапов и сроков экономического строительства в Китае.

Уже в это время выяснилось, что часть китайского руководства недооценивает всей сложности задачи налаживания экономической жизни страны, игнорирует указание В. И. Ленина о том, что после захвата пролетариатом политической власти выдвигаются на первый план сложные задачи хозяйственного строительства. Руководствуясь чисто субъективным желанием, Мао Цзэ-

дун выдвигает тезис о том, что экономический подъем страны может быть осуществлен гораздо легче, чем борьба против Чан Кай-ши.

Эта мысль в то время была сформулирована еще нечетко и не получила широкого распространения. В первые годы существования КНР одержала верх другая точка зрения. Ее существование состояло в том, что для восстановления и развития экономики Китая и решения задач строительства социализма потребуется довольно длительный переходный период.

В 1949—1952 гг. китайский народ осуществил широкую программу демократических социально-экономических преобразований, восстановил разрушенную войной экономику, приступил к осуществлению социалистических задач китайской революции. В результате конфискации и передачи в собственность народного государства имущества бюрократического капитала была создана база социалистического сектора экономики. В ходе аграрной реформы 1950—1952 гг. 300 млн. крестьян получили 47 млн. га бывшей помещичьей земли. За три года восстановительного периода объем производства в стране вырос почти на 78%, в том числе валовое промышленное производство — в 2,5 раза, сельское хозяйство — на 48,5%. В результате в конце 1952 г. валовая продукция промышленности превысила довоенный 1936 г. на 22%, сбор продовольственных культур — на 11,5%, а хлопка — более чем на 50% превысил уровень наилучших до освобождения сборов.

Начали получать решение многие социально-экономические проблемы, явившиеся бичом старого Китая: в стране была достигнута определенная экономическая и политическая стабильность, ликвидированы явления массового голода, а также в значительной мере нищетство и бродяжничество, были сделаны первые шаги по рациональному использованию рабочей силы.

Генеральная линия строительства социализма. С 1953 г. Китай вступил в период первого пятилетнего плана, который явился важнейшей стороной реализации выработанной КПК генеральной линии строительства социализма в стране.

Сущность генеральной линии партии в переходный период, как это было определено КПК, заключалась в том, чтобы «социалистическую собственность на сред-

ства производства сделать единственной экономической основой государства, общества... Только окончательный переход от частной собственности будет способствовать проведению революции в области техники... и тем самым даст возможность добиться осуществления следующих целей: производства в широких масштабах разнообразной промышленной и сельскохозяйственной продукции; удовлетворения растущих с каждым днем потребностей народа; повышения жизненного уровня народа; надежного укрепления обороноспособности страны». Компартия Китая подчеркивала, что необходимо «в течение довольно длительного периода времени постепенно осуществить социалистическую индустриализацию страны и постепенно провести социалистическое преобразование сельского хозяйства, кустарной промышленности и капиталистической промышленности и торговли».

Рассматривая индустриализацию страны как главное средство превращения Китая в передовую индустриально-аграрную державу, КПК, определив курс на мобилизацию внутренних ресурсов, вместе с тем признала необходимым максимально использовать благоприятные условия, созданные существованием мировой системы социализма, взяла курс на развитие сотрудничества с СССР, со всеми социалистическими странами. КПК подчеркивала: «Наша страна не только может использовать передовой опыт Советского Союза, но и непосредственно получить советское оборудование и техническую помощь советских специалистов. Все это — благоприятные условия для завершения социалистической индустриализации нашей страны».

Генеральная линия КПК после всенародного обсуждения была утверждена в сентябре 1954 г. высшим законодательным органом КНР — Всекитайским собранием народных представителей (ВСНП), закреплена в Конституции КНР.

Уточняя и конкретизируя генеральную линию в переходный период, ЦК КПК определил и тот срок, в течение которого намечалось решить основные задачи переходного периода, — «приблизительно три пятилетки, или примерно 15-летний период (начиная с 1953 и кончая 1967 г., а если прибавить три года восстановительного периода, то 18 лет)».

В соответствии с этой генеральной линией был составлен первый пятилетний план, наметивший высокие темпы развития народного хозяйства. В плане устанавливались также конкретные задания по социалистическим преобразованиям сельского хозяйства, кустарной промышленности и частнокапиталистической промышленности и торговли. К 1957 г. предполагалось объединить в сельскохозяйственные производственные кооперативы низшего типа около одной трети крестьянских дворов, кооперировать около одной трети кустарей, преобразовать в смешанные государственно-частные предприятия большинство крупных частнокапиталистических предприятий¹.

ЦК КПК в своих постановлениях неоднократно указывал, что поспешность в социалистических преобразованиях может нанести вред социалистическому строительству. Администрирование и авантюризм в вопросах, например кооперирования, говорилось в постановлении ЦК КПК от 16 декабря 1953 г., есть преступление перед партией, ведущее к подрыву союза рабочих и крестьян, к подрыву дела кооперирования².

Первые всплески борьбы. Уже в эти годы формирование экономической политики происходило далеко не гладко, осуществлялось в борьбе. Часть китайского руководства искала возможности для того, чтобы навязать партии свой курс экономического развития страны: она стала приписывать действительные достижения и успехи Китая только одному лицу, стремясь поставить их на службу культу личности; спекулируя на трудностях и сложностях экономического строительства, она стала пытаться вызвать мелкобуржуазный порыв, чтобы «одним махом» решить острые проблемы страны; она всячески будила великородственные настроения, шовинистический соблазн быстрого достижения своей заветной цели — создания «великого Китая».

После 1953 г. эта деятельность активизировалась. В международных делах китайские руководители выступили с рядом статей, в которых содержались едва скрытые претензии на роль лидеров международного

¹ Материалы второй сессии Всекитайского собрания народных представителей. Госполитиздат, 1956, стр. 328, 331, 334, 340.

² См. Аграрные преобразования в народном Китае. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1955, стр. 368—369.

революционного движения. В области внутренней политики начались активные поиски мер, которые могли бы подкрепить эти гегемонистские устремления.

В 1955 г. китайское руководство сделало попытку осуществить поворот в экономической политике, отбросить генеральную линию партии в переходный период, выдвинуть новый курс и резко форсировать темпы социальных преобразований, прежде всего в деревне. О серьезности разногласий, существовавших по вопросам экономического строительства и социалистического переустройства страны, свидетельствуют факты.

30 июля 1955 г. вторая сессия Всекитайского собрания народных представителей, председателем которого был Лю Шао-ци, одобрила окончательный вариант первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. В разработке этого плана активное участие принимали такие руководители китайской экономики, как член политбюро ЦК КПК Чэнь Юнь и один из главных руководителей сельского хозяйства КНР Дэн Цзы-хуэй.

31 июля 1955 г., т. е. на следующий день после одобрения проекта плана сессией ВСНП, Мао Цзэ-дун выступил с докладом «Вопросы кооперирования в сельском хозяйстве», в котором подверг критике сторонников постепенного социалистического переустройства сельского хозяйства, назвав их людьми, которые, «подобно женщине с перевязанными ногами, мечутся из стороны в сторону, утверждая, что не нужно спешить». Мао Цзэ-дун обвинил партработников, выступавших против излишней спешки в деле кооперирования и требовавших соблюдения общих принципов социалистического хозяйствования, в «медлительности» и «трусости» и выдвинул лозунг: «Надо смело руководить движением, не боясь дракона спереди, а тигра сзади». Смысл лозунга сводился к отрицанию необходимости трезвого учета реальных возможностей и объективных закономерностей экономического развития переходного периода. В декабре 1955 г. он заявил: «Масштабы и темпы... нельзя больше сохранять такими, как предполагалось ранее, они должны быть соответствующим образом увеличены и ускорены»¹.

¹ Социалистический подъем в китайской деревне. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1956, стр. 7.

Эти установки, данные в явное нарушение директив сессии ВСНП, послужили сигналом к форсированию и гонке социальных преобразований. Это, по существу, означало, что начался пересмотр генеральной линии, предусматривавшей постепенное, поступательное продвижение страны к социализму. И хотя часть руководителей все еще настаивала на том, чтобы придерживаться научно обоснованных методов, не проявлять торопливости, не допускать использования методов насилиственных преобразований, выступала против «слепого забегания вперед», призывала проявлять осмотрительность в отношении кооперирования мелкотоварного производства, однако в январе 1956 г. на Верховном Государственном совещании курс на ускорение темпов получил одобрение.

В результате кооперирование сельского хозяйства и кустарно-ремесленного производства, а также преобразование капиталистических предприятий в смешанные государственно-частные предприятия были осуществлены в крайне сжатые сроки: не в течение трех пятилеток, как это предусматривалось ранее, а к концу первой пятилетки, фактически в 1956 г. Китайское руководство, ссылаясь на «особые условия», игнорировало ленинские указания об осторожном подходе к кооперированию крестьянства, о том, что процесс кооперирования должен сочетаться с развитием материально-технической базы сельского хозяйства.

Попытки перейти к новому курсу проявились и в области хозяйственного строительства. В 1955 г. Мао Цзэдун призвал «сломать старые рамки первого пятилетнего плана», потребовал установить «более высокие темпы», «стремительно продвинуться вперед». Попытка ускорения темпов промышленного строительства на практике была предпринята в 1956 г.; появился лозунг «скачка», был запланирован совершенно нереальный прирост капитальных вложений — на 60% по сравнению с 1955 г. При доведении до исполнителей эти задания в целом по стране были увеличены еще на 10%.

Некоторые руководители китайской экономики предупреждали против опасных последствий подобных мер. Так, заместитель премьера Государственного Совета КНР Бо И-бо в 1956 г., выступая «против слепого забегания вперед», заявил, что «капиталовложения на

1956 г. слишком значительны, масштабы намечаемого строительства слишком велики», «не только будет трудно выполнить план капитального строительства, но могут образоваться диспропорции во многих отраслях, возникнуть искусственная напряженность».

Так и получилось на деле. Резкое повышение заданий привело к напряженности в области снабжения строительными материалами и оборудованием, к росту незавершенного строительства, распылению средств. В погоне за количеством повсеместно ослабло внимание к качеству продукции. Нарушились сложившиеся связи по производственному кооперированию, увеличились неувязки в поставках, росли диспропорции. Возрастание темпов выпуска промышленной продукции достигалось не увеличением производительности труда, а главным образом расширением масштабов использования живого труда, набором новой рабочей силы. Это вызвало большой перерасход фонда заработной платы и материальных ресурсов. За один год численность рабочих и служащих в народном хозяйстве увеличилась на 27%, а промышленное производство, по официальным завышенным данным, возросло на 28,2%. Покупательная способность населения увеличилась за год на 7 млрд. юаней, в то время как товарные ресурсы сократились (например, заготовки хлопка в 1956 г. были меньше, чем в 1955 г., на 14%).

Спешка, администрирование в проведении социалистических преобразований в области сельского хозяйства оказали отрицательное влияние на сельскохозяйственное производство, в особенности на производство незерновых культур, животноводство, домашние подсобные промыслы, которые давали до трети доходов крестьян. В 1955—1956 гг. доходы крестьян от этих промыслов уменьшились наполовину¹. Сократилось поступление на рынок товаров первой необходимости, поставляемых крестьянами. Выступая с докладом «О продовольственном вопросе» в 1956 г., заместитель премьера Государственного Совета КНР Чэн Юнь говорил: «Положение с продовольствием тяжелое. Если запасы еще более уменьшатся, то будущей весной придется сильно урезать нормы».

¹ «Жэньминь жибао», 1956, 24 мая.

Лихорадочные темпы преобразований капиталистической промышленности и торговли, необоснованные слияния и объединения предприятий нередко приводили к нарушению сложившихся производственных и торговых связей, к дезорганизации производства и обмена, к падению выпуска продукции, снижению ассортимента, ухудшению снабжения и обслуживания населения. Отмечая ошибки преобразования и возлагая за это ответственность на высших руководителей, по существу на политическую линию, Чэнь Юнь говорил: «На ком лежит ответственность за это ошибочное объединение? Некоторые заявляют: каноны наверху, каноны председателя Мао — хорошие; это монашки ошиблись при чтении... Это неправильно. В конечном счете ответственность лежит на высших пекинских кадровых работниках».

Это был первый серьезный «перекос» в экономическом развитии страны, вызванный волюнтаристскими гегемонистскими устремлениями.

Для ликвидации опасных последствий этих «экспериментов» потребовались чрезвычайные меры. На совещании секретарей городских и провинциальных комитетов КПК в январе 1957 г. говорилось о том, что необходимо выступить «против опрометчивости»; найти способы предотвращения той опасности, когда хозяйственное строительство обгоняет возможности государства. Следует сбалансировать финансовые доходы и расходы, сбалансировать масштабы капитального строительства, рост покупательной способности и финансовые, материальные ресурсы не только на данный год, но и на весь последующий период. Своевременно принятые в этом направлении меры и хороший урожай предшествовавшего 1955 г. позволили смягчить возникшие в стране трудности и диспропорции.

VIII съезд КПК. Мелкобуржуазно-националистическая линия в области экономики получила отпор на VIII съезде КПК в 1956 г.

VIII съезд занимает особое место в истории Коммунистической партии Китая. Главная черта этого съезда состоит в том, что в основу принятых им решений была положена марксистско-ленинская теория строительства социализма. Съезд разработал ясную и достаточно полную, развернутую и в целом реальную программу

социалистического экономического строительства и завершения социалистических преобразований в народном хозяйстве Китая:

съезд отбросил положение о том, что КПК «руководствуется во всей своей работе идеями Мао Цзедуна», навязанное партии в 1945 г., и подчеркнул, что «только марксизм-ленинизм правильно объясняет закономерности развития общества, правильно указывает пути построения социализма и коммунизма»;

съезд подтвердил правильность генеральной линии, принятой партией в 1952 г., и тем самым по существу осудил попытки ее пересмотра. Съезд отметил необходимость длительного периода времени и постепенности в строительстве социализма;

съезд констатировал, что вопрос «кто — кого» в Китае решен в пользу социализма и главным противоречием в стране стало по сути дела противоречие «между передовым социалистическим строем и отсталыми общественными производительными силами». На первый план выдвигалась экономика. Съезд, таким образом, нацелил внимание партии и народа на создание материально-технической базы социализма, сделал вывод о том, что отныне основной задачей народа является развитие производительных сил;

съезд поставил задачу в течение трех или более пятилеток создать в Китае в основном целостную промышленную систему с тем, чтобы промышленное производство занимало основное место в общественном производстве, чтобы в промышленном производстве заметно преобладало производство тяжелой промышленности;

съезд дал установку на комплексное развитие народного хозяйства, по существу заложил в качестве одной из основных идей экономической политики требование добиваться сбалансированного пропорционального развития экономики;

съезд определил экономическую политику, которая была направлена на то, чтобы обеспечить постепенное, но неуклонное повышение жизненного уровня народа, обеспечить на основе развития производства постепенное увеличение заработной платы рабочих и служащих, последовательно осуществлять принцип оплаты по труду, а также улучшить систему заработной платы и систему поощрений;

съезд, указав на огромное значение помощи Китаю со стороны Советского Союза, определил курс на строительство социализма в тесном сотрудничестве с Советским Союзом и другими социалистическими странами; как важнейшую задачу определил курс на расширение экономического и технического сотрудничества с Советским Союзом и другими странами социализма; экономика КНР рассматривалась как часть экономической системы мирового социализма, подчеркивалось значение «укрепления кооперации между странами социалистического лагеря».

Особый акцент съезд сделал на критику «левакских» отклонений от генеральной линии, которые проявлялись в требованиях построить социализм «в одно прекрасное утро», в стремлении к «слепому забеганию вперед». Съезд предупредил партию об опасности авантюристической переоценки возможностей народного хозяйства. Указания в материалах съезда на уклоны отражали напряженную борьбу, которая имела место в руководстве партии по поводу оценки положения и методов дальнейшего развития страны.

Народное хозяйство в первой пятилетке. Анализ развития народного хозяйства в первой пятилетке (1953—1957 гг.) показывает, что страна в деле экономического строительства в основном исходила из установок, определенных генеральной линией партии. В КНР в сравнительно короткий период с помощью социалистических стран была создана первичная база социалистической индустриализации и достигнуты заметные успехи в социалистическом строительстве, в основном было завершено социалистическое преобразование капиталистического хозяйства национальной буржуазии и мелкотоварного хозяйства крестьян.

Расширились и окрепли социалистические производственные отношения. Удельный вес государственного сектора экономики в национальном доходе страны возрос с 19,1% в 1952 г. до 33,2% в 1957 г., кооперативного — с 1,5% до 56,4%, государственно-капиталистического — с 0,7% до 7,6%¹. В 1956 г. капиталистическая

¹ Экономика Китайской Народной Республики. 1949—1959. М., Госпланиздат, 1959, стр. 20.

промышленность на 99% по стоимости продукции и на 98% по числу занятых была преобразована в смешанную государственно-частную. Из 120 млн. крестьянских дворов 118 были объединены в сельскохозяйственные кооперативы, в том числе 107 млн. дворов — в кооперативы высшего типа.

Несмотря на серьезные трудности, вызванные стихийными бедствиями 1953, 1954 и 1956 г., попытки отойти от определенной партией линии, первый пятилетний план был превышен по валовой промышленной продукции на 15%, по капитальному строительству — на 10%.

План сельскохозяйственного производства был несколько перевыполнен по важнейшим зерновым и техническим культурам (несколько ниже плановых оказались показатели производства бобов, арахиса, рапса, джута, кенафа, а также роста поголовья некоторых видов скота). В табл. 1 приведены показатели развития экономики КНР.

Народное хозяйство страны в период первой пятилетки развивалось, несмотря на трудности и колебания, в целом на здоровой основе. В среднем промышленное производство КНР ежегодно увеличивалось примерно на 18%, при этом рост промышленного производства (в 2,3 раза за пятилетку) происходил быстрее, чем увеличение численности рабочих и служащих (в 1,5 раза в течение пяти лет). Сельскохозяйственное производство в среднем увеличивалось ежегодно на 4,5%, при этом, что весьма важно для Китая, рост сельского хозяйства опережал темпы роста населения. Национальный доход в среднем увеличивался ежегодно почти на 9%. Несмотря на возрастание доли накопления в национальном доходе, было обеспечено заметное повышение жизненного уровня китайских трудящихся как в городе, так и в деревне.

За годы первой пятилетки были достигнуты заметные успехи в улучшении положения рабочего класса. Для рабочих и служащих вводился восьмичасовой рабочий день. Если в 1949 г. в стране были миллионы безработных, то в 1956 г. безработица в городах в основном была ликвидирована. Были приняты законы, направленные на обеспечение охраны труда и техники безопасности. Проводились меры по предотвращению

Таблица 1

Важнейшие показатели производства промышленной и сельскохозяйственной продукции в 1949—1957 гг.

	Единица измерения	1949 г.	1952 г.	1957 г.	Темпы роста уровня 1957 г., по сравнению с уровнем 1949 г.
Валовая промышленная продукция*	млрд. юаней	10,8	27	65	в 6 раз
Валовая продукция сельского хозяйства	»	32,6	48	60	в 1,8 раза
Сталь	млн. т	0,158	1,35	5,35	в 34 раза
Уголь	»	32,4	66,5	130	в 4,0 раза
Электроэнергия . .	млрд. квт-ч	4,3	7,3	19,3	в 4,5 раза
Цемент	млн. т	0,7	2,9	6,9	в 10,4 раза
Химические удобрения	»	0,027	0,18	0,63	в 23,4 раза
Зерно	»	108	154	185	в 1,7 раза
Хлопок	тыс. т	445	1303	1640	в 3,7 раза

* Без кустарной промышленности.

профессиональных заболеваний. Частично рабочие и служащие в Китае начали пользоваться бесплатной медицинской помощью, им выдавалась определенная компенсация за дни болезни по больничным листам, начали выплачиваться пенсии по старости и инвалидности.

Постепенно внедрялась система распределения предметов потребления в соответствии с экономическим законом распределения по труду. В стране было начато проведение реформы заработной платы. Средняя годовая заработка рабочих и служащих по стране к концу пятилетки составила 142,8% уровня 1952 г. Заработок квалифицированного рабочего на металлургическом производстве, например, равнялся 70—80 юаням в месяц, а минимальный заработок в тяжелой промышленности — 35—42 юаням. Вводилась система надбавок к заработной плате за вредность производства. Трудящимся, которые работали в трудных условиях отдаленных районов с суровым климатом, выплачивались надбавки к основной ставке заработной платы. Такие усло-

вия оплаты труда благоприятствовали росту производительности труда, что в свою очередь способствовало дальнейшему увеличению заработной платы рабочих и служащих.

В целом в 1957 г. реальная заработная плата рабочих и служащих увеличилась по сравнению с 1952 г. на 30,8 %.

Общая сумма расходов государственных предприятий, учреждений и организаций на социальное страхование и улучшение материального благосостояния рабочих и служащих составила за первую пятилетку 9,6 млрд. юаней, что равнялось 19 % фонда заработной платы.

Вместе с затратами государства на культурно-просветительные мероприятия, медицинское обслуживание и другие нужды, которые приходились на долю рабочих и служащих, общая сумма всех этих средств составила не менее 25 % фонда заработной платы.

Жизненный уровень китайских крестьян также заметно поднялся. Социально-экономические преобразования в деревне, материальная помощь государства позволили поднять сельскохозяйственное производство и подсобные промыслы в деревне. В годы первой пятилетки существовала стабильная система налогов на сельскохозяйственную продукцию. Были повышенены цены на некоторые виды продукции крестьянских подсобных промыслов.

В 1957 г. доходы крестьян возросли по сравнению с 1952 г. на 28 %. Выросло потребление основных видов продовольствия и промышленных товаров. Расходы на потребление в семьях рабочих и служащих в КНР увеличились за 1952—1956 гг. на 19,1 %, а в семьях крестьян — на 12 %. За период с 1952 по 1957 г. сумма вкладов в городские сберегательные кассы увеличилась более чем в 3 раза, составив в 1957 г. 2790 млн. юаней. Сумма вкладов в сельских кооперативах к концу 1957 г. возросла до 1800 млн. юаней.

Проводилась определенная работа по улучшению жилищных условий трудящихся. Наряду с восстановлением и ремонтом имеющегося жилого фонда в стране было развернуто строительство новых жилых помещений.

С 1952 по 1957 г. государством были построены жилые дома общей площадью около 90 млн. кв. м. На

жилищное строительство расходовалось около 10% всех капиталовложений, выделенных на строительство.

Была начата работа по созданию системы народного здравоохранения. Расширена сеть больниц, амбулаторий, домов отдыха, детских учреждений, увеличилось число врачей и других работников здравоохранения. Были в основном ликвидированы такие опасные заболевания, как чума, холера, оспа, снижена смертность, увеличена продолжительность жизни.

Разрабатывались и осуществлялись меры по ликвидации неграмотности. Расширилась сеть школ. Если в 1948 г. в начальных школах обучалось немногим более 24 млн. детей, то в 1957 г. учебой было охвачено 64 млн. детей, или 61% всех детей школьного возраста. В повышении культурного уровня трудящихся все большую роль стали играть печать, кино, национальное искусство. Возросло количество библиотек, театров, дворцов культуры, клубов и т. д. Начала осуществляться радиофикация. Была развернута работа по реформе китайской письменности и созданию и реформе письменности национальных меньшинств. Закладывались основы для широкого и постепенного подъема общеобразовательного и культурного уровня народа, ликвидации неграмотности и осуществления подлинной культурной революции в стране. За годы первой пятилетки между СССР и КНР продолжало развиваться экономическое и научно-техническое сотрудничество, торговые отношения, строившиеся на здоровых взаимо выгодных началах.

Основные причины значительных достижений КНР в этот период объясняются, во-первых, тем, что КПК, несмотря на известные отклонения, вызванные попытками отбросить генеральную линию партии, в целом направляла развитие страны по пути соблюдения общих закономерностей социалистического строительства и социалистического преобразования общества и достаточно умело претворяла их в жизнь в конкретных условиях Китая. В КНР широко использовались проверенные опытом Советского Союза и других социалистических стран принципы и методы социалистического строительства.

Во-вторых, развитие страны в целом осуществлялось в благоприятных международных условиях. КНР полу

чала огромную бескорыстную помощь Советского Союза и других социалистических стран.

В-третьих, КПК в полной мере могла опираться на революционный энтузиазм китайского народа, который видел открывающиеся перед ним светлые перспективы социализма, ощущал на себе преимущества начинающего складываться нового строя и готов был на большое напряжение, будучи уверенным, что идет по правильному пути.

Вместе с тем в годы первой пятилетки стали очевидны многие трудности и слабости китайской экономики, с еще большей актуальностью вставала задача преодоления вековой отсталости народного хозяйства Китая.

Процесс воспроизводства и экономического роста не получил еще прочной стабильной основы. Темпы сельскохозяйственного производства в значительной степени определялись погодными факторами, а темпы промышленного производства — состоянием сельского хозяйства. Из сельскохозяйственного сырья в годы первой пятилетки производилось от 50 до 60% продукции всей промышленности и более 80—90% продукции легкой промышленности. Естественно, что при таком положении состояние сельскохозяйственного производства почти целиком определяло темпы роста легкой промышленности и в значительной степени — как прямо, так и косвенно (через легкую промышленность, которая составляла до 50% валовой продукции всей промышленности) — темпы развития всей промышленности. Темпы прироста сельского хозяйства колебались от 15,3% до 3,1%, промышленности — от 30,2% до 5,6%¹. Развитие сельскохозяйственного производства заметно отставало от промышленности. Соотношение темпов роста промышленности и сельского хозяйства за период первой пятилетки составило 4 : 1.

Достигнутые за первые годы народной власти успехи в области повышения материального и культурного уровня китайских трудящихся были лишь первыми шагами на пути создания предпосылок для ликвидации низкого жизненного уровня сотен миллионов китайцев. В 1957 г. по производству основных видов продукции на душу населения Китай был на одном из последних мест

¹ См. «Цзинцзи яньцзю», 1960, № 1.

в мире. На человека в год выплавлялось только 8,3 кг стали, добывалось 20,4 кг угля, производилось 31,1 квт-ч электроэнергии. В то время в Китае еще не шла речь, чтобы каждый человек мог получить какой-то минимум мяса и мясных изделий, животных жиров, молочных продуктов и других высококалорийных продуктов питания, а также изделий из шерсти, кожаной обуви или квартиру с водопроводом, канализацией, центральным отоплением. Кожаной обуви в 1957 г. в Китае было выпущено только одна пара на 26 человек, а хлопчатобумажной ткани отпускалось на все нужды около 7 м на одного человека в год. Производство зернопродуктов на душу населения в 1957 г. составило около 286 кг. В то же время, согласно оценке китайских экономистов, для обеспечения минимальных потребностей страны в зерне необходимо довести производство до 480 кг, а для полного удовлетворения — до 780 кг на душу населения в год. В 1958 г. китаец получал продуктов ежедневно в среднем 2300 кал (расчетный уровень для населения этого района составляет 2800 кал в день), однако и этот средний уровень далеко не всегда обеспечивался.

Задачи второй пятилетки. Важное место в решении новых задач должна была занять вторая пятилетка (1958—1962 гг.). В предложениях VIII съезда КПК (1956 г.) по второму пятилетнему плану намечалось увеличение валовой продукции промышленности и сельского хозяйства к 1962 г. примерно на 75% по сравнению с плановыми заданиями на 1957 г., в том числе валовой продукции промышленности примерно в 2 раза и валовой продукции сельского хозяйства — примерно на 35%.

В новом пятилетнем плане главное внимание уделялось преимущественному развитию тяжелой промышленности. Производство важнейших видов продукции тяжелой промышленности должно было по плану достичнуть в 1962 г. следующего уровня: электроэнергии — 40—43 млрд. квт-ч, стали — 10,5—12 млн. т, металлорежущих станков — 60—65 тыс. шт., цемента — 12,5—14,5 млн. т¹. В области промышленности основно-

¹ Материалы VIII Всекитайского съезда КПК. Госполитиздат, 1956, стр. 489.

упор делался на развитие машиностроения, металлургии, электроэнергии, угольной промышленности и промышленности строительных материалов.

Съезд потребовал резкого улучшения качества продукции и снижения себестоимости, повышения производительности труда на базе осуществления технической реконструкции.

При определении путей индустриализации съезд указал на недопустимость пренебрежительного отношения к легкой промышленности, развитие которой имеет большое значение для удовлетворения постоянно растущих потребностей народа, укрепления экономического союза рабочего класса и крестьянства, а также для накопления средств на развитие тяжелой индустрии. Второй пятилетний план намечал активно развивать легкую промышленность.

В области сельского хозяйства съезд предложил во второй пятилетке в первую очередь обеспечить рост производства зерна, а также основных технических культур, в особенности хлопка, соевых бобов. Планировалось увеличить сбор зерна до 250 млн. т., хлопка (волокна) — до 2,4 млн. т, довести поголовье крупного рогатого скота до 90 млн., мелкого рогатого скота — до 170 млн., свиней — до 250 млн. голов. Для этого, указывалось в решении съезда, необходимо максимально использовать все преимущества кооперативного строя и развернуть техническую реконструкцию сельского хозяйства с упором на расширение работ в ирригационном строительстве, на освоение и внедрение усовершенствованных орудий, увеличение производства удобрений, улучшение техники обработки полей. Предусматривалось постепенное внедрение тракторной всапушки в госхозах, в районах освоения целины и в некоторых районах производства технических культур.

Большое внимание во втором пятилетнем плане уделялось улучшению материального положения народа, дальнейшему развитию просвещения, здравоохранения, науки и культуры.

Определяя задачи второго пятилетнего плана, съезд обращал внимание на соблюдение пропорций в экономике, требовал соблюдения выработанных темпов. Среднегодовой темп прироста промышленной продукции намечался на вторую пятилетку в 15%, сельского хозяйст-

ва — в 6,2%. «Предложенные Центральным Комитетом партии темпы развития во второй пятилетке, — говорилось на VIII съезде КПК, — являются прогрессивными и в то же время устойчивыми и надежными. Темпы развития должны быть прогрессивными, чтобы не упустить момента и не впасть в консервативные ошибки; они должны быть устойчивыми и надежными, чтобы не отойти от правильных пропорций в развитии экономики, чтобы не создать слишком тяжелого бремени для народа или нарушить взаимную связь отраслей, чтобы не сорвать выполнение плана и избежать расточительства, что привело бы к авантюристическим ошибкам»¹.

Решение проблем значительно более сложных, чем задачи взятия власти, в том числе ряда таких, с которыми не сталкивались другие социалистические страны (например, растущее демографическое давление), требовало осторожного, всесторонне продуманного подхода к ним, планомерного развития народного хозяйства, как это и рекомендовал VIII съезд КПК.

Достижение показателей, запланированных VIII съездом на вторую пятилетку, несомненно, явилось бы большим шагом в развитии Китая. Показатели развития народного хозяйства на предстоящие пять лет были разработаны опытными китайскими экономистами с помощью советских специалистов. Предложенная программа была реальной, хотя и достаточно напряженной, в особенности в области сельского хозяйства, и намечала развернутое строительство в промышленности, сельском хозяйстве, в науке и технике.

Маоистский курс в действии. «Большой скачок» и народные коммуны

Лозунги и установки. Мао Цзэ-дун и его сторонники игнорировали решения VIII съезда КПК, не отказались от своих намерений и стали готовить новое наступление на генеральную линию партии. В острой политической борьбе 1957 г. они создают предпосылки для реализации своего курса.

¹ Материалы VIII Всекитайского съезда КПК. Госполитиздат, 1956, стр. 30.

В феврале 1957 г. Мао Цзэ-дун в выступлении «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа» заявил, что недалеко то время, когда Китай станет богатым и сильным государством, когда «положение Китая, как бедной страны, и его бесправие на международной арене изменится: бедная страна превратится в богатую, бесправие превратится в полноправие». Это выступление предшествовало политике «большого скачка», как бы предвосхищая намечаемые в Китае изменения.

В сентябре 1957 г. на III пленуме ЦК КПК были одобрены некоторые установки Мао Цзэ-дуна, а неудачи 1956 г. списаны на счет правых, т. е. противников Мао. Пленум, в частности, пересмотрел те установки VIII съезда КПК, которые касались вопросов труда, заработной платы и социального страхования, и принял решения, по существу направленные против улучшения благосостояния рабочих. В основу этих решений были положены указания Мао Цзэ-дуна о том, что главное в распределении — это накопление, капиталовложения, выдвинутые им в работе «О правильном разрешении противоречий внутри народа». В стране начали отменять сдельную оплату труда и вводить в качестве основной формы оплаты труда повременную заработную плату.

На этом же пленуме было определено установить заработную плату малоквалифицированным рабочим и служащим на уровне средних доходов крестьян. Одновременно предусматривалось снизить заработную плату ученикам на предприятиях и увеличить сроки ученичества. Новый порядок оплаты труда коснулся в 1958—1959 гг. примерно половины рабочих и служащих Китая.

В дальнейшем этот курс на снижение заработной платы рабочим и служащим получил свое законченное оформление и стал называться политикой «низкой и рациональной заработной платы».

В декабре 1957 г. Мао Цзэ-дун уже говорил о своих планах «большого скачка», а в марте 1958 г. выдвинул идею введения народных коммун. После выступления Мао Цзэ-дуна на второй сессии VIII съезда КПК (май 1958 г.) генеральной линией КПК был объявлен новый курс. Предложения по второму пятилетнему плану, при-

нятые VIII съездом КПК в 1956 г., на второй сессии даже не упоминались. В отличие от первой сессии VIII съезда, на которой были разработаны подробные предложения по развитию народного хозяйства во второй пятилетке, вторая сессия ограничивалась общим одобрением новой линии экономической политики, все остальное, по сути дела, предоставив на усмотрение руководства. Тем самым партия как бы отстранялась от определения коренных направлений экономической политики, основ хозяйственной жизни страны.

Это открывало путь субъективизму и волюнтаристским методам.

Характерно, что после второй сессии VIII съезда КПК пропаганда опыта Советского Союза в Китае стала постепенно свертываться. «Эксперименты» в экономике сопровождались расширением движения за изучение «идей Мао Цзэ-дуна». Был выдвинут призыв об «идеологическом освобождении». Хотя от первой сессии VIII съезда (сентябрь 1956 г.) до второй сессии VIII съезда КПК (май 1958 г.) прошло всего лишь около полутора лет, тем не менее Мао Цзэ-дун настоял на том, чтобы внести коренные изменения в установки, данные первой сессией. Полностью порвав с линией, принятой в 1953 г. и подтвержденной в 1956 г. VIII съездом КПК об осуществлении индустриализации страны на базе развития современной промышленности, игнорируя Декларацию Московского совещания 1957 г., в которой братские партии сообща сформулировали основные закономерности социалистического строительства, Мао Цзэ-дун и его окружение приступили к реализации своей программы. Политическое кредо маоистов было сформулировано как курс «трех красных знамен», т. е. новой генеральной линии, которая выражалась формулой «напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм по принципу: больше, быстрее, лучше, экономнее», «большого скачка» и народной коммуны.

Сразу же был выдвинут «заманчивый лозунг»: «Несколько лет упорного труда — десять тысяч лет счастья». Выдвижение такого лозунга в условиях отсталой страны, отсутствие современной материально-технической базы, развитой науки и культуры явилось прямым обманом народных масс, авантюризмом. Однако этот лозунг нашел известный отклик в тех слоях населения

Китая, которые были подвержены мелкобуржуазным настроениям.

Китайская революция, одержав победу, не покончила с низким жизненным уровнем китайского народа. В стремлении любыми средствами вырваться из пут экономической отсталости состоит один из источников перехода к крайней «революционности». Китайский народ, естественно, был полон стремления избавиться от нужды, обеспечить нормальное существование, поднять свой культурный уровень. Этот порыв сотен миллионов китайских тружеников был, однако, окрашен весьма сильно мелкобуржуазными настроениями, которые и решили использовать маоисты для быстрого осуществления своих особых замыслов, отвечающих их великодерожавным устремлениям.

Одновременно был выдвинут еще один лозунг: «Упорно бороться три года и добиться в основном перемены облика большинства районов страны». Маоисты решили, что если задачу кооперирования сельского хозяйства и преобразования капиталистической промышленности и торговли можно было решить в «три года», а не в три пятилетки, то и другие задачи экономического строительства, такие, например, как индустриализация страны и реорганизация сельского хозяйства на новой технической базе, можно решить также в «три года».

Решение этих задач в условиях Китая объективно требовало, конечно, длительного времени. В. И. Ленин отмечал, что отсталой стране в строительстве социализма «требуется во сто тысяч раз больше осмотрительности, осторожности и выдержки»¹. Он подчеркивал, что тот, кто думал, что «в три года можно переделать экономическую базу, экономические корни мелкого землевладения, то он, конечно, был фантазер»².

Исходя из установки на осуществление «большого скачка», по прямому указанию Мао Цзэ-дуна в течение 1958—1959 гг. Госплан КНР разработал несколько вариантов так называемых «новых планов» на вторую пятилетку. Экономические расчеты и научное планирование при этом полностью отбрасывались. Более того,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 252.

² В. И. Ленин. Псли. собр. соч., т. 43, стр. 60.

сами планы рассматривались как фактор, «тормозящий инициативу масс». «Надо вести политический счет, а не экономический, надо заниматься крупными делами, а не мелочными», — писал орган ЦК КПК журнал «Хунци».

За пять лет было решено выполнить задачи, на решение которых еще в 1956 г. отводилось примерно 15 лет. Если пятилетний план, предложенный на VIII Всекитайском съезде КПК в 1956 г., предусматривал увеличение производства стали за пять лет примерно в 2 раза, то по новому варианту плана «скачка» намечалось за тот же период увеличить производство стали почти в 20 раз; в 6,5 раза (вместо намеченного ранее увеличения в 2 раза) намечалось увеличить промышленное производство при среднегодовых темпах прироста 45%; в 2,5 раза (вместо намеченных ранее 35%) увеличить сельскохозяйственное производство при ежегодном приросте в 20%.

Фантастические цифры роста определялись для производства отдельных видов продукции. Производство стали, например, в течение пяти лет предполагалось увеличить с 5,3 млн. т в 1957 г. до 80—100 млн. т; угля со 129 млн. т до 700 млн. т; цемента с 10 до 100 млн. т; электроэнергии с 19 до 240 млрд. квт·ч. Выдвигалась задача построить за пять лет 5 тыс. крупных промышленных предприятий, в том числе 800 в тяжелой промышленности.

Для осуществления этих задач хозяйственного строительства требовались колоссальные средства. Между тем ресурсы государственного бюджета оставались ограниченными из-за невысокой товарности сельского хозяйства и низкого уровня промышленного производства.

Основная ставка была сделана на максимальное использование людской силы. Было выдвинуто демагогическое требование «прославлять дух упорной, суровой борьбы, подчинить текущие интересы перспективным интересам, осуществлять принцип: политика — на первое место».

Мао Цзэ-дун в январе 1958 г. на совещании руководящих партийных работников выдвинул лозунг: «Первые три года решают судьбу пяти, первый год решает судьбу первых трех лет пятилетки». Он призвал сде-

лать 1958 год «годом скачка вперед», который во многом должен был определить судьбу всего пятилетнего плана.

Во исполнение всех этих указаний спешно был разработан второй, так называемый оптимальный план развития отраслей народного хозяйства на 1958 г. Этот план предусматривал увеличение против плана, утвержденного сессией ВСНП, объема промышленной продукции на 21%, объема валовой продукции сельского хозяйства — на 39%, объема капитальных вложений — на 20%. Однако и этот план, по мнению китайских руководителей, был недостаточно высоким. В августе 1958 г. на заседании Политбюро в Бэйдайхэ было принято решение о резком увеличении стали и доведении ее выпуска в 1958 г. до уровня, намеченного планом на 1962 г. На заседании был утвержден новый (третий) план, так называемый план «скачка». По этому плану к концу года намечалось довести производство стали до 10,7—11 млн. т, чугуна — 15—17 млн. т, угля — 210—220 млн. т, электроэнергии — 28 млрд. квт·ч, зерна — 300—350 млн. т.

В стране была создана атмосфера лихорадочной спешки, нетерпеливого возбуждения и ажиотажа. Мелкобуржуазный порыв выдавался за «бурный коммунистический поток». 2 декабря 1958 г. на закрытии 2-го Всекитайского слета молодых строителей социализма говорилось: «Сейчас мы строим социализм стилем коммунизма». «Похоже, что китайский народ вступает в легендарный век,— писала в то время газета «Жэньминь жибао». — Греческая мифология была всего лишь сказкой. Теперь, в век председателя Мао, рай переместился сюда, на землю».

Однако дела земные были весьма далеки от представлений о райских кущах. Маоистские мистификации быстро потерпели полный крах при столкновении с реальной жизнью, с требованиями экономических законов, с действительными потребностями строительства социализма в Китае.

«Большой скачок» и промышленность. Заметную роль в выполнении задач «большого скачка» должны были сыграть современные предприятия. В 1958—1959 гг. в строй действующих вошел ряд весьма крупных промышленных объектов, которые были построены

с помощью Советского Союза: доменные и мартеновские печи на Уханьском, Баотоуском и Шицзиншаньском металлургических комбинатах, машиностроительные заводы тяжелых станков в Ухани, паровых турбин в Харбине и Пекине, горного оборудования и тракторов в Лояне и т. д. Прирост производства, который дали эти и другие построенные в первой пятилетке современные предприятия, китайское руководство попыталось представить как достижение политики «большого скачка».

Значительные силы и средства были брошены на ускоренное строительство новых крупных предприятий. Если за первую пятилетку в КНР было введено в действие примерно 500 крупных предприятий, то в период «большого скачка» было объявлено о завершении строительства 700 и строительстве еще 1000 подобных объектов.

В целях обеспечения выполнения заданий «большого скачка» была резко увеличена доля фонда накопления в национальном доходе — с 22% в 1957 г. до более чем 30% в 1958 г. и за счет этого дополнительно выделено около 10 млрд. юаней. Общая сумма промышленных капитальных вложений в 1958 г. увеличилась более чем в 2 раза по сравнению с 1957 г. и составила примерно $\frac{2}{3}$ всех капиталовложений в промышленность за первую пятилетку.

Ослабление централизованного руководства и контроля за ходом строительства привело к расширению внепланового строительства. К концу 1958 г. в строительстве находилось около 1,5 тыс. сверхлимитных строек, на несколько сот больше, чем было предусмотрено планом. На местах в строительство вкладывались средства не только по государственному бюджету, но и полученные за счет всякого рода местных сборов и налогов, вплоть до изъятия оборотных средств предприятий и сборов денег с населения. За счет местных средств было израсходовано более 5 млрд. юаней. Во имя максимального привлечения и использования местных ресурсов была осуществлена децентрализация управления народным хозяйством, были нарушены принципы демократического централизма, свыше 80% промышленных предприятий, входивших ранее в ведение министерств, было передано в подчинение местных органов.

Все это вызвало резкие диспропорции между потреблением и накоплением, предопределило снижение жизненного уровня китайского народа. Большие масштабы строительства, не обеспеченного материальными запасами, обусловили острый дефицит сырья и материалов. Распыленность средств, огромное незавершенное строительство приводили к омертвлению капитальных вложений. Оказавшись в тисках — между требованиями обеспечить выполнение заданий «большого скачка», с одной стороны, и нехваткой сырья, средств и материалов, с другой — китайское руководство пошло по пути строительства упрощенных объектов по «облегченным проектам», по пути так называемой «экономии средств» в соответствии с лозунгом: «строить за 1 юань то, что ранее строили за 2 юаня». Решением Госсовета КНР строительные организации получили право полного распоряжения выделяемыми финансовыми средствами, пересмотря государственных проектов и стандартов в строительстве. На деле это означало катастрофическое падение качества строительства, рост аварий и несчастных случаев, фактическое обесценение, а нередко и сведение на нет колоссальных затрат мобилизованных средств и труда.

Однако современные предприятия не могли, конечно, обеспечить темпы и объем увеличения производства, намеченные «большим скачком».

Мао Цзэ-дун выдвинул еще один курс — «идти на двух ногах», т. е. развивать промышленность на основе современных и кустарных предприятий. При этом основная ставка была сделана на массовое строительство мелких и мельчайших кустарных предприятий с использованием рутинных технологических процессов. Китайская печать, говоря о развитии промышленности современными и кустарными методами, подчеркивала необходимость «делать главный упор на последние». За 9 месяцев 1958 г. в Китае было построено 7,5 млн. таких «предприятий», в том числе 6 млн. — силами крестьян в бригадах. Это были «доменные печи» объемом 2—3 m^3 , «шахты» — ямы и норы, «электростанции», работавшие на соломе, «машиностроительные предприятия» без станков и т. п.

На строительство мелких предприятий было направлено более половины всех капитальных вложений в про-

мышленность. Доля продукции мелких кустарных и средних предприятий составила за 1958—1960 гг., по оценкам, 35—45% производства железной руды, угля, чугуна, цемента, около одной трети производства стали и продукции машиностроения, более половины производства бумаги, сахара, пищевого масла.

Для достижения показателей, выдвинутых китайскими руководителями в период «большого скачка», было привлечено без какого бы то ни было экономического обоснования большое число новой рабочей силы: в 1957 г. численность рабочих и служащих составляла 24 млн., а к концу 1958 г. — уже 45 млн. человек. Крупные предприятия в целях выполнения крайне высоких заданий лихорадочно увеличивали контингент рабочих; делалось это в основном за счет набора временных рабочих и учеников, которые составили в 1958 г. около $\frac{2}{3}$ новых рабочих. Потребовали увеличения занятых в промышленности и те крупные предприятия, которые были введены в это время в строй действующих. За 1958 г. численность работающих в государственной промышленности увеличилась более чем в 3 раза: с 7 до 23 млн. человек. Большое число рабочей силы было привлечено к капитальному строительству: за 1958 г. численность рабочих и служащих увеличилась здесь в 2 раза. Огромное число людей было занято на мелких кустарных предприятиях, значительное количество рабочей силы было привлечено в так называемую промышленность народных коммун.

Отвлечение таких масс труда от сельского хозяйства резко ослабило сельскохозяйственный фронт, привело к серьезным диспропорциям в распределении трудовых ресурсов. Переброска рабочей силы из сельского хозяйства, базировавшегося в Китае на ручном труде, в промышленность совершенно не была компенсирована поставками машин или оборудования. Экономические закономерности взаимоотношений города и деревни были подорваны. Сельскохозяйственному производству наносился непоправимый урон. Вместе с тем огромный спазматический рост численности занятых в промышленности, осуществленный в значительной мере на мелких предприятиях и за счет неквалифицированной рабочей силы, отрицательно сказался на всех экономических показателях производимой продукции — качестве, себестоимости, производительности труда.

стоимости, производительности труда. Производительность труда в промышленности на одного рабочего с учетом мелкого производства уже в 1958 г. упала примерно на 10%.

Китайские руководители попытались решить возникающие в связи с этим проблемы, во-первых, за счет интенсификации труда рабочих путем значительного удлинения рабочего дня, работы в выходные и праздничные дни, введенияочных смен, компанейщины и штурмовщины. Эти методы приводили к истощению физических и моральных сил трудящихся. Во-вторых, был установлен новый режим работы оборудования — максимально интенсивное, по существу круглосуточное, безостановочное его использование. Далеко выходящее за пределы допустимых норм использование промышленного и транспортного оборудования в целях достижения «рекордных показателей», невнимание к ремонту оборудования привели к тому, что значительная часть оборудования и машин быстро выходила из строя и была приведена в негодность. В-третьих, были существенно изменены условия оплаты труда. Честолюбивые попытки добиться гигантского роста производства административно-политическими методами, путем внеэкономического регулирования, стремление китайского руководства создать и поддержать условия, при которых можно было бы осуществлять «сверхнакопления» и без меры использовать с минимальной оплатой рабочую силу многомиллионных масс, объединенных в трудовые армии, обусловили серию мероприятий, направленных на ликвидацию материального стимулирования работников народного хозяйства, максимальное торможение роста доходов трудящихся, по существу — на снижение их жизненного уровня. В идеино-политической области это сопровождалось шумной пропагандистской кампанией борьбы против «экономизма», «остатков буржуазного права», против материального стимулирования, демагогическими призывами к введению принципов коммунистического распределения, вообще упразднению заработной платы, повышению сознательности, отказу от высокой заработной платы, снижению расходов трудящихся и т. п. На практике это повело к повсеместной ликвидации сдельной заработной платы в промышленности, упразднению премий, насаждению уравниловки.

Форсирование развития промышленности, считали теоретики «большого скачка», упиралось прежде всего в слаборазвитое производство стали и проката. По настоящию этих политиков такой барьер было решено преодолеть также в опоре на кустарное производство. Для мобилизации масс был брошен клич: «производством чугуна и стали должны заниматься вся партия, весь народ». После августовского заседания Политбюро ЦК КПК местные органы привлекли десятки миллионов человек к массовому строительству примитивных печей по выплавке чугуна и стали и для работы на мелких кустарных шахтах и рудниках. Мелкие доменные печи строились на заводах, в учреждениях, в учебных заведениях, в деревнях. Наибольшее количество было построено крестьянами. На выплавку металла было привлечено около 60 млн. человек. Строительство множества мельчайших предприятий обходилось очень дорого, отвлекало колоссальные людские ресурсы. Крайне неразумно использовалась и квалифицированная рабочая сила. Так, например, в Северо-восточном районе Китая в «малую металлургию» было направлено более 1 млн. рабочих с крупных предприятий.

Почти весь металл, полученный на мелких «агрегатах», оказался браком. Из полученного чугуна нельзя было производить сколько-нибудь качественную сталь, а из стали — качественный прокат. По официальным китайским данным, более 3 млн. т стали и более 4 млн. т чугуна, произведенных на кустарных предприятиях, были исключены из общего показателя производства¹. Эта сталь и чугун представляли собой охлажденную массу сплава железной руды и угля. На многих заводах в Лояне, Сиани, Тайюани, Шанхае и других местах такого сплава лежали миллионы тонн, потом его вывезли как мусор, он не годился для переплавки ни в домнах, ни в мартенах. Это была напрасная трата материальных и людских ресурсов. В городах снимали чугунные ограды и переплавляли в кустарных печах, среди населения в городах и селах собирали так называемый «металлолом»: металлическую посуду, котлы для

¹ Чжоу Энь-лай. Об урегулировании основных показателей народнохозяйственного плана на 1959 г.... Пекин. Издательство литературы на иностранных языках, 1959, стр. 21—22.

варки пищи и т. п. В деревнях домашнюю утварь собирали под лозунгом: «Бесплатное питание в народной коммуне — сдай для строительства социализма металлическую посуду и другие изделия».

Уже в 1958 г. появились массовые жалобы представителей машиностроительной, металлообрабатывающей промышленности из-за невозможности использовать чугун, сталь, прокат. Начались систематические перебои в работе машиностроительных предприятий, стал сокращаться выпуск оборудования. Обследование ГСУ КНР по ряду провинций показало, что запасы на конец ноября 1958 г. по качественному чугуну у предприятий потребителей составляли двухдневную потребность, в то время как некачественного чугуна на складах было в 60 раз больше.

Из выплавленных 20 млн. т чугуна, по оценке китайских организаций, качественного, полученного на крупных и средних заводах, было примерно 7 млн. т и частично годного для производства простейших изделий менее 3 млн. т, полностью бракованного — более 9 млн. т. Из 11,3 млн. т стали качественная составляла 8 млн. т. Таким образом, несмотря на огромные затраты, задание, принятое на августовском совещании ЦК КПК об удвоении выплавки стали и чугуна, не было выполнено. На производство бросового чугуна и стали было израсходовано до 40—50 млн. т угля, до 40 млн. т железной руды. Только прямые убытки от производства чугуна и стали в мелких печах составляли свыше 4 млрд. юаней¹.

Строительство миллионов мелких промышленных предприятий в корне подорвало кустарную промышленность страны, имевшую богатые традиции и опыт и дававшую 15—20% валовой продукции всей промышленности. Почти полное прекращение кустарного производства отрицательно сказалось на снабжении населения, особенно сельского, предметами первой необходимости.

¹ В эту сумму не включены убытки от брака продукции, произведенной из некондиционного чугуна и стали, стоимость строительства примитивных печей и установок, быстро выбывших из строя, и потеря урожая (зерна, хлопка, арахиса и других культур), который не смогли убрать из-за того, что десятки миллионов наиболее работоспособных крестьян занимались выплавкой металла.

«Большой скачок» вызвал тяжелые последствия в промышленности. Попытка повсеместно расширить действующие предприятия и осуществить массовое строительство новых породили острый дефицит в снабжении народного хозяйства оборудованием, материалами и электроэнергией; возникли трудности с перевозками грузов. Однако вместо разработки и проведения организационно-технических мероприятий по устранению возникших в работе промышленности и транспорта трудностей руководство страны стало решать эти вопросы методами развертывания так называемых «массовых движений». Стал широко пропагандироваться демагогический призыв «освободить идеологию, покончить с суевериями». Развернулась борьба «со слепой верой» в научно обоснованные технические нормы, в зарубежный, прежде всего советский, опыт. На промышленных предприятиях сложилась практика установления заданий, не учитывающих ни технические условия, ни экономические показатели. Советы опытных специалистов, инженеров, техников, квалифицированных рабочих игнорировались. Это привело к тому, что не только на мелких, но и на крупных предприятиях стали изготавливать негодную продукцию, допускать необоснованные упрощения технологических процессов, конструкций и изделий и нарушения установленных режимов работы оборудования. Наглядным примером упрощенчества в производстве может служить выпуск металлорежущих станков. Из произведенных в 1958 г. 70 тыс. станков отвечали в какой-то мере стандартам только 50 тыс., а 20 тыс. были исключены из государственной отчетности в связи с невозможностью использовать их на предприятиях. Исходя из указанных лозунгов и «линии масс», на заводах и фабриках были упразднены должности главных технологов, главных металлургов, мастеров, отделы технического контроля. Была резко снижена роль директора и инженерно-технического персонала, упразднены паспорта оборудования, нормативы трудовых и материальных затрат на единицу продукции. Это делалось в то время, когда состав рабочих в промышленности изменился за счет набора из крестьян, когда на одного ранее работавшего приходилось 2 человека, впервые поступивших на производство. Создалось положение неуправляемости предприятий, обез-

личка и безответственность в работе. Инженеры и техники, выступавшие за соблюдение технических норм и правил, зачислялись в «консерваторы» и фактически отстранялись от работы. И это происходило в стране, где было чрезвычайно мало инженерно-технических работников. В народном хозяйстве Китая в тот период работало 175 тыс. инженеров и техников, имеющих среднее и высшее специальное образование.

Нарушение организации и технологии производства на промышленных предприятиях привело к массовому снижению качества выпускаемой продукции. Произошло падение производства прежде всего в основных отраслях промышленности — угольной и металлургической. Сокращение добычи угля неизбежно сказалось на работе других отраслей народного хозяйства, поскольку в топливном балансе страны на уголь приходилось почти 95 %. Нехватка угля, изношенность и неудовлетворительное состояние энергетического оборудования привели к резкому уменьшению выработки электроэнергии в стране. В катастрофическом положении оказались и отрасли легкой и пищевой промышленности, использующие сельскохозяйственное сырье. Резко упало производство хлопчатобумажных тканей, бумаги, сахара, шерстяных и шелковых тканей. Недостаток материальных ресурсов вызвал массовую консервацию крупных и средних строек с большим количеством отечественного и импортного оборудования, привел к омертвлению капитала и прямым потерям вложенных средств. Эти мертвые стройки наряду с миллионами мелких предприятий, заброшенных после первого же года эксплуатации, стали своеобразным символом авантюристической политики.

«Большой скачок» и сельское хозяйство. В сельском хозяйстве маоисты выдвинули не менее авантюристические идеи. Они призывали удваивать сбор зерна ежегодно. В 1957 г. в КНР было собрано 185 млн. т зерна (включая батат из расчета 4 кг батата за 1 кг зерна). На 1958 г. была поставлена задача довести сбор зерновых до 375 млн. т, а в 1959 г. — до 525 млн. т. Подобные задачи выдвигались в области производства технических культур и в животноводстве. Производство хлопка (волокна), например, намечалось увеличить в 1958 г. до 3,35 млн. т против 1,64 млн. т в 1957 г. Пропаганди-

ровались лозунги: «Вырастить в деревне не меньше одной свиньи на каждого человека» (т. е. довести поголовье до 500 млн. при общем количестве свиней в 1957 г. 145 млн.), «В течение трех лет (1958—1960 гг.) решить зерновую проблему».

Каковы были предпосылки для реализации подобных планов? В китайской деревне преобладал и до сих пор преобладает ручной труд. Основные орудия — мелкий сельскохозяйственный инвентарь. В 1957 г. на селе насчитывалось всего 24,6 тыс. тракторов, которыми обрабатывалось менее 5% пахотных земель. Выпуск тракторов в стране еще только налаживался. Первая партия в 1 тыс. машин была произведена в 1958 г. Зерновые комбайны начали появляться в 1957 г., когда их выпустили всего 124. Многие современные сельскохозяйственные машины не производились совсем. Производство минеральных удобрений (азотных) в 1957 г. составило 536 тыс. т, т. е. ничтожное для Китая количество (ежегодная минимальная потребность Китая в минеральных удобрениях оценивается в 30 млн. т). Урожайность большинства сельскохозяйственных культур оставалась невысокой. Средняя урожайность риса — основной продовольственной культуры — составляла при нескольких урожаях в год на юге 28 ц с 1 га (против 51,5 ц в Японии), а средняя урожайность пшеницы — 9 ц с 1 га. В целом в стране отсутствовали материальная и техническая основы для быстрого подъема сельского хозяйства.

Китайские лидеры решили добиваться своих целей без применения машин, без вложения государственных средств, за счет крайнего перенапряжения трудящихся, использования в массовом порядке простой рабочей силы.

Основным мероприятием в этом плане было прежде всего строительство так называемых «местных», т. е. мелких и мельчайших, оросительных сооружений. Уже осенью 1957 г. многомиллионная китайская деревня была поднята на массовое строительство ирригационных сооружений. В начале 1958 г. оно приняло огромные размеры, а к весне в сооружении оросительных систем участвовало до 100 млн. человек.

Однако огромные затраты человеческого труда не дали ожидаемого результата. Отсутствие опыта в строи-

тельстве современных гидротехнических сооружений, отсутствие инженерно-технического персонала, полное пренебрежение научно-техническими расчетами, применение так называемых «упрощенных», «местных» методов резко снижали качество работ. Подавляющее большинство ирригационных сооружений возводилось беспланово, наспех, без достаточного инженерно-геологического и гидротехнического обоснования. Согласно официальным китайским данным, орошаемая площадь увеличилась с 16 млн. га в 1949 г. до 67 млн. га в 1958 г., или составила 62% всей обрабатываемой площади, а в 1959 г. достигла даже 71 млн. га. Однако позже, в 1963 г., было сообщено, что в Китае орошается всего одна треть пашни, т. е. фактически признавалось, что почти все ирригационные сооружения, созданные после 1957 г., в период так называемого «большого скачка», оказались недейственными, а прирост орошающей площади — фиктивным.

Другим крупным мероприятием в области сельского хозяйства, призванным обеспечить «невиданный рост производства», была так называемая «глубокая вспашка», т. е. рыхление земли на глубину (это было оговорено в особых инструкциях) от 32 до 64 см. Специальное указание требовало «проводить глубокое рыхление на всех полях, где это возможно». В 1958 г., согласно китайским данным, «глубокая вспашка» была проведена на площади более 50 млн. га, конечно, не машинами, а силами крестьян, мотыгами и лопатами, что требовало огромных трудовых затрат, вызывало крайнее перенапряжение людей. «Глубокое рыхление» требовало колоссальных удобрений, новой технологии выращивания культур, чего не могла дать китайская деревня. В результате, кроме порчи почвы, эта безрассудная затея ничего не принесла ни китайскому крестьянину, ни стране в целом.

И, наконец, к числу основных мероприятий «большого скачка» в сельском хозяйстве относится сокращение посевных площадей и попытки внедрения системы «трех третей». VI пленум ЦК КПК призвал «засевать меньшую площадь» и «добиваться того, чтобы в течение ряда лет в соответствии с местными условиями, занятая под сельскохозяйственными культурами пахотная площадь постепенно была сокращена, примерно до одной

трети, с тем чтобы часть высвободившейся земли использовать под пары, а также для посева трав, применяемых в качестве корма, и трав, обогащающих почву, а на другой ее части производить лесопосадки, строить водоемы, на равнинах, на горах и в водоемах широко сажать декоративные растения, образующие яркую цветовую гамму, чтобы превратить обширные пространства нашей страны в цветущий сад».

В начале января 1959 г. Министерство сельского хозяйства КНР созвало в Пекине Всекитайское совещание, посвященное рассмотрению задач развития сельского хозяйства, на котором было принято решение о том, чтобы в 1959 г. общая обрабатываемая площадь в стране была «не менее 100 млн. га, а общая посевная площадь под посевами различных культур за все сезоны (с учетом коэффициента повторности посевов) — не менее 140 млн. га». Фактически обрабатываемая площадь в 1958 г. составляла 108 млн. га, а посевная площадь — 156 млн. га. Таким образом, было официально принято решение о сокращении обрабатываемой пашни в 1959 г. против 1958 г. на 9 млн. га и посевной площади — на 16 млн. га. Подобные тенденции не только ослабили и подорвали сельскохозяйственное производство, в особенности производство продовольственных культур, но и серьезно нарушили специализацию районов по производству отдельных культур, в особенности в районах, где прежде имело место преимущественное производство технических культур. Соя, например, в 1957 г. выращивалась на площади в 12,7 млн. га, а в 1961 г. посевная площадь под соей сократилась примерно до 7 млн. га. Хлопчатник в 1957 г. производился на площади 5,8 млн. га, в 1961 г. — на сельскохозяйственной площади 3,5 млн. га.

«Большой скачок» и народные коммуны. Одним из коренных мероприятий, которое было призвано обеспечить достижение авантюристических задач «большого скачка», явилось создание народных коммун. Система мер, которая осуществлялась под лозунгом народных коммун, непосредственно была нацелена на принудительную мобилизацию и использование трудовых ресурсов села путем организации военизированных трудовых армий, применения бюрократических, внеэкономических методов управления. Она была нацелена на ликвида-

цию материального стимулирования, на снижение жизненного уровня народа с тем, чтобы в ударном порядке аккумулировать в максимальной степени средства для накопления, чтобы осуществить силами неквалифицированного труда крестьян гигантское строительство без затрат со стороны государства. «Стоит только нам, — утверждали в то время, — суметь опереться на такую великую силу, как 500-миллионное крестьянство, то и без дополнительных вложений со стороны государства в сельское хозяйство мы сможем в значительных размерах увеличить масштабы сельскохозяйственного строительства»¹.

С учетом этих посылок сельскохозяйственные производственные кооперативы были спешно преобразованы в народные коммуны. Мао Цзэ-дун провозгласил: «Народная коммуна — это хорошо». В течение нескольких месяцев после этого 740 тыс. сельскохозяйственных производственных кооперативов было превращено в 26 тыс. народных коммун.

Гигантское объединение крестьянского хозяйства сопровождалось коренным изменением системы управления. По существу новые объединения стали управляться чисто административным порядком, непосредственно государством. Правление коммуны стало являться вместе с тем и низовым (волостным) органом государственной власти. Как правило, подлежали ликвидации «границы между бывшими кооперативами», т. е. уничтожалась их хозяйственная самостоятельность, система взаимных экономических связей, а также связей кооперативов с государством. Упразднялись кредитные, снабженческо-сбытовые, а также и кустарно-промышленные кооперативы.

Коренным образом преобразовывалась система экономических отношений внутри коммуны. Члены бывших сельскохозяйственных кооперативов и единоличники, в обязательном порядке вступавшие в коммуну, должны были передать в общественную собственность свои участки земли, домашний скот, насаждения, земельные участки под постройками и т. д. Таким образом, подлежало ликвидации все приусадебное хозяйство крестьян.

¹ Вторая сессия VIII Всекитайского съезда КПК. Пекин. Издательство литературы на иностранных языках, 1958, стр. 47.

В 1957 г. валовая продукция подсобных промыслов¹, произведенная в личном хозяйстве крестьян, составляла 12,27 млрд. юаней, или более 20% валовой продукции сельского хозяйства и сельских подсобных промыслов. Доходы от личных домашних промыслов в 1957 г. в среднем на один крестьянский двор, по данным 24 провинций и автономных районов, составили 94 юаня, или более 26% среднегодового дохода крестьянского двора. Под видом «коммунизации быта» повсеместно проводилась экспроприация предметов домашнего обихода. Были ликвидированы сельские рынки. В народных коммунах были ликвидированы трудодни. Объединенные в коммуны крестьяне в большинстве своем были переведены на питание в общественных столовых. В 1959 г. более 70% всего сельского населения страны питалось в таких столовых. На деле «бесплатные» столовые существенно ограничивали размеры потребления, так как на питание фактически по нормам затрачивалось меньше средств, чем шло ранее на оплату по трудодням.

Коммуна осуществляла также всеобщую военную подготовку. Юноши и девушки, мужчины среднего возраста, демобилизованные воины включались в отряды народного ополчения. Осуществлялась военизация труда.

Был взят курс на создание замкнутых «самообеспечивающихся» административно-хозяйственных единиц. Наряду с сельскохозяйственными функциями в ведение народных коммун передавались торговля, просвещение, военное дело, им вменялось в обязанность развивать мелкую промышленность, в том числе, как было записано в Примерном уставе коммун, «строительство промышленных предприятий по добыче руд, выплавке стали и чугуна, производству шарикоподшипников, сельскохозяйственных машин и орудий, оборудования по переработке сельскохозяйственной продукции, по выпуску удобрений, строительных материалов, ремонтных мастерских, сооружение гидроэлектростанций, заводов по использованию метана и других заводов и фабрик,

¹ В сельские подсобные промыслы в Китае включаются свиноводство, птицеводство, овощеводство, садоводство, пчеловодство, рыболовство, охота, разведение шелкопряда, кустарное ремесленничество и т. д.

шахт и рудников»¹. Осуществление такого обширного комплекса работ требовало огромных капиталовложений, опыта, квалифицированной рабочей силы, т. е. именно того, чего не хватало деревне.

Все эти мероприятия по созданию народных коммун, означавшие грубейшее нарушение ленинского учения о коллективизации крестьянства и вылившиеся по существу в ликвидацию колхозного хозяйства в китайской деревне и насаждение бюрократических, военизованных форм хозяйствования, изображались китайской пропагандой как процессы «коммунизации», а народная коммуна — как «лестница в рай».

В решении Политбюро ЦК КПК «О создании народных коммун в деревне» коммуна была названа «лучшей организационной формой постепенного перехода от социализма к коммунизму»; подчеркивалось, что в своем развитии она «будет единицей будущего коммунистического общества». Основным условием перехода к коммунизму считалось так называемое «преобразование колхозной собственности в общенародную», которое намечалось провести в течение 3—4 или максимум 5—6 лет. Волонтиаристские административно-бюрократические реорганизации выдавались за «совершенствование производственных отношений», наступление на жизненный уровень народа — за «ликвидацию существенных различий между городом и деревней, рабочими и крестьянами, физическим и умственным трудом»; введение уравнительного нормированного распределения на очень низком уровне — за создание условий для «постепенного перехода от социалистического принципа «каждому по труду» к коммунистическому принципу «каждому по потребностям».

Борьба по вопросам экономической политики в период «большого скачка». Предложения о повсеместном создании народных коммун встретили резкие возражения в партии. Еще до официального объявления о создании народных коммун Мао Цзэ-дун в марте 1958 г. на заседании Политбюро ЦК КПК, которое состоялось в Чэнду (провинция Сычуань), выступил с предложением о слиянии сельскохозяйственных производственных кооперативов. Это был по существу призыв к организа-

¹ «Жэньминь жибао», 1958, 4 сентября.

ции народных коммун. В апреле — мае 1958 г. были проведены IV и V пленумы ЦК КПК (исключительное явление в жизни КПК, когда на протяжении двух месяцев состоялись два пленума Центрального Комитета). Однако в отчетах об их работе ничего не говорилось о предложении Мао, так как в ходе обсуждения этого вопроса на пленумах выявились серьезные разногласия. И только на заседании Политбюро ЦК КПК в августе 1958 г. в Бэйдайхэ (а не на съезде и даже не на пленуме ЦК) была принята резолюция о создании в деревне народных коммун. Эта резолюция была «одобрена» VI пленумом ЦК КПК лишь три месяца спустя, но уже в сильно скорректированном виде.

Практическое осуществление курса «трех красных знамен» быстро вызвало отрицательные явления в экономике страны и усилило противодействие волонтиаристскому курсу маоистов в области экономики. Факты говорят о том, что маоисты навязывали свою линию экономической политики в довольно напряженной борьбе, преодолевая серьезное сопротивление в партии и народе. Об этом свидетельствует и та критика, еще нередко косвенная, завуалированная, а порою и весьма острыя, откровенная, которая раздавалась по адресу всех основных мероприятий, проводимых маоистами в области экономики в период «большого скачка» и «коммунизации». Материалы, обнародованные в Китае в период «культурной революции», проливают на эту борьбу новый свет.

Уже в начале 1959 г. при обсуждении показателей плана в группе ЦК по вопросам финансов и экономики член Политбюро ЦК КПК Чэн Юнь предлагал критически рассмотреть положение в экономике: «Только в достаточной мере отступив, можно прочно устоять на ногах и продолжать путь вперед. Сейчас мы еще недостаточно отступили, ЦК, министерства, провинции готовятся за всем и вся».

Член Политбюро ЦК КПК, заместитель премьера Госсовета КНР, начальник канцелярии финансов и торговли Госсовета КНР Ли Сянь-нянь в 1959 г. подчеркивал: «Если как следует не овладеть планированием и не соблюдать пропорциональность, то очень трудно нащупать опору, очень трудно будет осуществлять комплексное развитие»; «создание промышленности силами

населения проводится без расчетов и обоснований». Ли Сянь-нянь предупреждал о том, что «не хватит дыхания» и «нет возможностей одновременно обеспечивать показатели и регулировать экономическую жизнь».

Кандидат в члены Политбюро ЦК КПК, заместитель премьера Госсовета КНР, начальник канцелярии промышленности и коммуникаций Госсовета КНР Бо И-бо в мае 1959 г. отмечал: «Мы должны подумать о сельском хозяйстве, о торговле и рынке. Положение на рынке очень напряженное. В прошлом году был собран большой урожай, а в этом году нечего есть; в прошлом году был большой скачок, а в этом году нет то одного, то другого».

Наиболее полное и последовательное разоблачение экономической политики маоистов сделал в это время член Политбюро ЦК КПК, министр обороны КНР Пэн Дэ-хуай. В своем письме Мао Цзэ-дуну от 14 июля 1959 г. накануне VIII (Лушаньского) пленума ЦК КПК Пэн Дэ-хуай по существу подверг уничтожающей критике маоистскую экономическую политику «трех красных знамен» по всем ее основным направлениям. Он обращал внимание партии на провалы в экономике и глубоко вскрыл основные причины пороков волонтаристского курса. Этот любопытный документ, одно из первых прямых выступлений против экономической политики Мао, заслуживает того, чтобы о нем сказать подробнее¹.

Пэн Дэ-хуай отмечал, что осуществление «некоторых проектов капиталовложений в 1958 г. было начато слишком спешно или они были завышены. Вместо того чтобы немного притормозить и в соответствующей форме удержать под контролем темпы роста, в 1959 г. большой скачок был еще более форсирован». В народных коммунах «имела место путаница в вопросе о собственности», «создалась обстановка хаоса». В промышленности «строительство маленьких самодельных плавильных печей не вызывалось необходимостью и вело к расточительству ресурсов (материальных и финансовых), а также рабочей силы. Это, конечно, принесло значительный убыток». В стране возникла «чрезмерная перенапряженность в различных областях». Это «по-

¹ См. «Гэмин чуанълянь», 1967, 24 августа и 2 октября.

влияло на отношения между рабочими и крестьянами, между различными прослойками в городах и между различными слоями крестьянства». Проблема стала «политической по своему характеру».

В чем же коренные причины создавшегося положения? Все эти явления, отмечал Пэн Дэ-хуай, «имеют свои социальные корни». «Мелкобуржуазный фанатизм привел к тому, что были совершены «левые» ошибки... хотели одним махом войти в коммунизм. Намерения были чрезмерными, ибо исходили из представления, что мы должны быть первыми». Фактически, таким образом, в письме вскрывалась сама суть пороков экономической концепции Мао Цзэ-дуна — мелкобуржуазный характер и гегемонистские, великодержавные устремления.

Пэн Дэ-хуай указывал на несостоятельность маоистского лозунга «Политика — командная сила», опасность пренебрежения объективными требованиями производства, наукой, экономическими законами: «Лозунг «Политика — на первое место» не может, подчеркивалось в письме, заменить собой основные принципы хозяйствования и в еще меньшей мере может заменить конкретные меры хозяйственной деятельности». «Мы легкомысленно отрицали некоторые экономические и научные закономерности», «на субъективизм смотрели сквозь пальцы», «не были знакомы с закономерностями социалистического строительства», «недостаточно поняли социалистический закон планомерного, пропорционального развития», «опрометчиво отрицали закон эквивалентного обмена». Тяжелое положение, в котором оказалась страна,—это, отмечал Пэн Дэ-хуай, «наглядный урок, который облегчит наше отрезвление». Он призывал «исходить из реальных фактов и надежного основания», «лучше постичь экономические законы социализма, своевременно сбалансировать диспропорции, которые имеются налицо, правильно понять значение устойчивого равновесия».

В августе 1959 г. на VIII (Лушаньском) пленуме ЦК КПК произошло столкновение маоистов с теми, кто выступал против политики «трех красных знамен». Среди несогласных с маоцзедуновской линией были, кроме Пэн Дэ-хуая, кандидат в члены Политбюро ЦК КПК Чжан Вэнь-тянь, ряд партийных руководителей

Провинциальных комитетов, министерств и ведомств. Эти силы не сумели одержать верх. В опубликованном коммюнике VIII пленума ЦК КПК они были названы оппортунистами, которые, как утверждалось, «клевещут на движение за большой скачок и движение за создание народных коммун, ...называя эти движения «мелкобуржуазными фантастическими движениями». В коммюнике подчеркивалось также, что главное препятствие для выполнения директив руководства отныне представляют «правооппортунистические взгляды, проявляющиеся среди кадровых работников», которые «недооценивают великие успехи», «не видят того... что успехи являются главными, а недостатки и ошибки — второстепенными».

Хотя пленум и вынужден был сделать ряд тактических отступлений, однако его решения по-прежнему превозносили политику «большого скачка», содержали призывы к партии и народу «преодолеть правооппортунистические настроения среди некоторых неустойчивых элементов», «бороться за досрочное выполнение второго пятилетнего плана (1958—1962 гг.) в течение двух лет», т. е. за 1958—1959 гг.

От «скачка» и «коммунизации» к развалу экономики. Новая генеральная линия, «большой скачок» и народные коммуны явились, как показывают факты, авантюристической попыткой Мао Цзэ-дуна и его окружения в кратчайший срок, в порядке штурма достичь гегемонистских целей на основе своей волонтаристской, антинаучной платформы экономического строительства и обусловленных ею методов и средств. Руководство народным хозяйством на основе лозунга «Политика — командная сила», отказ от испытанных социалистических методов хозяйствования, подмена их методами «массовых движений», пренебрежение реальными условиями страны и игнорирование требований объективных экономических закономерностей; попытка искусственно превратить коллективную собственность по существу в государственную (в сельских народных коммунах, кустарном производстве и т. п.); игнорирование принципа материальной заинтересованности и стремление строить экономику на принуждении, полнейшее пренебрежение к научно обоснованному планированию — эти и другие характерные моменты политики «трех красных знамен»,

составляющие содержание маоистского курса в экономике, привели в конечном счете к тяжелому кризису народного хозяйства Китая.

Китайская пропаганда приложила немало сил, чтобы доказать достижения «большого скачка». Если судить по китайским данным, то за время «большого скачка» рост промышленного производства происходил невиданными темпами¹:

	1958 г.	1959 г.	1960 г.
Валовая промышленная продукция, млрд. юаней	117	163	190—195
Металлорежущие станки, тыс. шт. .	50	70	90
Чугун, млн. т	9,5	20,3	27,5
Сталь, млн. т	8,0	13,3	18,5
Уголь, млн. т	270,0	348,0	425
Электроэнергия, млрд. квт-ч	27,5	41,5	55,0
Химические удобрения, млн. т	0,81	1,33	2,0
Хлопчатобумажные ткани, млрд. м . .	5,7	7,5	6,0

Однако эти данные искажают действительное положение в экономике. Во-первых, они включают некондиционную продукцию, значительная часть которой была просто выброшена. Во-вторых, объемы производства завышены из-за высокого удельного веса незавершенного производства, увеличения повторного счета и расширения сферы учитываемой продукции (мелкие предприятия, промышленность народных коммун). В-третьих, одним из «слагаемых» этих показателей являются приписки и прямое очковтирательство. С учетом этого можно определенно утверждать, что фактический рост производства был значительно меньше (табл. 2).

Такое же положение сложилось и в сельском хозяйстве. Во второй половине 1958 г. в китайской печати появились сообщения о том, что производство зерновых достигнет 400 млн. т. В апреле 1959 г. Государственное статистическое управление опубликовало отчет о развитии народного хозяйства КНР в 1958 г., в котором

¹ См. «Вэйдады шинянь». Пекин, Народное издательство, 1959, стр. 14, 76, 84—89; «Информационное сообщение о развитии народного хозяйства КНР в 1959 г.». Пекин, 1960, стр. 1, 4—5, 7; «Хунци», 1961, № 3—4, стр. 19—25.

Таблица 2

**Оценка производства валовой промышленной продукции
(1957=100)**

Годы	По данным китайских организаций		По оценкам и расчетам советских и зарубежных экономистов	
	млрд. юаней	прирост к предшествующему году в %	млрд. юаней	прирост к предшествующему году в %
1958	117	66	90	27
1959	163	39	112	27
1960	195	20	130—135	18—20

указывалось, что сбор зерна составил 375 млн. т, производство хлопка-волокна — 3,3 млн. т, поголовье свиней — 180 млн. голов. В действительности, в конце 1958 г. и особенно в 1959 г. положение в сельском хозяйстве начало ухудшаться (табл. 3).

Таблица 3

Оценка производства основных видов сельскохозяйственной продукции в 1958 г.

	Единица измерения	Первоначальные итоги 1958 г.	Исправленные данные	Действительные показатели (расчет)
Валовая продукция сельского хозяйства	млрд. юаней	88,8	67,1	около 60
Зерно	млн. т	375	250	около 200
Хлопок	»	3,3	2,1	2
Поголовье свиней	млн. голов	180	160	140

В дальнейшем валовая продукция сельского хозяйства стала все более падать. Если в 1958 г. она составляла примерно 60 млрд. юаней, то в 1959 г. — 54 и в 1960 г. — около 45 млрд. юаней. Особенно быстро это падение проявилось в животноводстве. Уже в IV квартале 1958 г. началось сокращение поголовья свиней. В середине 1958 г. в КНР насчитывалось около 186 млн.

свиней. Во время «скакча» было провозглашено, что в конце 1958 г. ожидается 200, 250 и даже 300 млн. свиней, однако фактически оказалось около 140 млн. голов. Во второй половине 1958 г. началось сокращение поголовья домашней птицы. На 1 января 1958 г. в КНР было 1080 млн. шт. птицы, в сентябре поголовье птицы уменьшилось до 710 млн., в ноябре до 600 млн. На 1 июля 1959 г. поголовье птицы составило несколько более 300 млн. шт., т. е. лишь 27,8% всего количества птицы на начало 1958 г. Урожай продовольственных культур в 1960 г. составил примерно 160 млн. т (53% плана), хлопка — примерно 1 млн. т (37% плана).

Экономика Китая была поставлена на грань катастрофы. О размерах падения промышленного и сельскохозяйственного производства в 1961 г., а также о размерах влияния этого падения на экономику Китая можно судить по таблице, составленной на основании опубликованных данных ГСУ КНР за 1959 г. и расчетных, оценочных данных за 1961 г. (табл. 4).

Таблица 4

Производство важнейших видов продукции народного хозяйства в 1959 и 1961 гг.

Наименование продукции	Единица измерения	1959 г.	1961 г.	Падение производства в 1961 г. по сравнению с 1959 г.
Сталь	млн. т	13,3	8—9	на 40—45%
Электроэнергия	млрд. квт-ч	41,5	30—33	на 15—18%
Уголь	млн. т	348	200—220	на 40%
Железная руда	»	95	30—32	в 3 раза
Цемент	»	12,27	7,0	на 40%
Металлорежущие станки	тыс. шт.	70	25—30	в 2,5—3,0 раза
Пищевое растительное масло	млн. т	1,5	0,9—1,0	на 30%
Сахар	»	1,1	0,5—0,6	на 50%
Валовой сбор зерновых	»	270	160	на 45%
Валовой сбор хлопка . .	»	2,4	0,9—1,0	в 2,4 раза
Поголовье свиней . . .	млн. голов	180	100	за 35%

Промышленное производство Китая в 1962 г. сократилось почти наполовину по сравнению с официальны-

ми данными 1959 г., а сельское хозяйство упало до уровня 1954 г.

По сравнению с расчетными показателями, которые точнее отражают реальное положение в период «большого скачка», падение промышленного и сельскохозяйственного производства также было большим — это был скачок назад.

	Высший уровень «большого скачка»	1961 г.	Падение производства в 1961 г.
Валовая продукция промышленности (млрд. юаней) . . .	135	90	на 34 %
Валовая продукция сельского хозяйства (млрд. юаней) . . .	60	43—45	на 25 %

Вместе с тем произошло разрушение основных производственных фондов страны. Построенные в спешном порядке в период «большого скачка» мелкие «упрощенные» промышленные предприятия были заброшены, большинство из них полностью разрушено. Общая стоимость основных производственных фондов промышленности Китая уменьшилась к 1962 г. на 23—25 млрд. юаней, т. е. примерно на одну треть.

В сельском хозяйстве основные производственные фонды сократились против 1959 г. на 4—5 млрд. юаней, или на 25—30 %. Вместе с падением промышленного и сельскохозяйственного производства в 1961—1962 гг. резко сократились национальный доход и бюджетные поступления.

Падение промышленного и сельскохозяйственного производства отрицательно сказалось на жизненном уровне трудящихся КНР. Резкое сокращение производства предметов народного потребления вызвало огромный дефицит прежде всего наиболее важных для населения товаров, особенно продуктов питания, хлопчатобумажных тканей и изделий из хлопка. Все это поставило страну в исключительно тяжелое положение. Было введено строгое нормирование снабжения почти всеми видами продовольствия и большинством товаров широкого потребления. Нормы на важнейшие товары были урезаны. Весной 1961 г. талоны выдали только на приобретение 80—90 см хлопчатобумажной ткани и изделий из нее на

год. Население не имело возможности приобретать обувь, трикотаж, посуду и другие промышленные товары бытового назначения. Были урезаны нормы на мыло, спички, сигареты.

Ухудшение продовольственного снабжения населения проявилось уже в 1959 г. В ноябре—декабре 1960 г. было проведено сокращение норм выдаваемого населению зерна. Почти совершенно перестало выдаваться городскому населению мясо, яйца, сахар, а растительное масло и овощи отпускались в мизерных количествах. Резко снизились нормы зерновых у крестьян. Нередко даже на работающего они составляли 300—350 г в день. В рационе крестьян отсутствовали мясо, масло, сахар, яйца. В пищу пошли листья и кора деревьев, травы. Наиболее тяжелое положение с продовольствием сложилось в северных, северо-западных и северо-восточных провинциях страны с общим населением примерно 230—240 млн. человек. Продовольственная проблема превратилась в острейшую экономическую и политическую проблему. Голод распространился даже на армию. 20 февраля 1961 г. Главное тыловое управление Народно-освободительной армии Китая в информации о профилактике и лечении водянки в армии отмечало: «Район заболевания сравнительно широк. За исключением Тибета и Внутренней Монголии, от которых не поступила информация, заболевания имеют место во всех военных округах, соединениях, главных управлениях, академиях, училищах»¹.

Серьезно ухудшилось политическое положение. Трудовой подъем, энтузиазм китайского народа к 1959—1960 гг. сменился разочарованием, сомнениями в правильности политики КПК. Стало ясно, что часть населения страны и часть кадров «не понимают политики партии и правительства»². На предприятиях резко упала трудовая дисциплина, среди крестьян усилились частнособственнические тенденции, снизилась заинтересованность в коллективном хозяйстве. Настроения недовольства и пессимизма охватили молодежь и интеллигенцию.

¹ «Сельская жизнь», 1968, 12 апреля.

² См. Коммюнике о IX пленуме ЦК КПК. — «Коммунист», 1961, № 2, стр. 112.

«Урегулирование»

Смена курса. Замысел китайского руководства в ходе «большого скачка» обогнать СССР («построить коммунизм быстрее, чем в Советском Союзе») потерпел провал. Падение промышленного производства увеличивало и без того большой разрыв в экономическом уровне развития КНР и развитых в промышленном отношении стран мира. Увеличился разрыв между Китаем и социалистическими странами¹. Претензии на то, чтобы занять ведущее положение в коммунистическом движении, не увенчались успехом. Экономика страны оказалась в крайне трудном положении.

В январе 1961 г. на IX пленуме ЦК КПК китайское руководство было вынуждено официально признать наличие серьезных экономических и политических трудностей в стране. Однако было сделано все, чтобы скрыть истинные причины постигшего страну кризиса. Несмотря на очевидный крах политики «большого скачка» и народных коммун, маоцзэдуновское окружение продолжало навязывать народу мысль о непогрешимости Мао Цзэ-дуна, творца этой губительной для экономики КНР политики, и, пытаясь уйти от ответственности за создавшееся положение в экономике страны, прибегло к грубому обману.

Сначала тяжелое экономическое положение страны объяснялось серьезными стихийными бедствиями 1959 г. и последовавшими за ними «небывалыми за последние 100 лет стихийными бедствиями 1960 г.». Было бы, конечно, неправильно полностью отрицать стихийные бедствия в Китае в эти годы. Они имели место и нанесли ущерб сельскохозяйственному производству. Однако, во-первых, их последствия не были бы настолько пагубны, если бы не проводилась маоцзэдуновская политика. Во-вторых, факты опровергают утверждения о «небывало тяжелых» стихийных бедствиях. Во многих районах, например в зернопроизводящих провинциях Цзянсу, Цзянси, Хунань, Гуандун, как свидетельствовали со-

¹ В середине 60-х годов общий физический объем валовой продукции промышленности Китая был примерно в 5—6 раз ниже, чем в Советском Союзе.

общения местных газет, осадков в летние месяцы выпало примерно столько же, сколько их было в урожайных 1956 и 1958 гг.

Затем масисты предприняли попытки очернить огромную интернациональную помощь Советского Союза китайскому народу. Чтобы отвести от себя удар и направить гнев народа по ложному пути, вину за внутренние трудности в КНР они попытались возложить на СССР, который, как они говорили, «отозвал советских специалистов из Китая и вслед за этим сократил поставки комплектного оборудования»¹. Хорошо, однако, известно, что китайские власти еще в начале «большого скачка» изолировали всех иностранных специалистов, стремясь всячески их дискредитировать. Настойчивые предупреждения советских специалистов о том, что нарушение технологии, упрощение схем монтажа оборудования, неквалифицированное управление машинами, станками, агрегатами неминуемо приведут к авариям и быстрому износу, к снижению в конечном счете уровня производства, оставлялись без внимания китайской администрацией. Широкая кампания за восхваление «местного», порицание всего, что основывается на «иностранных», на сложной современной технике, создавала нездоровую обстановку вокруг советских специалистов, что затрудняло выполнение ими функций, вытекающих из договоров и соглашений о советско-китайском экономическом и научно-техническом сотрудничестве. В такой обстановке иностранные специалисты, мешавшие маоистам «творить чудеса», были вынуждены покинуть Китай в течение 1960—1961 гг. Вместе с тем известно, что наибольшие трудности возникли как раз в тех отраслях, где советских специалистов или не было совсем, или их насчитывалось буквально единицы. Как мог, например, повлиять отзыв советских специалистов на работу угольной, нефтяной, лесной, легкой и других отраслей промышленности и сельского хозяйства, если в 1960 г. в угольной промышленности работали два, в министерстве госхозов и целинных земель — три, в системе министерства сельского и лесного хозяйства — по одному специалисту? Между тем особенно большие про-

¹ «Жэньминь жибао», 1963, 4 декабря.

валы имели место как раз в этих отраслях промышленности и в сельском хозяйстве.

Грубой ложью явилось и утверждение о том, будто Советский Союз отказался от комплектных поставок оборудования в Китай. Еще в 1961 г. на переговорах по экономическому и научно-техническому сотрудничеству китайские представители вопреки интересам своего народа отказались от дальнейшей помощи СССР в строительстве 89 промышленных объектов, предусмотренных ранее соглашениями. В результате поставки комплектного оборудования из СССР в КНР в 1961 г. уменьшились по сравнению с 1960 г. в 4,5—5 раз¹. Китайская делегация на переговорах объясняла меры, направленные на сокращение экономического сотрудничества с Советским Союзом, трудностями экономического порядка. Через два месяца после подписания в 1961 г. Соглашения об экономическом сотрудничестве китайское правительство заявило о новом сокращении поставок оборудования из СССР, а в конце 1961 г. китайская сторона заявила о полном отказе от импорта комплектного оборудования на 1962—1963 гг.

Не выдерживают критики и утверждения китайской пропаганды о том, что в бедах Китая виноваты исполнители—низовые кадровые работники. Хотя на местах и было совершено немало ошибок, однако вполне очевидно, что ни одно из сколько-нибудь заметных начинаний не совершалось без санкций центра.

Всю полноту ответственности за кризисное положение страны несут прежде всего маоисты. Это понимали многие в Китае. В стране среди трудящихся, среди членов КПК и части китайских руководителей зрело и росло глубокое недовольство проводившейся экономической политикой. На этой основе оформлялась серьезная оппозиция, выступившая с резкой критикой политики «трех красных знамен». Это особенно ясно стало теперь, после того как в период «культурной революции» были опубликованы многие материалы и неизвестные ранее выступления ряда видных китайских деятелей. Часть этих людей стояла в основном на правильных марксистско-ленинских позициях и отстаивала

¹ См. Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., «Наука», 1968, стр. 197.

вала возвращение Китая на путь социалистического строительства, на путь дружбы и сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Другие нередко исходили из узко понимаемых национальных интересов Китая, которым курс маоистов наносил серьезный ущерб.

Председатель КНР Лю Шао-ци, отмечая тяжелое положение, сложившееся после «большого скачка», подчеркивал, что «главные причины этого — наверху, порождены ошибками в планировании и ошибками политического характера». В 1962 г. он говорил: «...большой скачок был совершен слишком поспешно, была утрачена равномерность (развития)... теперь, возможно, в течение десяти или восьми лет придется заниматься урегулированием, и, таким образом, скачок себя не оправдывает. Три источника (людские ресурсы, плодородие земли и финансовые возможности) истощены, в течение семи — восьми лет их также трудно будет восстановить»; «народные коммуны были созданы слишком рано»; «великая выплавка стали (в мелких печах) — это мыльный пузырь»¹.

Генеральный секретарь ЦК КПК Дэн Сяо-пин неоднократно выступал с критикой курса «трех красных знамен»²:

в апреле 1961 г.: «Создавая коммуны, мы взяли слишком резко темпы, не использовали до конца преимуществ кооперативов высшего типа... В последние годы мы отказались от методов исследования и изучения, много болтаем, политический курс заменили субъективными представлениями»;

в июне 1961 г. Дэн Сяо-пин на рабочем заседании ЦК КПК нарисовал мрачную картину обстановки того периода: «Очевидно, что ныне производственные отношения напряжены, отношения с народом напряжены, отношения с кадрами напряжены, отношения в сфере собственности напряжены. То, что за три года были подорваны отношения собственности, была подорвана активность, главным образом произошло не из-за стихийных бедствий, а по вине людей»;

¹ См. «Цзинганьшань», 1967, 1 и 8 февраля; 1967, апрель.

² См. Газета «Хунци», 1967, май; «Цзиньцзюнь бао», 1967, 26 марта. «Сборник материалов о Дэн Сяо-пине». Пекин, 1967.

в сентябре 1961 г. на рабочем заседании ЦК КПК в Лушани: «Ныне фактически наблюдается полупарализованное состояние, в любом случае для восстановления достигнутого ранее уровня производства потребуется определенное время... Наша ошибка состоит в том, что в практической работе мы допустили перегиб и нарушили объективные законы»;

на седьмом пленуме третьего созыва ЦК КСМ Китая в июле 1962 г.: «Одеваемся плохо, едим плохо, живем в плохих условиях, показатели снижаются. В прошлом мы наговорили слишком много слов, многое преувеличили, в проводимых кампаниях допустили перегиб «влево». В экономике обстановка весьма нехорошая. За последние несколько лет было сделано очень много глупых и бестолковых вещей. Это отразилось на авторите-те нашей партии и нашего государства... Народ затаил на нас обиду, и обиду заслуженную; народ нас ругает, и ругает поделом, надо нас как следует ругать».

На расширенном заседании Постоянного комитета Политбюро ЦК, которое было создано по инициативе Лю Шао-ци, в конце февраля 1962 г. член Политбюро ЦК КПК Чэнь Юнь выступил с докладом «О положении в области финансов и экономики в настоящее время».

Экономическое положение того времени он оценил следующим образом: 1) в сельском хозяйстве резко сократилось производство, зерна недостаточно, масла очень мало, крестьянам не хватает одежды. Принятые меры... не разрешают коренных вопросов. Количество хороших земель сократилось на 200 млн. *му* ($1\text{ му} = 1/15\text{ га.} — \text{Прим. авторов}$), нет кормов для свиней, много сельхозинвентаря вышло из строя...; 2) масштабы уже начатого строительства превосходят экономические возможности. Производительность труда значительно снизилась. Многие промышленные рабочие не едят до-сыта, низка зарплата; 3) нынешняя инфляция, хотя и отличается от той острой и продолжительной инфляции, которая имела место при гоминьдане, однако, если ее не приостановить, она может стать крайне опасной; 4) значительная масса денег переместилась в деревню, что способствует спекуляции. Самая большая опасность заключается в том, что крестьяне не имеют товаров и развитие этой тенденции все еще продолжается;

5) жизненный уровень городского населения понизился, жизнь сейчас очень трудна»¹.

Заместитель премьера Госсовета КНР, министр сельского хозяйства КНР Ляо Лу-янь не без оснований спрашивал: «Правилен ли в конечном итоге тезис о генеральной линии, народных коммунах и большом скачке? Если правилен, то почему же мы дошли до такого состояния? Наше настоящее напоминает автомашину, заехавшую в глухой тупик, и, чтобы ее вытащить, надо приложить немало усилий».

Все эти заявления, которые в то время, т. е. сразу после провала «большого скачка», не публиковались, принадлежат видным руководителям Китая и весьма наглядно показывают резко отрицательное отношение к маоистскому экономическому курсу, явное ему противодействие.

Некоторые публиковавшиеся в то время материалы также проливают свет на скрытую глухую борьбу в китайском руководстве по вопросам экономической политики. Характерно, например, что в докладе по случаю 40-летия КПК (июль 1961 г.) содержался призыв изучать «основные положения марксизма-ленинизма», «изучать опыт, накопленный Советским Союзом и другими братскими странами в области социалистического строительства». В докладе говорилось, что необходимо «выводить из объективной действительности присущие ей, а не надуманные закономерности и руководствоваться ими в своих действиях», критиковались те люди, которые считают, что «китайской революцией якобы можно руководить, полагаясь на субъективные представления», и содержались призывы «остерегаться захвата и нетерпеливости».

Некоторые китайские партийные журналисты, используя приемы аналогий и аллегорий, выступали в печати с явной критикой политики «трех красных знамен». Так, секретарь пекинского горкома партии, бывший редактор «Жэньминь жибао» Дэн То выступал в журнале «Цяньсянь» против прожектерства, стремления «создать богатство из одного яйца», «подменить реальность сплошной иллюзией», подчеркивал, что в Китае «разбили лоб перед лицом фактов», говорил об «отсут-

¹ «Сборник дацзыбао о Чэн Юне». Пекин, 1967, февраль.

ствии бережного отношения к рабочей силе», «перенапряжении», очковтирательстве, призывал «проявлять скромность, больше учиться и меньше болтать».

Экономические и политические трудности, порожденные политическим курсом маоистов, глубокое недовольство и сопротивление вынудили китайское руководство, сохраняя вывеску «трех красных знамен», пойти на существенное изменение экономической политики. На IX пленуме ЦК КПК (январь 1961 г.) были приняты новые политические установки, которые явились фактически отходом от политики «трех красных знамен» и провозглашением нового курса в области народного хозяйства — курса на «урегулирование», который затрагивал и все другие стороны общественно-политической жизни страны.

Переход к новому курсу по-разному использовался политическими группировками.

Здоровые силы в КПК стремились к тому, чтобы, ликвидируя пагубные последствия политики «трех красных знамен», восстановить принципы и методы руководства народным хозяйством и организации экономики, существовавшие в стране до 1958 г., а затем пойти дальше — направить развитие страны по пути социалистического строительства в полном соответствии с объективными закономерностями, с учетом опыта стран мировой социалистической системы, особенностей, реальных условий и возможностей Китая.

Маоисты, стремясь ликвидировать крайности «большого скачка» и предотвратить назревавший в стране взрыв противоречий, пытались в максимально возможной степени сохранить свои позиции, перегруппировать силы и подготовиться к новому туру борьбы за осуществление своего гегемонистского шовинистического курса.

Все это приводило к тому, что «урегулирование» народного хозяйства происходило медленно, непоследовательно, без ясной перспективы и единой программы экономического развития страны. В связи с этим проводимые в период «урегулирования» в области экономики мероприятия представляли в целом картину своеобразного, противоречивого переплетения, во-первых, мер экстренных, чрезвычайных, направленных на ликвидацию ближайших трудностей и выход из кризиса; во-вторых, шагов правильных и реалистических, нацелен-

ных в известной мере на более длительную перспективу развития экономики, усилий принципиальных во имя возвращения Китая на путь здорового социалистического развития; наконец, попыток волонтиаристских, имеющих в виду вновь направить страну по пути «трех красных знамен», правда, с учетом уроков прошлого и новой обстановки.

Чрезвычайные меры. Экономическая политика «урегулирования» была подчинена прежде всего решению неотложных нужд восстановления и развития сельского хозяйства, производства промышленных товаров широкого потребления и нормализации на этой основе снабжения населения. IX пленум ЦК КПК потребовал «немедленно принять меры для оказания помощи легкой промышленности, городской и сельской кустарной промышленности, домашним подсобным промыслам и пригородному сельскому хозяйству для увеличения производства различных видов товаров широкого потребления и продуктов питания, а также улучшения работы в области торговли и оживления деятельности сельских первичных рынков с тем, чтобы постепенно улучшить положение со снабжением». На повестку экономической жизни страны и политики КПК встал, как самый неотложный, вопрос о том, чтобы добиться в ближайшие годы обеспечения многомиллионного населения хотя бы скучным минимумом самых насущных предметов потребления, в первую очередь обеспечить народ зерном.

Пленум обязал «сократить масштабы капитального строительства» и «проводить курс на урегулирование, укрепление, пополнение и повышение». Он призвал сконцентрировать все силы на укреплении сельскохозяйственного фронта, перестроить работу всех отраслей промышленности с целью оказания помощи сельскому хозяйству и «проводить комплексное сбалансирование отраслей народного хозяйства в следующем порядке: сельское хозяйство, легкая промышленность, тяжелая промышленность».

На основе этого курса было резко сокращено, практически приостановлено капитальное строительство. Уже в первый год «урегулирования» объем капиталовложений в народное хозяйство, прежде всего в промышленность, был сокращен по сравнению с 1958—1959 гг. в 5—6 раз. Большая часть строительных объектов не-

зависимо от степени их готовности была законсервирована, что привело к омертвлению оборудования и вложенных в строительство средств. Значительная часть предприятий, в особенности тяжелой промышленности, была закрыта, многие резко сократили производство. Крупнейшие предприятия Китая, такие, например, как Лоянский тракторный, Шэньянский станкостроительный, Чанчуньский автозавод и другие, были переведены на работу в одну смену, но и в этих условиях работали с большой недогрузкой. Правительство КНР пошло на резкое сокращение ассигнований на жилищное и коммунальное строительство, на социальные нужды, просвещение и т. п. Число студентов высших учебных заведений уменьшилось с 950 тыс. человек в 1960 г. до 695 тыс. человек в 1964 г. Число учащихся в средних учебных заведениях сократилось на 2,7 млн., а в начальных школах — на 8—10 млн. Около 30 млн. детей школьного возраста не посещали школы. В течение нескольких лет не повышалась заработка рабочим и служащим.

Для смягчения продовольственных трудностей в городах и ликвидации безработицы из городов в деревню было переселено более 20 млн. человек, в том числе 10—12 млн. в 1961 г. и более 10 млн. в 1962 г. Переселению подлежали прежде всего те рабочие и их семьи, которые поступили на промышленные предприятия в начале «большого скачка». Численность рабочих и служащих в народном хозяйстве Китая резко сократилась, в том числе в промышленности с 22 до 14,5 млн., в строительстве — с 6 до 2 млн. Число промышленных рабочих, включая учеников, сократилось с 14,5 млн. человек в 1960 г. примерно до 9—10 млн. человек в 1964 г., т. е. было едва выше уровня 1957 г.

Начиная с 1961 г. Китай впервые начал производить крупные закупки зерна в капиталистических странах — по 5—6 млн. т в год в течение 1961—1965 гг. Ежегодные расходы по оплате импорта зерна составили 350—400 млн. американских долларов.

В обстановке общего спада производства, крайнего ослабления сельскохозяйственного фронта и голода китайское руководство, проводя вышеотмеченные мероприятия чрезвычайного характера, провозгласило новый курс: «Сельское хозяйство — основа экономики, а

промышленность — ее ведущая сила». Эта политическая установка была сформулирована уже в 1960 г. IX пленум ЦК КПК (январь 1961 г.) провозгласил, что «сельское хозяйство является основой народного хозяйства». На X пленуме ЦК КПК (осень 1962 г.) тезис «сельское хозяйство — основа экономики, а промышленность — ее ведущая сила» был закреплен в качестве общего курса развития народного хозяйства КНР. Установки пленума о том, чтобы «поставить на первое место развитие сельского хозяйства», «решительно перестроить работу всех отраслей промышленности в соответствии с курсом «сельское хозяйство — основа», показывали, что руководство КПК отодвигало вопросы развития промышленности далеко на задний план, считая главной задачей «мобилизовать и концентрировать силы всей партии и всей страны, чтобы оказать активную и всевозможную поддержку сельскому хозяйству и коллективному хозяйству народной коммуны в отношении материальных ресурсов, техники, финансов, организационной работы, руководства и кадров...»¹.

Все силы (в абсолютном масштабе не очень значительные, так как экономика не имела ни ресурсов, ни резервов после «большого скачка») бросались на спасение текущего положения. Об индустриализации, развитии тяжелой промышленности предпочитали не вспоминать или же говорили в последнюю очередь.

В соответствии с курсом «сельское хозяйство — основа» в первые годы «урегулирования» происходил процесс перестройки промышленности. Произошло некоторое расширение производства в отраслях, непосредственно обслуживающих сельское хозяйство (производство мелкого сельхозинвентаря, небольших сельскохозяйственных орудий, а также сельскохозяйственных машин и химических удобрений), осуществлялся перевод предприятий ряда других отраслей промышленности на выпуск продукции для сельского хозяйства. Многие предприятия, которые раньше обслуживали промышленность и капитальное строительство, переключались полностью или частично на производство продукции для нужд сельского хозяйства: инвентаря, деталей, запасных частей, ремонт сельскохозяйственных машин

¹ Коммюнике X пленума ЦК КПК. — «Правда», 1962, 1 октября.

и т. п. Около 70% предприятий местного подчинения было занято такими видами производства. Если в первой пятилетке средства производства, поставляемые тяжелой промышленностью деревне, составляли около 10% общего объема оборота между городом и деревней, то в 1962 г. эта цифра поднялась до 20%¹.

Государственные вложения в сельское хозяйство и государственные кредиты деревне были увеличены в 1963 г. на 25% по сравнению с предшествующим годом. В 1964 г. сельскому хозяйству было поставлено около 6,4 млн. т минеральных удобрений, или в 3 с лишним раза больше, чем в 1957 г. Однако материально-техническая база сельского хозяйства оставалась все еще слабой. Развернувшееся движение за полумеханизацию и ирригацию, за создание «полей гарантированного и стабильного урожая» велось в основном «в опоре на собственные силы» народных коммун, т. е. на ручной труд.

Тезис «сельское хозяйство — основа экономики» в определенном смысле явился утилитарным идеологическим обоснованием конкретной временной политики. Восстановление сельского хозяйства явилось главным звеном в нормализации экономического и политического положения в стране, прежде всего продовольственной ситуации. Необходимо было ослабить острые диспропорции в народном хозяйстве, возникшие в период «большого скачка» между промышленностью и сельским хозяйством, между накоплением и потреблением. Эти и другие диспропорции зашли настолько далеко, что их уже невозможно было устраниТЬ только активным путем — путем подтягивания сельского хозяйства и других отраслей, производящих предметы потребления. Возникла необходимость сократить строительство, производство в отраслях тяжелой промышленности. Эти вопросы временно отходили на второй план хозяйственного строительства.

Вместе с тем курс «сельское хозяйство — основа» отражал, правда весьма односторонне, характерную для Китая, как страны слаборазвитой, зависимость экономики от сельского хозяйства, от годового урожая, зависимость, которая еще длительное время будет высту-

¹ «Ляонин жибао», 1962, 27 декабря.

пать как серьезный фактор, влияющий на развитие народного хозяйства страны¹.

И, наконец, этот курс можно было рассматривать и как попытку компенсировать недостаточное в прошлом внимание к вопросам модернизации сельского хозяйства. В практическом плане недооценка, например, проблемы механизации сельского хозяйства выразилась в том, что как в первой, так и во второй пятилетках не были заложены достаточные мощности для развития сельскохозяйственного машиностроения. Из сооружавшихся в первой пятилетке 104 сверхлимитных машиностроительных и металлообрабатывающих предприятий строился лишь один тракторный завод (в Лояне) мощностью в 15 тыс. тракторов в год и несколько заводов по производству сельскохозяйственных орудий. В 1959 г. «традиционными», т. е. самыми примитивными, сельскохозяйственными орудиями обрабатывалось около 80% всей пахотной площади Китая; 15% площади обрабатывалось так называемыми усовершенствованными «полумеханизированными» орудиями и лишь 5% — современными сельскохозяйственными машинами².

Неудачи в развитии сельскохозяйственного производства, вызванные «большим скачком» и созданием народных коммун, давали возможности противникам маоистского курса настаивать на том, что невозможно обеспечить подъем сельскохозяйственного производства без существенных изменений в материально-технической базе сельского хозяйства. После перестройки народных коммун в Китае стала робко пробивать дорогу тенденция развития сельского хозяйства на основах технической реконструкции и модернизации. В 1962 г. газета «Жэньминь жибао» писала: «В настоящее время главная задача в области сельского хозяйства состоит в том, чтобы переключить основное внимание с социальных преобразований на техническую реконструкцию и модернизацию сельского хозяйства»³. Китайские экономисты провели сопоставление уровня производительно-

¹ В 60-е годы сельское хозяйство Китая прямо или косвенно давало 80% предметов потребления, более половины финансовых доходов государства.

² «Чжунго нунбао», 1959, № 24, стр. 7.

³ «Жэньминь жибао», 1962, 9 ноября.

сти сельского хозяйства Китая с другими странами, которое показало, насколько Китай отстал. По оценке, уровень производительности труда в Китае был в 20—25 раз ниже, чем в развитых странах. В 1958 г. в США один работник в сельском хозяйстве производил более 30 т зерна в год, обеспечивая тонну зерна в расчете на душу населения, в то время как в Китае каждый работник в сельском хозяйстве производил лишь 750 кг зерна¹.

Однако, обосновывая вышеуказанные направления экономической политики, китайские идеологи попытались выдать нужду за благо. Они стали изображать курс «сельское хозяйство — основа экономики», как «важное развитие Мао Цзэ-дуном марксистско-ленинской политической экономии», как «новое творческое развитие марксизма-ленинизма в области теории социалистического строительства», «развитие марксова учения о расширенном воспроизводстве»². Положение «сельское хозяйство — основа экономики» стало изображаться как «всеобщий объективный экономический закон», который сохранит свою силу «и при коммунизме, когда наука и техника достигнут высокого развития»³.

Это было вульгаризаторское, потребительское отношение к теории. Оно отражало мелкобуржуазное шараханье от левацкой тенденции «сверхиндустриализации» к правому уклону, равнению на отсталое сельское хозяйство. Такая ориентация развития народного хозяйства неизбежно влекла за собой отставание тех отраслей тяжелой промышленности, которые непосредственно не связаны с помощью сельскому хозяйству, но являются основой для расширенного социалистического воспроизводства и технической реконструкции всего народного хозяйства. Такие теоретические обобщения явно расходятся с положением Ленина о том, что единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие. Характеризуя значение круп-

¹ «Жэньминь жибао», 1962, 22 декабря; «Дагун бао», 1961, 22 мая.

² «Жэньминь жибао», 1962, 16 октября; «Хубэй жибао», 1962, 11 ноября; «Хунци», 1963, № 1.

³ Гао Хэ н. Сельское хозяйство — основа экономики, Чанша, 1961, стр. 4.

ной промышленности, В. И. Ленин указывал, что она «представляет из себя основу перехода к социализму и... с точки зрения состояния производительных сил, т. е. по основному критерию всего общественного развития, представляет основу социалистической хозяйственной организации...»¹.

Сторонники доктрины «сельское хозяйство — основа» не хотели понять, что темпы и масштабы роста сельскохозяйственного производства, уровень производительности труда в сельском хозяйстве зависят от степени развития промышленности, ее способности обеспечить сельское хозяйство в нужном количестве высокопроизводительными и дешевыми машинами, химическими удобрениями и другими средствами сельскохозяйственного производства. Установка «сельское хозяйство — основа» в ее теоретическом обобщении принижает роль промышленности как решающего фактора развития всего народного хозяйства, в том числе и сельского хозяйства. Между тем опыт СССР и других социалистических стран показал, что в течение жизни одного поколения социализм преобразует отсталые, аграрные страны в передовые, индустриальные. Секрет этого — в социалистической индустриализации, в которой трудящиеся видят путь к победе нового общественного строя, укреплению экономической независимости от капитализма и оборонной мощи своей страны.

Возврат к социально-экономическим формам, существовавшим до «большого скачка». Особенное важное значение для оздоровления экономики и всей жизни в стране имели проведенные в период «урегулирования», в особенности в первые его годы, мероприятия, которые по существу означали возвращение во многом к тому, что было характерно для социально-экономической жизни Китая в период до политики «трех красных знамен».

Крупные неудачи, постигшие сельское хозяйство Китая, со всей остротой поставили вопрос о необходимости серьезного пересмотра позиций в вопросе о народных коммунах.

Уже VI пленум ЦК КПК (декабрь 1958 г.) осудил, хотя далеко не последовательно и не полно, некоторые

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 81.

наиболее явные ошибки, проявившиеся во время создания народных коммун. Пленум признал неправильным взгляды, согласно которым переход к народным коммунам означает переход от коллективной собственности к общенародной, и действия, направленные на «отмену» товарного производства и товарообмена, денег и цен, на полный отказ от социалистического принципа оплаты по труду.

На VIII пленуме ЦК КПК (август 1959 г.) было признано, что в период создания народных коммун имела место ошибочная «тенденция к чрезмерной концентрации и уравниловке». Пленум призвал к упорядочению народных коммун, в ходе которого «последовательно проводить в жизнь принцип управления по ступеням, хозрасчета по ступеням, принцип распределения по труду, принцип «за больший труд — большее вознаграждение». По существу пленум призвал создать такую форму народной коммуны, которая, оставаясь единой административно-хозяйственной организацией, базировалась бы на так называемой «трехступенчатой системе собственности» (собственность коммуны, большой производственной бригады, малой производственной бригады), причем собственность большой производственной бригады (бывшего сельскохозяйственного производственного кооператива) была бы основой народной коммуны. Имелось в виду также осуществить «трехступенчатую систему хозрасчета и управления, при которой основной хозрасчетной единицей являлась бы большая производственная бригада».

После IX пленума ЦК КПК (январь 1961 г.) упорядочение народных коммун вступило в новый этап. Наметилась линия на основательную перестройку сельских народных коммун. Было проведено их разукрупнение. В 1964 г. насчитывалось уже 74 тыс. народных коммун вместо 26 тыс. в 1958 г. Теоретически ложная формула «трехступенчатой системы собственности» оказалась не жизненной. В конечном счете основной хозяйственной единицей в деревне стали производственные бригады. Между отдельными звенями коммуны были установлены отношения, содержащие в себе элементы эквивалентного обмена и хозяйственного расчета. Правлению коммуны было запрещено безвозмездно использовать продукцию и доходы производственных бригад. Доходы

бригады (за исключением налоговых отчислений и сумм, направляемых в фонд общественного накопления коммуны) распределялись в данной бригаде, которая осуществляла самостоятельный учет прибылей и убытков.

В ходе упорядочения народных коммун крестьянам были возвращены приусадебные участки, мелкий сельскохозяйственный инвентарь и орудия, разрешено ведение личного хозяйства. В ряде случаев приусадебные участки были несколько увеличены. В «Указаниях по некоторым вопросам политического курса в деревне», направленных северокитайским бюро ЦК КПК в адрес Хэбэйского провинциального комитета КПК 7 июня 1962 г., говорилось, что приусадебные участки нужно расширить на 10%, что количество свиней, находящихся на откорме в крестьянских дворах, не следовало бы ограничивать, что можно продавать скот членам коммуны, что в районах, пострадавших от стихийных бедствий, можно раздавать крестьянам для обработки участки целины. Крестьянам было разрешено разводить в личном хозяйстве домашний скот и птицу, заниматься домашним кустарным ремеслом, собирать дикорастущие травы, заниматься рыболовством, охотой, разведением шелковичных червей, пчеловодством, выращивать на приусадебных участках фруктовые деревья, бамбук и т. д. Продукция личного хозяйства считалась собственностю крестьян, формально не облагалась налогом. Подсобное хозяйство крестьян давало до 80% товарной свинины, птицы, яиц. Было признано, что необходимость личного хозяйства вызывается уровнем развития производительных сил в деревне. В печати подчеркивалось, что силы колLECTивного хозяйства должны быть сконцентрированы на «производстве основных видов сельскохозяйственной продукции, чтобы обеспечить основные потребности государства», а «домашние подсобные промыслы — явиться необходимым дополнением», что «развитие домашнего подсобного производства отнюдь не является капиталистической деятельностью, как раз напротив, оно является необходимым для экономической жизни при социализме»¹.

¹ «Дагун бао», 1961, 5 июля; «Жэнъминь жибао», 1965, 17 сентября.

Следует, однако, подчеркнуть, что завершенной стабильной системы хозяйственных отношений в коммуне не было создано. Не были также приняты в законодательном порядке устав или правила и положения, фиксирующие юридически обязательства и ответственность государства, различных подразделений коллективного хозяйства и членов коммуны.

Вместе с тем упорядочение народных коммун нельзя полностью уподобить однозначному процессу возвращения к формам коллективного хозяйства, существовавшим на селе до 1958 г. Последствия удара, который был нанесен по кооперативам маоистской политикой «трех красных знамен», полностью не были преодолены.

С одной стороны, превращение производственных бригад в основную форму хозяйствования означало на деле дробление имевшихся до 1958 г. коллективных хозяйств, снижение уровня обобществления в деревне. Если кооперативы до 1958 г. насчитывали в среднем 150—160 дворов, то бригады как самостоятельные хозяйства насчитывают 30—40 дворов. Лишь в некоторых коммунах в качестве самостоятельных хозяйств были сохранены «большие бригады», т. е. бывшие кооперативы. В ряде мест в особо тяжелый период 1961—1962 гг. разукрупнение коммун дошло до расщепления бригад и даже фактического возврата к системе единоличного хозяйства. Производственные задания доводились прямо до крестьянских дворов¹.

С другой стороны, народная коммуна как надстройка, как форма бюрократически-административного управления и руководства производственными бригадами и, в известных условиях (в особенности в обстановке военизации и атмосфере произвола), как важный потенциальный рычаг внеэкономического принуждения по отношению к крестьянству сохранилась. Хотя ее экономические функции, в особенности в производстве, были ограничены, тем не менее эта «надстройка» над коллективным производством выполняет функции низового

¹ Дэн Сяо-пин в июле 1962 г. говорил: «В настоящее время самой важной проблемой является увеличение производства продовольствия. Главное — это суметь увеличить производство продовольствия, причем можно пойти и на единоличный способ производства в деревне. Нам неважно, белая кошка или кошка черная — лишь бы она хорошо ловила мышей».

органа государственной власти, имеет административные рычаги, может вмешиваться в производственную деятельность бригад, в планирование, в работу по распределению доходов, налогообложение, определять нормы потребления крестьян, влиять на формы организации труда и т. п.

С конца 1960 г. в Китае стала повсеместно оживать *сельская рыночная торговля*. Воссоздание сельских рынков открыло возможность для бригад и членов коммун реализовывать на рынках сельскохозяйственную продукцию и продукцию подсобных промыслов. Большое значение в деле смягчения трудностей в снабжении населения продовольствием имело развитие в городах и в сельской местности различных видов подсобных промыслов, в том числе коллективные формы подсобных промыслов на государственных предприятиях, в учреждениях, в производственных бригадах. С развитием приусадебного хозяйства и подсобных промыслов оживилась рыночная торговля в городах и сельской местности. На рынках стали продаваться продукты питания и изделия кустарей. Произошло некоторое увеличение продажи на рынке мяса, птицы, яиц, рыбы и морепродуктов. Развитие рыночной торговли помогало смягчить продовольственные трудности населения, мобилизовать некоторые материальные резервы, имеющиеся в деревне, частично повысить доходы крестьян и поднять их заинтересованность в развитии сельскохозяйственного производства, в том числе на приусадебных участках.

В городах, на селе восстанавливались существовавшие в 1956—1957 гг. *формы кооперирования мелких лавочников и лотошников* — так называемые «кооперативные магазины», «кооперативные группы», члены которых занимаются розничной торговлей на комиссионных началах, сами отвечают за прибыли и убытки. В городах на началах кооперации или на комиссионных началах вновь появилось большое количество закусочных, столовых, мастерских по бытовому обслуживанию и т. п. Было разрешено занятие кустарным промыслом в городах и поселках, допущена мелкая частная торговля второстепенными продуктами питания, а также изделиями кустарного производства.

Получила развитие *снабженческо-сбытовая коопeração*, которая стала рассматриваться как «мощный по-

мощник государственной торговли»¹ в осуществлении закупок сельскохозяйственных продуктов, продукции местных промыслов, товаров кустарного производства, а также в снабжении сельского хозяйства средствами производства, а крестьян — основными товарами потребления. Восстановление деятельности снабженческо-сбытовой кооперации явилось одной из важных мер оживления товарооборота.

Для изъятия у населения скопившихся за предыдущие годы денежных средств, а также из-за недостатка товарной массы в стране была введена коммерческая торговля. Цены в коммерческих торговых предприятиях примерно в 5 раз превышали государственные.

Одним из важнейших факторов, обусловивших постепенное оздоровление экономической жизни страны, явилось *возвращение к использованию в практике хозяйствования принципов материальной заинтересованности*, методов материального стимулирования. Китайская печать, предававшая в период «большого скачка» материальную заинтересованность анафеме, стала доказывать объективную необходимость использования социалистического принципа распределения по труду, материального стимулирования, отмечая, что распределение по труду есть объективный экономический закон социализма, действующий независимо от воли людей, который нельзя игнорировать, а, наоборот, необходимо познавать его, овладевать им и ставить на службу социалистического строительства².

В процессе «упорядочения» сельских народных коммун в них был в определенной мере восстановлен принцип распределения доходов по труду примерно в том виде, в каком это осуществлялось в сельскохозяйственных кооперативах высшего типа. Была также восстановлена система «трех обязательств и одного премирования» («саньбао ицзян»), являющаяся своеобразной формой групповой сдельщины³.

¹ «Цзянси жибао», 1962, 23 октября.

² «Жэньминь жибао» 1961, 12 апреля; «Дагун бао», 1961, 14 апреля; «Сычуань жибао», 1961, 18 января.

³ При этой системе производственная бригада берет на себя обязательства по производству определенного объема продукции при определенных затратах труда и денежных средств. В случае выполнения этих трех обязательств она получает установленную премию, которая распределяется между членами бригады.

Было установлено более правильное соотношение между накоплением и потреблением. Доля дохода, распределяемого между членами коммун, была повышена до 60%, а в отдельных коммунах и бригадах — до 70% валового дохода. В целях предоставления бригадам возможности повысить доходы крестьян от колхозного хозяйства ставка сельскохозяйственного налога с 15,5% в 1958 г. была снижена примерно до 7% в 1963 г.

Изменилось соотношение между «заработной платой»¹ и «бесплатным снабжением»². Большая часть фонда личного потребления, примерно 70%, стала распределяться в форме оплаты по трудоединицам (трудодням), а меньшая — 30% — в форме так называемого «бесплатного снабжения».

Повышение роли оплаты по трудоединицам, постепенное восстановление нормирования и учета труда, а также ограничение рамок так называемого «бесплатного снабжения» свидетельствовало о стремлении более полно осуществить требования закона распределения по труду, ликвидировать уравниловку. Однако в полной мере это так и не было сделано.

Основная часть «заработной платы» выдается в китайской деревне зерном, которое распределяется по нормам на едоков. Фактически по труду распределяются в основном лишь денежные доходы, которые составляют весьма незначительную долю доходов сельского работника. Сохранение «снабжения» (распределение по едокам) в известной мере было вынужденной мерой, имеющей целью обеспечить минимум потребностей беднейшей части крестьян, многосемейных и нетрудоспособных, составляющих примерно 20% сельского населения Китая. Конечно, утверждение о том, что такое «бесплатное снабжение» содержит «ростки коммунизма», не имеет никаких оснований хотя бы потому, что оно является не результатом изобилия продуктов, а следствием их крайнего недостатка и нищеты.

Принципы материального стимулирования получали в какой-то мере права гражданства и в промышленности. Уравниловка, повсеместно распространившаяся в

¹ Так в китайской печати называется та часть дохода, которую члены бригады получают по труду.

² Та часть дохода, которая распределяется между членами бригад по едокам.

период «большого скачка», стала, хотя и не всегда последовательно, изживаться. Повременная оплата дополнилась различными видами премий. Размеры надбавок нередко стали достигать 10—15% заработной платы. На предприятиях страны применялись повременная, сдельная, повременно-премиальная и сдельно-премиальная формы заработной платы¹. Была восстановлена тарифная система².

В известной мере менялся стиль хозяйственной работы и экономической жизни страны. В Китае стали говорить о том, что необходимо «учиться как на успехах, так и на ошибках», «в достижении поставленных целей исходить из объективных законов развития, учитывать реальные, а не воображаемые, благоприятные и неблагоприятные условия». В ряде статей говорилось о недопустимости субъективного определения курса работы в отрыве от конкретной обстановки³. Появились заявления о том, что необходимо постепенно развивать народное хозяйство, соблюдать планомерность, не прибегать к волевым действиям в отношении экономики и т. д. В докладе по случаю 40-летия компартии Китая в 1961 г. был снова поставлен вопрос о том, что для всестороннего подъема Китая необходим длительный период мирного развития народного хозяйства страны. «Жэньминь жибао» в передовой статье от 29 марта 1962 г., подчеркнув, что «нельзя одержать победы одним наскоком», призвала «заложить прочную основу, спокойно работать, постепенно идти вперед».

Большее значение, особенно в 1962 г., стало придаваться принципу демократического централизма в управлении экономикой. Наряду с сохранением определенной хозяйственной самостоятельности местных органов и предприятий упор был сделан на централизацию руководства экономикой, на усиление роли центральных, общегосударственных органов. «Социалистическая экономика — это плановая экономика. Она требует вы-

¹ «Жэньминь жибао», 1961, 28 октября.

² Различия в заработной плате работников в КНР определялись в какой-то мере разрядной системой. На заводе тяжелых станков в Ухани, например, заработка плата рабочих в соответствии с 8-разрядной системой составляла от 32 до 104 юаней, техников — от 53 до 100 юаней, инженеров — от 80 до 150 юаней, рядового административного персонала — от 30 до 150 юаней.

³ «Жэньминь жибао», 1961, 25 и 27 февраля.

ской централизации и единства», — писал журнал «Хунци»¹. «Необходимо еще лучше осуществлять демократический централизм и усиливать централизованное единое руководство, — отмечала «Жэньминь жибао». — Единое планирование и централизованное руководство — таковы характерные черты социалистического экономического строительства»².

Вопросы работы отдельных отраслей народного хозяйства стали обсуждаться на заседаниях Государственного совета КНР и Постоянного Комитета ВСНП. Практиковался метод проведения общегосударственных совещаний по отдельным отраслям экономики. Были ограничены права местных органов в области финансирования капитального строительства, запрещен самовольный прием предприятиями рабочей силы, несколько усилены права министерств и ведомств в планировании производства, кооперированных поставок и материально-технического снабжения.

В промышленности происходило восстановление разрушенной в период «большого скачка» системы управления производством на предприятиях, укрепление единоначалия, восстановление и укрепление элементов хозрасчета, всех качественных и технико-экономических показателей работы предприятий.

В 1964—1965 гг. несколько усилилось внимание к организационно-экономическим мероприятиям по улучшению управления и руководства народным хозяйством, которые нередко проводились под лозунгом «революционизации работы по руководству экономикой». Усилились поиски путей и методов повышения эффективности народного хозяйства. Был создан Госкомитет по капитальному строительству, принимались меры по единому распределению рабочей силы, ликвидации распыленности в снабжении строек материалами, началась организация низовой торговой сети по экономическим районам.

Кое-что делалось и в области восстановления планирования. В конце 1962 г. в ряде провинций задним числом были утверждены планы и бюджеты за 1960—1962 гг. Государственный план и бюджет на 1963 г. были

¹ «Хунци», 1962, № 3—4.

² «Жэньминь жибао», 1963, 1 января.

утверждены задним числом на четвертой сессии ВСНП в декабре 1963 г. Вместе с тем сессия рассмотрела план развития народного хозяйства и наметки государственного бюджета на 1964 г.

В течение 1964—1965 гг. проводилась серия мероприятий по перестройке системы управления и руководства экономикой. Всекитайское совещание по работе промышленности и транспорта, состоявшееся в начале 1965 г., приняло решение «осуществить революцию в отношении различных систем экономического управления». Намечалась, в частности, более гибкая система планирования и руководства народным хозяйством страны:

планирование сельского хозяйства, местного транспорта, школьного строительства, местной промышленности передавалось из ведения центральных органов (Госэкономсовета) в ведение провинций и крупных городов;

расширялись права провинций по руководству средними предприятиями машиностроения, химической и некоторых других отраслей промышленности.

укреплялось централизованное руководство крупными предприятиями металлургической, угольной, горнодобывающей промышленности, железнодорожным и водным транспортом.

В стране перестраивалась организация промышленного производства на основе специализации и кооперирования, упрощалась структура управленического аппарата на предприятиях, пересматривались технологические правила и распорядки.

В августе 1964 г. были приняты рекомендации относительно организации в опытном порядке трестов на предприятиях промышленности и транспорта. В соответствии с рекомендациями в Китае стали создаваться отраслевые тресты с подчинением министерствам и местные тресты, подчиненные провинциям и крупным городам. Всего было создано 12 всекитайских и 27 местных трестов, в том числе в машиностроительной, металлургической, химической, текстильной, угольной и легкой промышленности.

Тресты осуществляли единое административное, хозяйственно-экономическое и партийно-политическое руководство предприятиями. Каждый трест являлся хоз-

расчетной организацией, в которой были централизованы функции планирования, снабжения и сбыта входящих в него предприятий, вопросы финансирования, труда, проектирования. Однако за предприятиями, входящими в трест, была сохранена некоторая самостоятельность хозяйственной деятельности: 10% общей суммы премиальных фондов оставалось для использования на предприятиях, 5—10% объема и ассортимента продукции определяли сами предприятия. Китайская печать подчеркивала, что тресты создавали условия для того, чтобы сократить управленческий аппарат и обеспечить рентабельность предприятий, усилить конкретное руководство и планирование, осуществить научные принципы хозяйствования, развить специализацию и кооперирование производства, упорядочить разделение труда и обеспечить экономически обоснованное руководство¹.

В последние годы «урегулирования» стали вноситься существенные коррективы в «общий курс» экономической политики и курс «сельское хозяйство — основа». В декабре 1964 г. на сессии ВСНП впервые за годы после «большого скачка» было указано на необходимость «ускоренного развития тяжелой промышленности, и прежде всего ее базовых отраслей». Внимание к тяжелой промышленности заметно усилилось. «В настоящее время,— писал журнал «Цзянхань сюэбао»,— норма прибыли в отраслях легкой промышленности Китая выше, чем в тяжелой промышленности, однако легкая промышленность не может из-за этого заменить тяжелую промышленность и стать в центре строительства социалистической экономики»². Было осуществлено некоторое перераспределение капитальных вложений в пользу тяжелой промышленности, прежде всего сырьевых отраслей (горнодобывающая, угольная, нефтяная, металлургическая промышленность). В торгово-эконо-

¹ В Китае была начата работа по изучению опыта трестирования в капиталистических странах и создания специализированных фирм в Советском Союзе. Во Францию была направлена группа экономистов и техников, три другие группы направились в другие страны Европы, в том числе и социалистические. Было создано два института по изучению экономических и технических достижений Японии.

² «Цзянхань сюэбао», 1965, № 1, стр. 27.

мических отношениях с социалистическими странами КНР в 1964—1965 гг. увеличила закупку машин и оборудования. Вместе с тем Китай увеличил закупки в капиталистических странах комплектного оборудования для строительства промышленных предприятий. За период с сентября 1963 г. по 1965 г., по неполным данным, были заключены сделки на поставку из капиталистических стран Запада и Японии комплектного оборудования для 26—28 промышленных предприятий.

Состояние экономики страны показывало, что для подъема народного хозяйства страны необходимо развивать и модернизировать промышленность. Курс «сельское хозяйство — основа» не смог, как показала практика, обеспечить решение коренных проблем продвижения экономики страны вперед. Сельское хозяйство само требовало развития производства средств производства, так как ни существенное повышение урожайности, ни широкое освоение новых земель при имеющейся ограниченной производственно-технической базе не могло быть осуществлено.

Положение в народном хозяйстве. Проводимые в период «урегулирования» мероприятия, направленные на более полный учет требований экономических законов и конкретных условий сложившегося в стране положения, хотя они и не составили единой, целостной и последовательной программы, содействовали положительному сдвигам в экономике страны.

В промышленности в период «урегулирования» на первых порах наводился минимально необходимый порядок. Задача увеличения роста промышленного производства была фактически снята. Говорилось о том, что прежде всего необходимо «обеспечить простое воспроизводство, а лишь затем — расширенное, необходимо заниматься производством, а лишь затем — капитальным строительством». Чэнь Юнь на совещании в Бэйдайхэ в 1961 г. подчеркнул: «Нельзя устанавливать слишком напряженные показатели производства и строительства, при слишком большом напряжении нельзя восстановить силы. Что важнее, произвести больше миллионов стали или же восстановить порядок? Не надо гнаться за цифрами, порядок важней».

По мере выправления положения перед промышленностью была поставлена задача — «с учетом имею-

щихся возможностей в области сырья, материалов и рабочей силы осуществлять дальнейшее рациональное урегулирование, наращивать производственные мощности слабых звеньев»¹.

В последние годы «урегулирования» наметился известный поворот к улучшению положения в стране. Начался рост промышленного производства. Во-первых, восстановление принципов материальной заинтересованности, роли и места инженерно-технических кадров, наведение порядка на предприятиях, улучшение управления и руководства экономикой, смягчение продовольственных трудностей рабочих и т. п. привели к росту производительности труда в промышленности. Численность занятых в промышленности в период «урегулирования» практически не увеличилась и рост производства происходил в основном за счет повышения производительности труда по сравнению с кризисными годами. Во-вторых, улучшилась сырьевая база промышленности как за счет увеличения поставок сельскохозяйственного сырья, так и за счет некоторого укрепления и наращивания мощностей в таких отраслях промышленности, как химическая, нефтяная, горнорудная, угольная и частично текстильная. В-третьих, возможности для роста производства имелись в связи с резервами производственных мощностей в ряде отраслей промышленности, которые не использовались после провала «большого скачка» (в 1961—1962 гг. производственные мощности крупнейших в стране металлургических комбинатов и машиностроительных предприятий использовались, например, не более чем на 60—70%).

Общую картину развития промышленного производства в этот период показывает табл. 5.

Однако восстановление уровня промышленного производства происходило замедленными темпами — в 2—3 раза ниже фактических среднегодовых темпов прироста промышленного производства КНР в первой пятилетке (18%) и планируемых темпов на вторую пятилетку (15%). Максимальный уровень, достигнутый в предыдущие годы, в особенности с точки зрения производства на душу населения, не был восстановлен. Пер-

¹ Коммюнике X пленума ЦК КПК.—«Правда», 1962, 1 октября.

Таблица 5

**Оценка промышленности важнейших видов промышленной продукции в годы «регулирования»
(1961—1965 гг.)**

Единица измерения	Производственные мощности	1961 г.		1962 г.		1963 г.	1964 г.	1965 г.
		Фактические	Контрольные задания на конец второй пятилетки	Фактически	Контрольные задания на конец второй пятилетки			
Валовая продукция промышленности	млрд. юаней	—	90—95	—	94—98	98—103	105—110	120—123
Металлорежущие станки	тыс. шт.	55—60	25—30	60—65	25—30	30	30—35	38—40
Сталь	млн. т	14—16	8—9	12	8—9	8—9	9—10	11
Уголь	т	260—280	200—220	210	200—220	220	230	240
Нефть	т	—	4,5	5—6	6	6,5—7	7—7,5	10
Электроэнергия	млрд. квт·ч	60—65	30—33	40—43	35	40	45	50—60
Химические удобрения	млн. т	3—3,2	2	3,2	3	4,2	6,0	8,0
Хлопчатобумажная текстильная промышленность	млрд. м	7,5—8	3,5—4	10,4	3,5	4,3	4,5	6,5

спективные проблемы коренной технической реконструкции народного хозяйства, освоения и обновления основных фондов, развития базовых отраслей промышленности не получали необходимого решения. Номенклатура промышленных изделий претерпела изменения в сторону увеличения удельного веса простой продукции, в особенности это касается продукции, направляемой в деревню. С точки зрения технического уровня промышленность топтаясь на месте. Разрыв между Китаем и развитыми странами как по объему промышленной продукции, так и по качественным ее характеристикам увеличивался.

Положение в сельском хозяйстве постепенно, хотя и весьма медленно, выправлялось, в том числе и в зерновом производстве (табл. 6).

Таблица 6
Оценка валового сбора зерновых культур*
(в млн. т)

	1958 г. официаль- ные дан- ные	оценка	1959 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.	1964 г.	1965 г.
Валовой сбор зерно- вых**	250	200	168	160	167	180	180	182	180
в том числе:									
риса	114	105	80	77	80	81	80	82	85
пшеницы	29	24	24	22	16	20	22	23	21,5

* См.: «Фар истерн экономик ревью», 1964, № 11; 1965, № 156.

** Включая батат в пересчете на зерновые.

Однако уровень сельскохозяйственного производства был ниже плановых заданий, установленных на конец второй пятилетки (1962 г.) (табл. 7).

Восстановление объема производства зерновых культур за период 1960—1965 гг. со 160 до 185 млн. т произошло более медленно, чем соответствующий прирост производства в 1954—1957 гг.: если раньше на это потребовалось 3 года, то теперь — 4, хотя в сельском хозяйстве имелось больше рабочей силы, использовалось

Таблица 7

Показатели	Единица измерения	1962 г.		
		1957 г.	план вто- рой пяти- летки	оценка
Пахотная площадь	млн. га	111,8	117,7	106,7
Сбор зерна	млн. т	185	250	180
Сбор хлопка	»	1,64	2,4	1,00
Поголовье свиней	млн. голов	145,9	250	100

несколько больше техники, химических удобрений и т. д. Темпы роста продукции сельского хозяйства в КНР стали ниже среднемировых темпов роста сельскохозяйственного производства. Если принять за базу уровень производства 1952—1953 гг., то индекс роста сельскохозяйственного производства в мире в 1963 г. будет равен 126, а по Китаю — около 110; при исходном уровне производства 1956—1957 гг. индекс роста мирового сельскохозяйственного производства в 1963 г. также будет равен 126, а в Китае — около 90¹.

В области материального положения народа произошли некоторые положительные изменения. Сосредоточение усилий на развитии сельского хозяйства и некоторых отраслей легкой промышленности, поощрение кустарного производства, более широкое материальное стимулирование труда рабочих и крестьян, неплохие урожаи сельскохозяйственных культур в 1962—1965 гг. позволили в известной мере уменьшить напряженность в снабжении трудящихся основными продуктами питания и товарами широкого потребления. Несколько снизились цены сельского рынка и в коммерческой торговле, было отменено или ослаблено нормирование некоторых видов продуктов и товаров. В 1965 г. без карточек продавалась свинина, яйца, мыло, часть шерстяных тканей, было ослаблено нормирование на сигареты, чай, шерстяной трикотаж.

Однако материальное положение широких слоев населения оставалось еще трудным. многими видами продовольствия население снабжалось по жестким нормам.

¹ Monthly Bulletin of Statistics, 1964, № 11.

Согласно нормам годовое потребление продуктов на душу населения составляло: зернопродукты (включая батат) — 170—180 кг; мясо в 1963 г.— 4,0 кг (1957 г.— 8,7 кг); масло растительное в 1963 г.— 1,5—1,8 кг; в 1964 г.— 1,8 кг (1957 г.— 4,7 кг); сахар — в 1963 г.— 1,2 кг; в 1964 г.— 1,2—1,5 кг (1957 г.— 1,5 кг); сигареты в 1963 г.— 6—12 пачек в месяц, в 1964 г.— 7—14 пачек (1957 г.— 27,7 пачек в месяц). Все еще жестко нормировалась продажа хлопчатобумажных тканей и изделий из них. В 1963 г. было выдано талонов на хлопчатобумажные ткани в среднем по 2,6 м, в 1964 г.— по 2,6—4 м на человека, в 1965 г. нормы были увеличены на 1 м (1957 г.— 7,2—8 м в год).

В Китае продолжали осуществляться различные меры по сдерживанию роста потребления. В целях решения проблемы обеспечения растущего населения продовольствием проводились массовые кампании по предупреждению рождаемости, пропагандировалась стерилизация, был увеличен возраст бракосочетающихся: 25 лет для женщин и 30 лет для мужчин. Большой размах приобрела пропаганда самоограничения в личном потреблении под лозунгом борьбы против «буржуазного перерождения».

Средняя месячная заработная плата рабочих и служащих по существу не увеличилась, в то время как розничные цены на ряд продовольственных и промышленных товаров (например, в Пекине) возросли:

	(в юанях за кг; м)	
	1958 г.	1965 г.
Масло арахисовое, кг . . .	1,18	1,70
Свинина 1 сорт, кг	1,64	1,80
Сахарный песок, кг	1,46	1,72
Хлопчатобумажные ткани среднего качества, м . . .	1,29	1,74

Доходы крестьян в период «урегулирования» во многих районах несколько повысились. Это повышение произошло главным образом за счет развития приусадебного хозяйства крестьян и представляло некоторое улучшение лишь в сравнении с предшествующими тяжелыми годами. Согласно данным китайской печати, в некоторых лучших бригадах доходы крестьян достигали 100 юаней на человека в год. Фактически же в сред-

нем по стране они значительно ниже. В 1964 г. в показательном уезде Цися провинции Шаньдун весь среднегодовой доход на душу в семьях крестьян, например, составил 76,56 юаней. Из этой суммы натуральная часть доходов оценивалась в 45,56 юаня, денежная — 31 юань. В месяц на одну семью приходилось денежных доходов только 2,7 юаня.

Трудности в материальном положении населения КНР выражались не только в низком уровне доходов и нехватке основных видов продовольствия, товаров широкого потребления, но и в ограниченных возможностях для получения образования, неудовлетворительной организации медицинского обслуживания. В результате «большого скачка» было приостановлено развитие народного образования, здравоохранения, социального обеспечения.

Маоисты отстаивают свой курс. Отмеченные выше направления и тенденции экономической политики наносили удар по маоцзэдуновскому курсу и объективно вели к ослаблению экстремистских сил в китайском руководстве. Однако экстремисты не сложили оружия. Предоставив «вытаскивать телегу из грязи» другим, они упорно готовились к реваншу.

На международной арене маоисты развернули открытую клеветническую кампанию против социалистических стран и коммунистических партий, предприняли провокации с целью обострить международную обстановку. Они стремились отвлечь внимание партии и народа от внутренних трудностей.

Вместе с тем преследовалась и главная цель — создать условия для осуществления прежних гегемонистских замыслов.

Деятельность маоистов внутри страны была направлена прежде всего на нейтрализацию и пресечение попыток подправить их политический курс в развитии Китая. В ответ на некоторые реалистические меры по нормализации экономической жизни страны они решительно взяли курс на свертывание партийной и государственной демократии, на военизацию жизни общества и усиление роли армии, разжигание так называемой «классовой борьбы», националистических страсти, на еще большее раздувание культа Мао. С этой целью осуществлялись мероприятия по укрепле-

нию политического контроля над партией, кадрами государственного аппарата, армией, всеми слоями населения, по их идеологической обработке. В целом эти усилия должны были обеспечить внутренние условия для претворения в дальнейшем особого курса китайского руководства.

В декабре 1958 г. VI пленум ЦК КПК принял решение не выдвигать Мао Цзэ-дуна на пост Председателя КНР¹. Позиции маоистов ослабли. Однако, оставаясь на посту Председателя КПК, Мао Цзэ-дун продолжал неуклонно отстаивать свой политический курс. Когда на VIII пленуме ЦК КПК в 1959 г. министр обороны КНР Пэн Дэ-хуай выступил против политики «трех красных знамен», он был обвинен в «правом оппортунизме» и смещен. Линь Бяо, сменивший Пэн Дэ-хуая на посту министра обороны, сразу же выступил с призывами: «Творчески изучать и применять идеи Мао Цзэ-дуна», «Ставить политику на первое место». В духе этих призывов маоисты стремились влиять на экономическую жизнь страны и навязать в несколько подновленном виде основные принципы политики «трех красных знамен».

Особые усилия прилагались к тому, чтобы утвердить авторитет «идей Мао» в сфере экономики—там, где они особенно дискредитировали себя. С нарастающей интенсивностью рабочим и служащим, руководителям народного хозяйства внушали, что только следование «идеям Мао Цзэ-дуна» может привести к успехам в экономическом развитии страны: «Чтобы достигнуть в производстве нового уровня, мы непременно должны вооружиться идеями Мао Цзэ-дуна», «Высоко поднимать знамя идей Мао Цзэ-дуна, во всякой работе применять идеи Мао Цзэ-дуна как командную силу — в этом состоит главная движущая сила формирования хорошего положения в промышленности»².

На X пленуме ЦК КПК (1962 г.) был выдвинут тезис об «обострении классовой борьбы в стране по мере строительства социализма». В связи с жестоким

¹ Хунвэйбиновская печать сообщала, что в октябре 1966 г. Мао Цзэ-дун сказал: «Я был чрезвычайно неудовлетворен этим решением, но я ничего не смог сделать».

² Передовая «Жэньминь жибао», 1964, 9 февраля; «Хэйлунцзян жибао», 1964, 23 апреля.

провалом своего политического курса, нарастающей в стране оппозицией и активизацией здоровых сил Мао, видимо, считал необходимым, с одной стороны, дать «разъяснения» народу, свалив всю вину за этот провал на «внешних и внутренних классовых врагов», в том числе на Советский Союз, с другой стороны, попытался обосновать «обострение классовой борьбы» проведение крутых мер по подавлению оппозиционных тенденций в партии и народе. Вместе с тем «классовая борьба» в ее маоистском понимании изображалась как решающая сила экономического развития социалистического общества.

Конечно, серьезные экономические и политические неудачи КНР, обусловленные курсом маоистов, создавали условия для оживления классово чуждых элементов и известной их активизации. Однако размах и направленность «классовой борьбы» в Китае никак не укладывались в рамки указанного явления. «Чуждыми» в классовом отношении, «антисоциалистическими» элементами были объявлены все несогласные с установками Мао Цзэ-дуна люди, прежде всего те, кто ориентировался в экономическом строительстве на идеи научного коммунизма, использование опыта Советского Союза и других социалистических стран.

В стране была развернута сначала в деревне, а затем и на промышленных предприятиях массовая кампания за так называемое «социалистическое перевоспитание».

На практике она означала попытку провести всеобщую чистку, подавление неугодных лиц. Миллионы низовых кадровых работников были подвергнуты репрессиям. В ходе этого движения была поставлена задача «переучивания» на основе «идей Мао Цзэ-дуна» и «реорганизации революционных классовых рядов» во имя борьбы с «современным ревизионизмом». В деревне, на пятнадцатом году существования КНР, стали создаваться союзы бедняков и низших слоев середняков. На промышленных предприятиях идеино-политическая обработка рабочего класса в духе маоистских идей рассматривалась как «центральная задача», «основной вопрос» сохранения общественной природы государственных предприятий: «Если не осуществлять революционизацию на современном социалистическом предприятии, — грозила пропа-

Гайджай, — то появится опасность перерождения его природы»¹.

Решающую роль в осуществлении своих планов маоисты стали отводить армии. Факты показывают, что после провала «большого скачка» они стали вынашивать планы насаждения в Китае военно-бюрократической системы, организации всей жизни общества по армейскому образцу. Армия превращалась в главную опору и надежду.

Так как и в армии после «большого скачка» начались брожения, маоисты занялись организационной ее перестройкой и «идеологическим перевоспитанием» личного состава.

Начиная с 1960 г. в армии была проведена широкая чистка среди офицеров и генералов.

Утвердившись в армии, Мао Цзэ-дун и его группа решили перенести «армейский дух» на всю страну, заставить весь народ строить свою жизнь и деятельность по образцу солдат. Был выдвинут лозунг: «Вся страна должна учиться у Народно-освободительной армии». Это в полной мере было отнесено и к народному хозяйству. «Мао Цзэ-дун особо подчеркивал: во всех отраслях экономики, в промышленности, сельском хозяйстве, торговле должны изучать методы армии...»².

«Учеба у армии» рассматривалась как «новое содержание социалистического соревнования»³.

Чему должны были учиться у армии рабочие, крестьяне, интеллигенция? Опыту государственного руководства экономикой, методам и формам ведения социалистического строительства, богатым демократическим традициям? Нет, дело было не в этом. Стало фетишизироваться насилие, насаждаться порядки культа личности, чуждые природе диктатуры пролетариата и социализма. Внедрение военизированных, армейского образца порядков во всех сферах жизни в КНР явилось одной из основополагающих «идей Мао Цзэ-дуна». Эта идея воплотилась в формуле «весь народ — солдаты». От трудающихся требовали «выполнять приказы быстро, строго, не вступая в пререкания и не торгуясь, немедленно де-

¹ «Наньфан жибао», 1964, 4 марта.

² «Хунци», 1964, № 6.

³ «Жэньминь жибао», 1964, 1 февраля.

лать то, что требуют», чтобы «каждый работал много, а жил скромно»¹.

В государственном, партийном и хозяйственном аппарате создавалась разветвленная система политорганов. Она насаждалась по образцу и подобию политуправлений в армии. Кадры для этой системы были укомплектованы из военнослужащих. При министерствах и крупных ведомствах были организованы политуправления, в нижестоящих звеньях, вплоть до предприятий и народных коммун — политотделы, еще ниже назначались комиссары, политруки, политпропагандисты, которые действовали параллельно с партийными организациями. В коммунах также вводились должности политкомиссаров-армейцев.

В 1964 г. стали вновь возвращаться к идеи народного ополчения. В 1958 г. в ходе осуществления «большого скачка» эта идея осуществлялась путем создания массовой военизированной организации по производственно-территориальному принципу из рабочих, служащих, крестьян, учащихся, молодежи в целях превращения народного ополчения в «трудовые армии». Такие организации, по замыслам Мао, удобны тем, что они послушны, не требуют вознаграждения за труд, длительное время терпят лишения. Однако попытки широко осуществить эту идею в период «большого скачка» потерпели провал. В новых условиях ополченцы должны были явиться костяком проведения кампаний «классовой борьбы» в деревне, действовать в соответствии с установкой Мао Цзэ-дуна, «иметь в одной руке мотыгу, в другой — винтовку».

Вся деятельность ополчения строилась на основе изучения «идей Мао Цзэ-дуна» и «учебы у Народно-освободительной армии».

Усилия маоистов в период «урегулирования» были сосредоточены, таким образом, на подготовке и создании комплекса условий, которые бы обеспечили возможность навязать стране основные принципы экономической политики «трех знамен». В области идеологической насаждался культ Мао Цзэ-дуна, воспевались его «идеи»; в идеально-политической сфере искусственно создавалась обстановка «обострения классовой борьбы»; в организа-

¹ «Жэньминь жибао», 1964, 1 и 23 февраля.

ционно-политическом отношении оформлялись рычаги и силы, способные обеспечить реализацию маоистских устремлений, при этом главная роль отводилась армии.

Вместе с тем в период «урегулирования» осуществлялись мероприятия и непосредственно в области экономики, в социально-экономической сфере, которые по сути дела были направлены на реализацию маоистских принципов организации экономической жизни. Не будучи еще подготовленными развернуть широкую кампанию по «перестройке производственных отношений» в общегосударственном масштабе, маоисты обратились к низовым производственным коллективам.

В области промышленности на щит были подняты *нефтепромыслы Дацин*. Нефтепромыслы Дацин были построены в малообжитом месте на северо-востоке Китая, в довольно трудных условиях в начале 60-х годов. Это крупное предприятие, где занято 70—80 тыс. человек. Экономический аспект «опыта Дацина», который широко пропагандируется в Китае, по существу сводится к тому, что при создании современного промышленного предприятия государственные средства направляются сугубо на производственные цели, расходы на заработную плату сводятся к минимуму, расходы на социально-бытовые нужды практически отсутствуют. Рост производства обеспечивается за счет усиления напряженности труда, материальное стимулирование искореняется. Эта система предусматривает «достижение максимально высоких производственных показателей при рационально низкой заработной плате». Организация труда осуществляется здесь «по типу воинских подразделений». При этом члены семей «хорошо организуются» и включаются в «трудовую армию». Промышленное предприятие строится по принципу «сочетания города и деревни, промышленности и сельского хозяйства», создается «промышленно-сельскохозяйственная деревня». На деле это означает снижение жизненного уровня рабочих до уровня крестьян, возникновение замкнутого хозяйства на основах «самообеспечения», в котором 95% членов семей работают на полях, рабочие и их семьи находятся на подножном корму, вводится «система труда: мужчины занимаются промышленностью, а женщины — сельским хозяйством», жилища строятся силами все тех же рабочих и членов семей из глины и соломы.

В политическом отношении опыт Дацина изображается как «путь индустриализации Китая в опоре на собственные силы»¹. Предпринимается попытка доказать, что создание новых отраслей промышленности, индустриализация страны не только возможны без экономической и технической помощи Советского Союза и других социалистических стран, но отныне «правильным путем индустриализации» будет развитие промышленности в условиях борьбы с Советским Союзом.

По сути дела, создание Дацина не может служить примером «опоры на собственные силы». Во-первых, нефтяные поля здесь исследовались с помощью специалистов из социалистических стран. Во-вторых, при создании Дацина использовались технические средства и опыт, переданные Китаю в предыдущие годы Советским Союзом и социалистическими странами при создании в стране нефтяной промышленности. В-третьих, часть кадровых работников Дацина проходила обучение у специалистов из социалистических стран на заводах, построенных с помощью социалистических стран.

В сельском хозяйстве в качестве нового образца стала пропагандироваться производственная *бригада Дачжай* народной коммуны того же названия в горном уезде Сиан провинции Шаньси. Это небольшой производственный коллектив — около 130 трудоспособных. В бригаде около 80 дворов, 360 человек населения. Пахотная площадь составляет примерно 55 га. Поля бригады созданы на склонах гор. 60—80 рабочих дней в году крестьянин здесь затрачивает на тяжелые земляные работы. Основное направление хозяйства — зерновое производство. Более половины сбора зерна — до 60% — сдается государству. Доходы члена бригады, включая выплаты натурой и поступления из общественных фондов, составляли в 1964—1965 гг. мизерную сумму — 9—10 юаней в месяц. Никакой помощи от государства (машин и средств) бригада не получает. Расходы на культурные и социальные нужды здесь близки к нулю.

Ведение дел в Дачжае выдается за образец, которому должны следовать все сельскохозяйственные предприятия страны, это «путь, по которому должны идти все

¹ «Жэньминь жибао», 1966, 2 января.

крестьяне страны». «Знамя Дацжая, подчеркивается в китайской пропаганде, водружено лично председателем Мао».

Особенно пропагандируются «принципы Дацжая»: «Как можно больше сдавать государству, как можно меньше оставлять на питание»; «Решительно проводить в жизнь линию «три не просить»: не просить у государства денег, зерна, материалов».

Таким образом, существование опыта Дацжая состоит в том, что сельскохозяйственные предприятия, направляя государству максимум отчислений, должны развивать производство без каких-либо государственных затрат в деревне. Полный отказ от принципов материальной заинтересованности и экономического стимулирования, низкий уровень доходов при крайней интенсификации труда составляют одну из главных черт опыта Дацжая. Производственные бригады в связи с этим ориентируются на интенсификацию физического труда крестьян без применения машин при сохранении низкого жизненного уровня крестьян, путем так называемого «самообеспечения в соответствии с курсом опоры на собственные силы», т. е. натурализации и экономической обособленности хозяйства.

В годы «урегулирования» в народное хозяйство вновь стала внедряться *система труда и «рабочий и крестьянин»*. При этой системе промышленные предприятия по договорам с коммунами набирают крестьян в качестве временных (на срок 3—5—7 лет) или сезонных рабочих или на подрядных началах для выполнения разовых работ, а постоянных рабочих обязывают заниматься сельскохозяйственным трудом после основной работы. Эта система труда стала возобновляться с 1964 г. примерно в 30 отраслях народного хозяйства КНР, в особенности в горнорудной и лесной промышленности, на строительстве, на предприятиях по обработке сельскохозяйственного сырья, а также в текстильной промышленности, на транспорте, в сельской торговле, в учреждениях связи¹. В некоторых местах она начала внедряться довольно широко. В провинции Шаньси на 100 текстильных предприятиях более 80% рабочих и служащих составляли пришедшие из деревни временные

¹ «Жэньминь жибао», 1965, 28 декабря.

работники; в провинции Гуандун на фабриках и заводах имелось более 50 тыс., в торговле и финансах — более 30 тыс. рабочих, пришедших из деревни¹.

Положение «рабочих-крестьян» из деревни существенно отличается от положения постоянных рабочих: их заработка плата, доходы значительно ниже, чем у постоянных рабочих на тех же работах; члены семьи этих рабочих остаются в деревне, запрещено привозить их в город; часть получаемой ими заработной платы отчисляется в общественный фонд тех коммун, которые направили крестьян на завод (в ряде случаев предприятие совсем не выплачивает временным рабочим из деревни заработной платы, расплачиваясь с коммуной отходами производства); они используются на тяжелых, вредных для здоровья, неквалифицированных видах работ; по истечении срока договора «рабочие-крестьяне» обязаны вернуться в свою коммуну, а их место занимают новые крестьяне.

Система труда «и рабочий и крестьянин» не только ведет к снижению заработной платы занятых в промышленности (труд этих рабочих оплачивается примерно в 2 раза ниже), но и к расслоению рабочего класса, росту противоречий между различными его слоями. Эта система задумана как регулярное «вливание свежей крови» в трудоемкие отрасли промышленности; она должна обеспечить в течение нескольких лет использование труда молодых людей, а когда они обессилят, направлять их обратно в деревню для обмена на «молодых крестьян с сильным и крепким здоровьем».

Особым нападкам маоистов, в особенности в последние годы «урегулирования», стали подвергаться социалистические принципы распределения и материальное стимулирование.

Газета «Гунжэнь жибао», выступая против материального стимулирования, призывала «в производстве добиваться высокого уровня, в жизни — придерживаться низкого уровня; лишения — это счастье». Осуждение материального стимулирования находило место и в решениях партийных органов. Расширенный пленум Нинся-Хуэйского комитета КПК отмечал в своем ре-

¹ «Дагун бао», 1966, 18 августа; «Наньфан жибао», 1966, 5 августа.

шёлкин: «Ни в коем случае нельзя заниматься материальным стимулированием...»¹.

В духе подобных установок велась подготовка к наступлению на жизненный уровень народа, едва начавший повышаться в результате мероприятий «урегулирования». В передовой статье журнала «Лаодун» («Груд») прямо указывалось: «Что касается уровня заработной платы, то необходимо твердо осуществлять систему целесообразно низкой заработной платы». Происходило сокращение средств, идущих на премирование, путем пересмотра премиальной системы стала упраздняться разница в оплате труда. Премия превращалась в значительной мере в плату за политическую благонадежность: указывалось, что при выдвижении на премию необходимо «смотреть, сочетает ли рабочий и служащий идеи Мао Цзэ-дуна со своей практикой», «считать политическую оценку главной», «всесторонне проверять каждого рабочего и служащего»².

Одним из основных идеологических и теоретических обоснований экономического курса и политики явилась теория «опоры на собственные силы», которая начала широко пропагандироваться в Китае в период «урегулирования».

Теория «опоры на собственные силы» трактовала соотношение «внутренних» и «внешних» факторов в экономическом строительстве в двух аспектах: с точки зрения экономического строительства внутри страны и с точки зрения политического направления в развитии внешнеэкономических связей.

С точки зрения внутренней направленности требования курса «опоры на собственные силы» сводились к тому, чтобы в максимально возможной степени аккумулировать в руках государства прибавочный продукт, использовать его для централизованных накоплений, прежде всего на производственные цели (в значительной мере на военные цели), а обеспечение трудящихся предметами потребления, обеспечение их общеобразовательных, социальных, культурных запросов, удовлетворение местных нужд и потребностей осуществлять «в опоре на

¹ «Гунжэнъ жибао», 1966, 7 января; «Нинся жибао», 1966, 21 февраля.

² См. «Лаодун», 1966, № 1; 1965, № 12.

собственные силы». Примером этого курса и служили Дацин и Дачжай.

С точки зрения внешнеполитической курс «опоры на собственные силы» имел несколько другой смысл. Китайские идеологи сначала выступили с тезисами о необходимости создания в стране самостоятельной целостной системы хозяйства: о главенстве внутренних, «собственных» сил перед внешними; о важности «самообеспечиваемости» в развитии народного хозяйства страны и т. п.

Вряд ли можно отрицать необходимость создания в Китае целостной системы хозяйства. Советский Союз активно содействовал Китаю в создании разветвленной структуры экономики. В результате в КНР были достигнуты значительные результаты в создании первоначальной основы современной промышленности. Только за период 1952—1959 гг. полностью или частично было введено в эксплуатацию более 1800 крупных (сверхлимитных) промышленных предприятий. В период 1950—1959 гг. в КНР с помощью Советского Союза и других социалистических стран было построено более 250 крупных объектов, отдельных цехов и установок, составивших костяк современного промышленного потенциала Китая¹. Китай при помощи социалистических стран получил возможность самостоятельно проектировать и строить собственными техническими силами важные строительные объекты, такие, как современные угольные шахты мощностью 1 млн. т угля в год, металлургические комбинаты годовой мощностью 1,5 млн. т стали, предприятия по производству химических удобрений годовой мощностью 25 тыс. т синтетического аммиака, предприятия тяжелого машиностроения, электростанции мощностью 650 тыс. квт и многие другие предприятия. Кстати сказать, годы, когда в Китае больше всего говорили «об опоре на собственные силы», не добавили (если не считать атомной бомбы) ничего существенного к тому, что было достигнуто ранее с помощью социалистических стран.

Вряд ли можно отрицать в принципе и справедливость тезиса об опоре на собственные силы как основ-

¹ Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., «Наука», 1968, стр. 201.

ном факторе строительства страны. Именно Советский Союз первым в мире продемонстрировал действенность этого положения для строительства социализма в условиях, когда наша страна была по сути единственной страной, строящей новое общество.

Вызывает недоумение тезис о «самообеспечиваемости», который зовет к созданию национально-ограниченной, замкнутой, автаркической экономической системы, что в условиях современного мирового хозяйства, существования мировой социалистической системы выглядит реакционным анахронизмом. Этот тезис опровергается ходом экономического развития самого Китая. Практика экономического строительства Китая показала, что роль внешней помощи для КНР была весьма существенна. В первой пятилетке почти половина капиталовложений в промышленности падала на долю предприятий, сооружаемых с помощью Советского Союза. Импорт машин и оборудования в общем их потреблении в стране в годы первой пятилетки составил около 40 %. Низкий экономический уровень развития страны, нехватка материальных, финансовых ресурсов и опытных кадров обусловили особую значимость помощи социалистических стран для строительства материальной базы социализма в Китае.

Однако не эти стороны курса «опоры на собственные силы» составили его «изюминку». Следует подчеркнуть, что главное в теории «опоры на собственные силы» с внешнеполитической точки зрения состоит прежде всего в том, чтобы опорочить помощь Советского Союза в создании в Китае базы современной экономики, обосновать отход Китая от экономического сотрудничества с социалистическими странами и под шумок о «самообеспечиваемости» осуществить коренную переориентировку внешнеэкономических связей страны на капиталистический рынок. В самом деле, факты говорят о том, что сокращения экономического оборота КНР с внешним миром не произошло: в 1959 г. и в 1966 г. он был примерно одинаков — соответственно 3,7 и 3,9 млрд. рублей. Однако, если в 1959 г. доля социалистических стран составляла сколько 70 % внешнеторгового оборота КНР, то в 1966 г. она упала до 27 % и соответственно возросла доля капиталистических стран. Во внешнеэкономической политике КНР после 1960 г. происходит крутой поворот.

Она начинает быстро переориентировываться на международный капиталистический рынок. Внешнеторговый оборот КНР с Советским Союзом за 1959—1966 гг. сократился более чем в пять раз. За 1961—1966 гг. товарооборот Китая со странами социализма сократился более чем в 2,2 раза; практически прекратились поставки комплектного оборудования. Торговля с капиталистическими государствами возросла в 2,3 раза, в том числе с Японией в 10 раз, с ФРГ, Италией, Францией — более чем в 2 раза. На капиталистическом рынке Китай стал закупать предприятия и промышленные объекты.

Новые маоистские «опыты», в том числе и те, которые непосредственно касались экономики, встречали настороженность у трудящихся и хозяйственников, многих руководителей китайской экономики, которые противились указаниям о том, чтобы «в промышленности изучали опыт Дацина, в сельском хозяйстве — опыт Дачжая», чтобы «вся страна училась у Народно-освободительной армии». Весьма показательно, например, что на совещаниях по вопросам промышленности и транспорта в 1965 г. не упоминалось об изучении опыта Дацина, а, наоборот, в противовес Дацину пропагандировался опыт управления промышленностью в г. Цицикаре, которое было построено по образцу советских предприятий. С большим сомнением относился к «опыту Дачжая» руководитель сельского хозяйства Китая Тань Чжэньлинь¹. Он спрашивал: «Если, как это делается в Дачжае, работать более чем по 10 часов в день, и так изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год, предполагая, что так будет все десять тысяч лет, то можно ли убедить людей в том, что Дачжай имеет какие-то важные преимущества?»

Последние годы «урегулирования» были наполнены довольно острой, хотя нередко и скрытой, борьбой и нарастанием конфликта между различными группировками в китайском руководстве. Шла борьба различных линий в экономическом строительстве, за руководство народным хозяйством. Борьба выплескивалась и на страницы печати. Многие статьи того времени говорят о

¹ До «культурной революции» — заместитель премьера Госсовета КНР, начальник Канцелярии сельского хозяйства и лесоводства, заместитель председателя Государственного планового комитета,

рукопашных схватках. Одни статьи настаивали на приоритете «политики и идей Мао», требовали новых «скачков», «освобождения мышления, уничтожения предрасудков, разрушения рамок». Другие требовали «преследовать реальные, а не воображаемые цели», «действовать в соответствии с объективой реальностью, а не на основании субъективных желаний», «добиваться роста производства не слепо, а на основе роста производительности труда, улучшения управления производством, применения передовой техники»¹.

Практические попытки перевести развитие народного хозяйства на путь «массового движения» встретили довольно определенный отпор. Как известно, в начале 1965 г. в Китае была сделана попытка осуществить путем штурмовщины «скакок», были выдвинуты чрезмерно высокие, дополнительные к основному плану задания, раздались призывы «резко увеличить объем производства» путем продления рабочих смен, «штурма», «битвы» и т. п. В итоге появились, как признала китайская печать, «некоторые ростки»: «на предприятиях делали упор на простую физическую силу, на тяжелый труд, в результате возросло количество заболеваний», «на некоторых предприятиях ухудшилось состояние оборудования, уход за машинами был ослаблен, возросло количество аварий, снизилось качество продукции, увеличился брак», «возникли беспорядки в процессе производства», «перерывы в обеспечении сырьем и материалами»².

Все это были весьма знакомые китайским трудящимся явления — спутники «большого скачка». На этот раз их удалось остановить.

В газете «Жэньминь жибао» весной и летом 1965 г. был опубликован ряд передовых статей, которые потребовали «сохранять научный, трезвый подход», «усилить руководство массовым движением», «соблюдать производственный порядок», «технику безопасности» и т. п. Указывалось на то, что « злоупотребление революционным энтузиазмом масс, произвольное увеличение рабочего времени — это растрата энтузиазма и энергии масс», что главным методом развития экономики страны должно быть не перенапряжение масс, а повышение

¹ «Жэньминь жибао», 1965, 25 февраля.

² «Чжунг фанчжи», 1965, № 7.

мастерства рабочих и служащих, «техническое новаторство и техническая революция».

Группа более реально мыслящих деятелей в руководстве КПК, недовольных авантюризмом в политике и экономике, попыталась совместными усилиями оказать противодействие маоистскому курсу, что привело к возникновению острой внутрипартийной борьбы. Маоисты не могли уже рассчитывать на то, что партия и основные слои трудящихся КНР поддержат их авантюристический курс. Они прибегли к насилию, к прямой расправе со всеми недовольными и сомневающимися в правильности их политики.

«Культурная революция»

Китайское руководство первоначально намечало осуществить «урегулирование» экономики в короткие сроки. «Можно предвидеть, — писал журнал «Хунци» в 1961 г., — что через 2—3 года промышленность на новой основе развития обязательно еще более окрепнет, еще более пополнится и, безусловно, возникнет еще больший скачок»¹.

Однако положение в экономике было настолько тяжелым, трудовой активности населения был нанесен такой удар, борьба в китайском руководстве оказалась настолько сложной и острой, что период «урегулирования» вместо 2—3 лет затянулся до 5—6.

Мероприятия, проводившиеся в период «урегулирования», хотя и не решили ни одной из крупных проблем экономического развития страны, однако позволили несколько выправить положение, сократить диспропорции, возникшие в период «большого скачка», более полно загрузить предприятия, обеспечить минимально необходимое количество продуктов питания для населения, улучшить снабжение промышленности сырьем, несколько оживить товарооборот, обеспечить рост производства. Эти достижения были положительно встречены трудящимися Китая, которые начали ощущать на себе их результаты.

¹ «Хунци», 1961, № 3—4.

«Урегулирование» в основном было завершено к 1966 г., хотя по ряду ведущих отраслей промышленности и сельского хозяйства максимальный уровень производства, объявленный в 1958—1959 гг., так и не удалось восстановить. Не были в целом достигнуты и плановые показатели второй пятилетки, установленные на 1962 г. Появились сообщения о разработке третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства (1966—1970 гг.). Однако этот план не был утвержден, планы на 1966—1968 гг. государственными органами также не утверждались. «Культурная революция» сорвала ход экономического развития Китая.

Назревавший в стране политический кризис, в основе которого лежит несоответствие антимарксистского курса правящей верхушки объективным потребностям социалистического развития Китая, вылился в 1966 г. в так называемую «культурную революцию». Мао Цзэ-дун и его окружение предприняли новую попытку приспособить организацию всей жизни общества для осуществления своих авантюристических гегемонистских целей, потребовав «разбить старую идеологию», «преобразовать надстройку» и организовать экономическую жизнь в соответствии с принципами политики «большого скачка» и «коммунизации».

Вопрос о путях и методах экономического развития страны явился одной из первопричин «культурной революции». Годы, прошедшие с тех пор, когда китайские лидеры решили в угоду своим гегемонистским целям повести Китай особым путем, со всей очевидностью показали порочность так называемых «новых и новейших» курсов. Наиболее сознательные слои общества, в первую очередь партийные и государственные кадры, ответственные за руководство хозяйственной жизнью страны, не могли не испытывать растущей тревоги за положение дел, не понимать, что движение страны по путям авантюристического курса способно лишь завести Китай в тупик. Против этих сил и направили свой основной удар китайские экстремисты.

«Культурная революция» была начата маоистами в тот момент, когда перед страной, завершившей в основном «урегулирование» народного хозяйства и вступавшей в третью пятилетку, встали задачи определения программы и линии дальнейшего развития Китая. Раз-

вернувшаяся по этому вопросу борьба вновь обнажила те позиции, исходя из которых маоисты намереваются формировать экономическую политику, вновь проявился ряд черт их экономической стратегии и тактики.

Маоистами было провозглашено, что «культурная революция» направлена против «буржуазной черной линии» в области экономики, против «реставрации капитализма, в защиту чистоты идей Мао Цзэ-дуна». Против чего же фактически борются маоисты, что они отвергают? Что они отстаивают, какую программу экономической политики предлагают?

Борьба против «черной линии». В области экономики, экономической политики «культурная революция» началась кампанией так называемой «критики экономических авторитетов», которая первоначально проявилась в нападках на директора Института экономики АН КНР, бывшего начальника Государственного статистического управления КНР Сунь Е-фана. Фактически его имя явилось лишь символом для нападок на систему взглядов, которые, как признала китайская печать, «имеют влияние не только среди экономистов-ученых, но и работников государственных экономических учреждений и предприятий»¹.

Китайская печать опубликовала серию выдержек из работ и выступлений китайских ученых и практиков, сделанных в разное время в связи с критикой, проводимой маоистами экономической политики, по которым можно в какой-то мере судить об общей направленности взглядов этого слоя экономистов и работников². Они весьма неодобрительно отзывались

¹ «Гунжэнь жибао», 1966, 18 августа. Наряду с партийными деятелями—руководителями китайской экономики разносной критике и гонениям как «представители черной линии в области экономики» подверглись многие известные экономисты, ученые и практики: Сюй Ди-синь — начальник Центрального административного промышленно-торгового управления; Ло Гэн-мо — заместитель председателя Госплана КНР, руководитель отдела политэкономии Института экономики; Сюэ Му-цяо — заместитель председателя Госплана КНР, председатель Комитета по ценам; Цинь Лю-фан — редактор журнала «Экономические исследования»; Цзян Цзюнь-чэн — директор института мировой экономики; Юй Гуань-юань — заместитель председателя научно-технического комитета и многие другие.

² В данном случае трудно говорить о всех позициях Сунь Е-фана. Нельзя исключить, что у него были высказывания и предложения, с которыми можно спорить.

об основных установках маоизма в области экономической политики и довольно точно определили его общую концепцию, отмечая, что ей присущи «мелкобуржуазные традиции» и «традиционный догматизм»¹. Они называли лозунг «политика — командная сила» идеализмом, говорили, что так называемые «линия масс» и «политика — командная сила» «заменили объективные экономические законы». С сарказмом отмечая «болтовню о непрерывной революции», они критиковали генеральную линию маоистов («потерпела поражение»), «большой скачок» («вызвал беспорядок и диспропорции»), народные коммуны («продукт субъективного идеализма»), отмечали, что маоисты «превратили производственные отношения в бессодержательную вещь», «крайне упрощенно относились к законам социалистического строительства, допустили ошибки волюнтаризма»². Они подвергали критике «массовые движения», штурмовщину, бюрократически приказной стиль и другие проповедуемые маоистами методы ведения дел в экономике, прямо вытекающие из принципа «политика — командная сила»³.

Признавая, что в Китае «теоретический уровень еще очень отсталый», эти экономисты и практические работники призывали «учиться у экономической науки Советского Союза», учить советский опыт, практику хозяйственного строительства в социалистических странах. Они отмечали, что в Китае в области экономической теории и в хозяйственной практике «идеология самообеспечения», «мировоззрение натурального хозяйства занимает господствующее место», управление экономикой строится нередко по принципу «хозяйства феодального поместья», «первобытной общины»⁴.

В связи с этим они предлагали перенести центр тяжести работы в экономике из области «произ-

¹ «Гунжэнь жибао», 1966, 18 августа.

² «Жэньминь жибао», 1966, 8, 9, 10 августа; «Дагун бао», 1966, 8 и 9 августа; «Гунжэнь жибао», 1966, 8, 12, 18 августа.

³ Такие методы руководства они характеризовали следующим образом: «Начинают развертываться (поднимать движение) — возникает беспорядок; обнаружат беспорядок — начинают регулировать; начинают регулировать — все умирает; доведут до точки — начинаются призывы; взывают — опять поднимают движение» и т. д. («Гунжэнь жибао», 1966, 12 августа).

⁴ «Гунжэнь жибао», 1966, 8 августа; «Хунци», 1966, № 10; «Дагун бао», 1966, 8 августа.

властивенных отношений» в сферу производительных сил. Не без оснований считая, что важнейшей задачей, стоящей перед страной, является подъем материально-технического уровня, модернизация народного хозяйства, и полагая, что эту задачу нельзя решить лишь «революционизацией», «пролетаризацией», политическими движениями, они призывали считать «основными факторами повышения производительности труда прогресс техники и модернизацию орудий»¹. Выступая против субъективизма в руководстве экономикой, они предлагали строить экономическую работу на основе научных расчетов, с максимальным учетом экономической эффективности, при определении направлений и объемов капиталовложений проводить «экономическое сравнение», принимать во внимание рентабельность капиталовложений². Если, говорил, например, Сунь Е-фан, не считаться с затратами, то «соевый творог будет стоить как мясо»³. Он предлагал считать «красной линией» экономической работы принцип: «С наименьшими затратами общественного труда в плановом порядке производить наибольшее количество продукции для удовлетворения общественных потребностей».

Предложения этой группы ученых и практиков по ликвидации недостатков экономической политики и руководства народным хозяйством в значительной мере являлись призывом к более широкому использованию экономических рычагов, к дополнению административных методов руководства экономическими. Они предлагали, в частности:

активнее использовать закон стоимости, развивать в стране товарно-денежные отношения. Этот процесс они связывали с необходимостью приближения цен к стоимости, в том числе цен на закупаемую государством сельскохозяйственную продукцию. Они предлагали получать из деревни часть сельскохозяйственной продукции в виде прямого налога, а остальную — закупать⁴; «поднять роль прибыли в системе планово-экономического управления», преодолеть настроения, когда «неко-

¹ «Гунжэнь жибао», 1966, 12 августа.

² «Жэньминь жибао», 1966, 12 августа. «Дагун бао», 1966, 8 августа.

³ «Гунжэнь жибао», 1966, 8 августа.

⁴ «Дагун бао», 1966, 8 августа.

торые боятся прибыли, как черт ладана», усилить роль прибыли для стимулирования работы предприятия и использовать ее как один из комплексных показателей хозяйственной деятельности предприятия¹;

предоставить больше самостоятельности промышленным предприятиям, в области снабженческо-сбытовых связей использовать систему прямых договоров между предприятиями с утверждением их государственными органами²;

шире использовать материальное стимулирование работников, «выступать против уравниловки», «укреплять распределение по труду».

Все эти положения, заявляют маоисты, «коренным образом противоречат идеям Мао Цзэ-дуна». Маоисты требуют развивать экономику исходя из принципа «политика — командная сила», на основе «революционизации духа», путем «непрерывной революции». Маоистская пропаганда резко противопоставляет рынок плану, закон стоимости — закону планомерного, пропорционального развития, использование стоимостных рычагов — административному управлению, призывает «строго ограничивать закон стоимости», подчеркивает враждебное отношение к экономическому анализу и использованию экономических рычагов.

Большое место в политической платформе маоистов в период «культурной революции» заняла также борьба против так называемого «экономизма».

В широком плане под «экономизмом» китайская пропаганда подразумевает экономическую политику в целом, принципы экономического строительства и методы ведения хозяйства, которые, по словам китайских пропагандистов, хотели ввести в Китае «контрреволюционные ревизионистские элементы» — Лю Шао-ци, Дян Сяо-пин, Чэнь Юнь, Бо И-бо и др. К эпитетам, характеризующим деятельность этих политических деятелей, был добавлен и эпитет «реакционных экономистов». При этом китайская пропаганда искусственно переносит определение и критику классиками марксизма-ленинизма «экономизма» как разновидности оппортунизма, возникшего в рабочем

¹ «Дагун бао», 1966, 8, 11 августа.

² «Жэньминь жибао», 1966, 14 августа.

движении в период, предшествующий революции в России, на ситуацию, сложившуюся в Китае. Она пытается заклеймить тех, кто ставит вопрос о необходимости сконцентрировать усилия партии и народа на экономическом строительстве, о необходимости использовать экономические методы руководства народным хозяйством и повышать условия жизни народа. Маоисты хотят доказать, что в Китае даже постановка таких вопросов является реакционной. В этой связи китайская пропаганда характеризует как «экономизм» экономическую политику Советского Союза, прослеживая некую линию от «благодействия феодальных эксплуататоров» до «социального обеспечения» при капитализме, от «ревизионистского материального стимулирования» до «экономизма» в нынешнем Китае¹. Китайская печать буквально ополчилась против стремлений подходить к решению экономических проблем с точки зрения требований экономических законов, провозгласив, что «разглагольствования о так называемой организации общественной жизни и развитии производительных сил — это мошеннические трюки», что «управление экономикой экономическими методами — это контрреволюционная теория». К числу «контрреволюционных методов» «Жэньминь жибао» отнесла, например, использование прибыли как стимулирующего и комплексного показателя деятельности предприятия, материальное стимулирование работников, а также систему единогласия в управлении предприятиями со стороны специалистов, инженеров и техников².

В более узком плане борьба против «экономизма» явила фактически наступлением на жизненный уровень китайских трудящихся. Как «экономизм» были заклеймлены конкретные требования трудящихся улучшить жилищные условия, восстановить уровень заработной платы, возобновить существовавшую прежде выплату премий, пособий и т. п., а также требования крестьян поднять нормы зерна на питание. Китайские руководители считают контрреволюционной саму постановку всех этих вопросов, требуют «немедленно прекратить такого рода широкое стремление к экономизму»³.

¹ «Дунфанхун», 1967, 16 января.

² «Хунци», 1967, № 11; «Жэньминь жибао», 1968, 24 марта.

³ «Дунфанхун», 1967, 16 января.

«Культурная революция» затронула коренные проблемы экономической политики китайского руководства. По существу маоисты развернули борьбу против прогрессивных тенденций в экономической науке, в ходе которой наносится удар и подрываются позиции тех, кто пытается более здраво, с большим учетом объективных экономических законов, потребностей развития народного хозяйства Китая, с учетом опыта других социалистических стран формировать экономическую политику и вести хозяйственную работу в стране с упором на развитие материально-технической базы, с учетом экономической эффективности народнохозяйственных мероприятий. Дискредитируют тех экономистов, которые видят пороки маоистской экономической политики и критически относятся к линии Мао Цзэ-дуна в области экономического развития страны. Ведется борьба за полную унификацию экономической теории, за превращение экономической науки в пропагандистскую служанку «идей Мао Цзэ-дуна».

Политическая направленность этой борьбы маоистов заключается прежде всего в том, чтобы отстоять свой экономический курс, пресечь любые попытки изучения и использования в Китае опыта социалистического строительства, в том числе опыта хозяйственных реформ, осуществляемых в Советском Союзе и других социалистических странах. Призывы учитывать этот опыт расцениваются маоистами как самая опасная крамола, как «национальный позор»¹.

Вдохновители «культурной революции» отождествляют экономическую платформу оппозиции с экономической политикой, осуществляющейся в Советском Союзе и других социалистических странах. Бряд ли это отождествление правомерно. Однако оно показывает, что, борясь против оппозиции, маоисты преследуют главную цель — устранить тех, кто по существу выступает за то, чтобы экономическое строительство в Китае велось в соответствии с экономическими законами социализма, с использованием как материальных, так и моральных стимулов развития производства, сочетая мобилизацию внутренних сил и резервов своей страны с развитием сотрудничества со странами мировой социалистической

¹ «Дагун бао», 1966, 9 августа.

системы, устремить тех, кто выступает против подчинения экономического развития страны лишь интересам форсированного создания военно-экономического потенциала и стоит за более равномерное и пропорциональное развитие всех отраслей народного хозяйства, за проведение политики социалистической индустриализации страны и механизации сельского хозяйства, за повышение материального и культурного уровня жизни народа. Именно такая линия в экономическом строительстве отвергается и квалифицируется как «ревизионистская».

Маоистская «альтернатива». В коммюнике XI пленума ЦК КПК, состоявшегося в августе 1966 г., маоисты вновь подняли на щит «три красных знамени» («генеральную линию, большой скачок, народные коммуны»). В области экономики критика оппозиции в основном и шла по линии защиты и оправдания политики «трех красных знамен», представителей оппозиции обвиняли в том, что они «бешено выступали» против этой политики. В коммюнике XI пленума говорилось о том, что в Китае «складывается обстановка нового всестороннего скачка». На пленуме получил одобрение ряд «основополагающих установок», выдвинутых Мао Цзэ-дуном в последние годы, — тех, которые по своему духу и содержанию вытекают из политики «трех красных знамен». Зловещая тень «трех красных знамен» вновь нависла над Китаем.

Однако времена изменились.

Нынешние китайские руководители в какой-то мере по-своему учли уроки провала экономической политики «трех красных знамен». Не меняя общих установок и целей, которые они поставили перед экономикой страны: обеспечить в минимально короткие сроки базу для великороджавия и гегемонизма, они решили отныне основные усилия сосредоточить на создании военно-промышленного потенциала, основной опорой своего экономического курса сделать армию, а методом его проведения — полную военизацию работы народного хозяйства.

Прежняя маоистская генеральная линия — «напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм по принципу больше, быстрее, лучше и экономнее», ныне дополнена «стратегическим курсом: готовиться к войне, к стихийным бедствиям, служить народу», предусматривающим сохранение низкого уровня жизни населения стра-

ны и подчинение экономического строительства интересам создания военно-экономического потенциала. Этим же целям служат установки XI пленума «по вопросу о системе и размещении хозяйственного и оборонного строительства», «о призывае ко всей партии взяться за военное дело, осуществить всеобщее вооружение народа».

В качестве одного из центральных звеньев своей социально-экономической программы маоисты выдвинули «новые указания» Мао Цзэ-дуна, которые были опубликованы 1 августа 1966 г. и претендуют на определение путей и методов строительства всей общественно-экономической жизни страны. XI пленум ЦК КПК отнес их к числу «основополагающих установок» программы маоистов.

«Новые указания» предусматривают предоставить «многомиллионной армии огромную роль» во всей жизни страны. Мао Цзэ-дун считает необходимым превратить армию в «великую школу», где «овладеваают политикой, военным делом и культурой, организуют средние и мелкие промышленные предприятия для выпуска некоторых видов продукции, предназначенной для удовлетворения собственных нужд, а также эквивалентного обмена с государством»... «наряду с этим армия ведет работу среди масс на заводах, фабриках, в деревне». Главным стержнем этой программы является идея о превращении армии в образец организационной ячейки общества, в которой, как прямо указывается, «должны совмещаться политика, военное дело, культура, сельское хозяйство, промышленность и работа среди масс», идея о всемерном увеличении роли армии в жизни общества и превращении заводов и фабрик, сельских народных коммун, учебных заведений, торговых предприятий, предприятий бытового обслуживания и т. п. в военизированные организации. Армейский образец предлагается «нанести» на всю страну, по типу армии перестроить всю экономическую и общественную жизнь Китая, превратить страну, «предприятия всех отраслей» «в школу революционирования, подобную НОАК».

«Рабочие, — требует Мао Цзэ-дун, — занимаясь главным образом промышленным трудом, должны совмещать его с овладением военным делом, политикой и культурой... А там, где есть условия, заниматься еще

сельскохозяйственным производством и вести подсобное хозяйство, как это делается на Дацзинских нефтепромыслах. Крестьяне народных коммун, занимаясь главным образом сельским хозяйством (в том числе лесоводством, животноводством, подсобными промыслами и рыбоводством), тоже должны совмещать его с овладением военным делом, политикой и культурой. А когда есть условия, необходимо создавать на коллективных началах небольшие промышленные предприятия; необходимо также критиковать буржуазию. То же можно сказать и об учащихся... Работники торговых предприятий, предприятий бытового обслуживания и партийно-правительственных учреждений при наличии условий должны делать то же самое». «Таким образом, — подчеркивается в указаниях, — совмещаются военное дело и учеба, военное дело и сельское хозяйство, военное дело и промышленность, военное дело и работа среди масс»¹.

Эта программа тотальной милитаризации страны, превращения ее в военную казарму преподносится как «эпохальное развитие марксизма-ленинизма», как «программа и план строительства коммунизма в Китае» и «осуществления в будущем коммунизма во всем мире»².

В области народного хозяйства на основе «новых указаний» преимущественное развитие получает военная промышленность. Следует в этой связи напомнить, что авантюристическая политика «большого скачка» и «коммунизации», особенно ярко показавшая отход маоистского руководства от социалистических принципов и методов руководства народным хозяйством и обнаружившая явное стремление отбросить опыт Советского Союза и социалистических стран, порвать с социалистическим лагерем, ознаменовала также явно наметившийся поворот к ускоренному наращиванию военных расходов, в том числе в целях создания «своего» атомного оружия. Если в 1953—1958 гг. расходы КНР на военные нужды были на уровне около 5—6 млрд. юаней и составляли, например, в 1957 г. 19% общих расходов государствен-

¹ Вся страна должна стать великой школой идей Мао Цзэ-дуна. Пекин, Издательство литературы на иностранных языках, 1967, стр. 1, 5.

² «Жэнъминь жибао», 1966, 1 августа; «Цзэфанцзюнь бао», 1966, 1 августа; «Наньфан жибао», 1966, 13 августа.

ногого бюджета, а в 1958 г. — лишь 12%, то в последовавшие затем годы, несмотря на тяжелейшее состояние экономики страны, китайские лидеры стали упорно проводить курс на милитаризацию страны. После провала «большого скачка» были остановлены многие заводы гражданских отраслей промышленности, народ голодал, но возраставшие атомные аппетиты маоистов удовлетворялись в максимально возможной степени. Военные расходы КНР в 1966 г. составили уже почти 15 млрд. юаней. Затраты на военные цели возросли в 1967 г. почти в 3 раза по сравнению с 1960 г. В результате Китай стал расходовать в военных целях более 10% своего национального дохода¹. Подготовка в течение 1958—1964 гг. первого атомного взрыва «стонла» китайскому народу около 10 млрд. юаней. По расчетам иностранных специалистов, за счет средств, затраченных китайским руководством только на производство атомного оружия, можно было бы за то же время удвоить производство металлургической промышленности, в 4 раза увеличить производство электроэнергии, в 5 раз — производство нефти или полностью обеспечить страну зерном. Нетрудно представить, что это означало бы для Китая — страны, где степень развития современной промышленности все еще невелика, а жизненный уровень населения весьма низок.

Непосредственно перед «культурной революцией» был осуществлен ряд мер, направленных на ускорение развития военной промышленности. При Госсовете КНР была создана Канцелярия по делам военной промышленности и образованы пять новых «машиностроительных» министерств, призванных специально заниматься различными отраслями военного производства. Развязав «культурную революцию» и пытаясь ликвидировать противников своего курса, маоисты призвали расправиться и с теми, кто считал, что «атомную бомбу не надо делать»². Военные расходы Китая продолжали расти. Они составляют теперь более $\frac{1}{3}$ бюджета, превышают общий объем капиталовложений в народное хозяйство и в несколько раз капиталовложения в промышленность³. Беспорядки «культурной революции» в основном

¹ «Нэшнл геральд», 1968, 25 августа.

² См. «Гуапмин жибао», 1966, 15 и 28 августа.

³ «Нихон кэйдзай», 1967, 18 декабря.

не коснулись военной промышленности. По сообщению французского журнала «Энержи», в КНР велось строительство новых объектов атомной промышленности¹. В середине 1966 г. в окрестностях Пекина было закончено строительство атомного реактора, в начале 1967 г.—циклотрона. В районе Баотоу сооружался второй плутониевый реактор, в Синьцзяне — завод по производству обогащенного урана методом газовой диффузии, который оснащался новыми установками. Попытки распространить «культурную революцию» на военные предприятия были пресечены. В целях ускорения осуществления программы ядерного вооружения Академия наук КНР была передана под контроль армии.

Маоисты пытаются получить средства для осуществления военной программы путем новых авантюр, путем военизации производства, палочной дисциплины, за счет нового прямого наступления на материальный уровень, жизненные права и интересы трудящихся Китая, в том числе и путем дальнейшего абсолютного сокращения расходов на народное образование, культуру, здравоохранение и другие социальные нужды трудящихся.

Некоторое представление о «новейших конструктивных» шагах китайского руководства, предпринятых во имя достижения отмеченных выше целей, дают мероприятия, осуществляемые на основе «новой программы».

Прежде всего — это военизация. Процессы военизации все более охватывают общественную жизнь КНР, в том числе и сферу народного хозяйства. «Внедрить дух армии в народное хозяйство!» — требуют маоисты. Резко возросла роль армии и в руководстве народным хозяйством, руководящая роль КПК в области экономики подорвана. Военно-контрольные комитеты прибрали к своим рукам центральные ведомства, «ревкомы» — экономику на местах, армейские представители распоряжаются на предприятиях и в учреждениях. Журнал «Хунци» откровенно призвал: «Сверху донизу, во всех организациях необходимо участие представителей армии или ополчения. Так нужно делать везде: на заводах, и в деревне, в финансово-торговых и культурно-просветительных учреждениях, в партийных и административных органах и массовых организациях. В учреждения

¹ «Энержи», 1967, № 633, 30 июня.

выше уезда везде направлять представителей армии, в сельские коммуны и ниже — представителей ополчения».

Путем внедрения «духа армии» делаются попытки усилить интенсивность труда, в экономику внедряются армейские методы организации труда, руководства и управления. На многих промышленных предприятиях управление перестраивается по военному образцу, на-саждается армейская дисциплина, ведется военное обучение. Маоисты требуют от работников народного хозяйства «изучать опыт организации труда по типу воинских подразделений» и создавать из рабочего класса «промышленные отряды», которые бы были «армией, не одетой в военную форму»¹. В докладе «Осуществление военной системы на заводе — это путь управления социалистическими предприятиями» рассказывается о положении на тракторном заводе провинции Цзянси, об установлении военной системы управления производством в четвертом цехе завода. 380 рабочих цеха сведены в три роты. Во главе роты стоят командир роты, его заместитель, политрук и его заместитель. Низовое подразделение — отделение, в котором насчитывается 10—12 человек. «Осуществление военной системы управления, — пишет китайская печать, — полностью отвечает условиям промышленного предприятия», «военная система в цехе — это великая победа идей председателя Мао относительно строительства пролетарской армии на промышленных предприятиях»².

Меры по насаждению военных порядков на предприятиях с большим недовольством встречены трудящимися Китая. «Некоторые люди, — отмечается в печати, — считают, что военную систему можно осуществлять только в Народно-освободительной армии и нельзя на промышленных предприятиях. Они выступают против осуществления военной системы на промышленных предприятиях». Маоисты призывают расправляться с такими людьми, «занять решительную позицию, смелее освобождаться от пут старой структуры, наносить удары по старым силам»³. Военизированная организационная система и стиль работы вводятся и в деревне, где кампания развернулась под лозунгом «Вооружить органи-

¹ «Гунжэнь жибао», 1966, 3 августа.

² «Цзянси жибао», 1968, 18 сентября.

³ Там же.

зацию, революционизировать мировоззрение, повысить политическую активность сельских бригад». Одна бригада в принципе составляет роту. Работники производственных бригад подразделяются на взводы, а те в свою очередь — на отделения.

Помимо военных надсмотрщиков, на предприятиях вводится система «хуншаобинов» — «красных дозорных», фактически надсмотрщиков, которых назначают из числа проверенных маоистов — работников предприятия. В обязанность «хуншаобинов» вменяется контролировать рабочих, после смены «аттестовывать товарищей», «пресекать все ошибочные идеи, высказывания и действия, не соответствующие идеям Мао», «контролировать работу начальников смен и кадровых работников»¹.

«Культурная революция», развернувшаяся в ходе ее критика «экономизма», материального стимулирования положили начало новому наступлению нынешнего китайского руководства на жизненный уровень трудящихся. В мае 1967 г. в Пекине широко пропагандировались «самые новые указания Мао Цзэ-дуна»: «Лозунг «каждому — по его труду» является буржуазным». Мао сказал также, что «всегда был против системы заработной платы» и считал, что «система нормированного бесплатного снабжения — это марксистский стиль, это условие для перехода к коммунистическому образу жизни»². «Непосредственно связывать производственную работу предприятий с уровнем заработной платы рабочих и служащих — это чистой воды материальное стимулирование, погоня за прибылью», — подчеркивала газета «Синьбэйда»³.

На деле происходило прямое сокращение, нередко в административном порядке, номинальной заработной платы рабочих и ИТР. Под предлогом «упрощения показателей заработной платы» были сокращены средства, идущие на премирование, а затем и вовсе отменены премиальные. Сообщалось, например, что в горнорудном управлении провинции Хэйлунцзян было ликвидировано более 50 существовавших ранее видов поощрений⁴. Если

¹ «Жэнъминь жибао», 1969, 19 марта.

² «Коммунист», 1967, № 12, стр. 106—107.

³ «Синьбэйда», 1967, 4 мая.

⁴ «Информационный Бюллетень Агентства Синьхуа», 1968, 20 ноября.

учесть, что основной формой оплаты труда в промышленности КНР была повременно-премиальная, при которой премии фактически являлись постоянной надбавкой к основной ставке, то становится ясным, что все это означало сокращение заработной платы и усиление уравниловки на базе низкой заработной платы.

К январю 1968 г. в ряде районов страны средняя заработка рабочих упала до 40—45 юаней. Минимальные заработки неквалифицированных рабочих, а также «молодых рабочих» составили 12 юаней¹. Заметно снизилась заработка рабочих в угольной и горнодобывающей промышленности.

Намечено сократить заработную плату кадровым работникам и служащим, получающим более 100 юаней; резко сокращается заработка рабочих профессорско-преподавательского состава и других слоев интеллигенции. На некоторых предприятиях «обсуждался» вопрос о снижении заработной платы квалифицированным рабочим. Китайская пропаганда призывает трудящихся «ходить в матерчатых тапочках и заплатах» и «есть лепешки из мякины»².

Осуществляется передача начальных школ сельскохозяйственным бригадам в деревне, заводам и фабрикам — в городах. Поскольку в сельских районах находится более 90% начальных и средних школ и 80% всех учащихся страны, то основное внимание уделяется передаче начальных школ производственным бригадам. После такой передачи государство больше не финансирует начальную школу и не выплачивает учителям заработную плату вместо которой производственная бригада начисляет учителям трудодни. Если ранее учителя школ получали от государства примерно 33 юаня в месяц (около 15 рублей по официальному курсу) и полкилограмма зерновых (включая батат в пересчете на зерно) в день по карточкам, то теперь и это «бремя» снимается с государства, а «сэкономленные средства, деньги и товарный хлеб направляются на... оборонное строительство»³. Наряду с этим по прямому указанию Мао Цзэ-дуна сокращается срок обучения и число

¹ «Дунфанхун бао», 1968, 12 января.

² «Жэньминь жибао», 1968, 14 октября.

³ Там же.

учащихся в высших и средних учебных заведениях. Вся система образования военизируется, вместо классов и курсов вводится «новая структура»: учащиеся разбиваются на роты, взводы и отделения, система занятий преобразуется по образцу военно-политической учебы в армии.

В деревне вводится «кооперативная медико-санитарная система», при которой медицинское обслуживание сельского населения осуществляется за счет средств, выделяемых крестьянами и бригадой (в среднем по 1—2 юаня на человека в год), а медицинские работники переводятся на положение «медиков, и крестьян», т. е. лишаются государственной заработной платы и получают трудодни от бригады.

Торговля на селе передается в ведение сельских коммун и производственных бригад; предлагается упразднить снабженческо-сбытовые кооперативы. При этом государство снимает с себя обязанность выплачивать заработную плату сельским работникам торговли, которые переходят на обеспечение бригад и начинают получать трудодни, как крестьяне, но оставляет за собой право в централизованном порядке определять план заготовок, цены на товары, объемы торговли. На производственную бригаду возлагается обязанность обеспечить выполнение государственного плана купли-продажи товаров на селе.

Намечено «держать под контролем численность населения городов и поселков», «не увеличивать числа рабочих и служащих», «перенести строительство части предприятий в деревню», «часть новых учебных заведений строить в деревне». Происходит также перемещение ряда промышленных объектов во внутренние районы Китая, на новых местах здания предприятий разбрасываются на большой территории и строятся в расчете на возможность работы в военных условиях. Осуществляется мобилизация свободной рабочей силы в городах, особенно молодежи, ее организованное направление в отдаленные районы и в деревню. Из города снова выселено более 20 млн. человек. Маоисты призвали «развернуть мобилизацию» по отправке городского населения в деревню, стремясь добиться политической стабилизации в городах, а также смягчить продовольственные трудности (выселяемые переходят на полное обеспечение крестьян).

Снова, как и в 1958 г., поставлен вопрос о том, что следует создавать «самообеспечивающиеся» хозяйства, почти не связанные друг с другом товарно-денежными отношениями.

Сельским народным коммунам вменяется в обязанность строить мелкие обрабатывающие и кустарные предприятия, небольшие агротехнические и машиностроительные станции, обеспечивать себя машинами, удобрениями, взять на себя ряд расходов по содержанию государственного аппарата.

В госхозах под лозунгом «устранения различий в уровне доходов работников госхозов и членов коммун» снижается оплата труда сельских рабочих до уровня членов коммун. При сохранении прежнего фонда оплаты труда в производство вовлекаются старики и подростки, что также снижает доходы основных рабочих. Прекращено капитальное строительство «городского типа», государственные ассигнования на социальные нужды рабочих госхозов также сокращаются. При фабриках и заводах силами рабочих, служащих и членов их семей создается подсобное сельскохозяйственное производство, чтобы добиться самообеспечения заводов продовольствием. Перед всеми другими организациями, в особенностях расположенным в сельской местности, поставлена задача «добиваться самообеспечения зерном, маслом, мясом и другими основными и второстепенными продуктами питания», «решительно выполнять указания Председателя Мао о развитии производства для самообеспечения»¹.

Активно стала пропагандироваться система труда «и рабочий и крестьянин», о которой говорилось выше. Система труда «и рабочий и крестьянин» открывает новый источник рабочей силы для промышленности. Она позволяет сосредоточить средства, идущие в промышленность, исключительно на производственные цели, «не строить жилищ для членов семей», «не заботиться о товарах и хлебе для них». В строительстве, на дорожных, ирригационных и некоторых других видах работ, требующих большой массы простого, неквалифицированного труда, внедряется «обязательная трудовая повинность»,

¹ «Наньфан жибао», 1966, 13 августа; «Дагун бао», 1966, 17 августа.

используется неоплачиваемый труд на основе метода так называемого «накопления труда»¹.

Анализ «новой программы» и осуществляемых в соответствии с нею мероприятий показывает, что цель ее заключается в том, чтобы ускорить развитие Китая за счет трудящихся с упором на создание в стране военно-экономического потенциала. Маоисты намереваются превратить всю страну в единый лагерь, цементируемый армией. Нетрудно заметить, что идеи «новых указаний» являются перепевом троцкистских тезисов о «промышленной армии», о методах принуждения и голого администрирования, милитаризации труда, применения военных методов на производстве и т. п. Мао Цзэ-дун в армии видит наиболее реальную силу и образец организации общественной, экономической и политической жизни страны.

Маоисты намечают создать, в особенности на местах, в максимально возможной степени «самообеспечивающиеся» производственные единицы (предприятия, коммуны, учреждения), превратить их в своеобразные «стрелецкие посады», «аракчеевские поселения», посадить трудящихся на «подножный корм» прежде всего с целью максимальной мобилизации высвободившихся средств для централизованных накоплений. Целям максимального накопления служат также и повышение интенсификации труда без повышения его оплаты, и сокращение средств на непроизводственные нужды, особенно на социальные и культурные нужды трудящегося населения города и деревни, и прямое наступление на жизненный уровень населения. «Самообеспечение» означает на деле дальнейшее обособление и натурализацию хозяйства, тормозит создание условий для развития современного прогрессивного разделения труда, сокращает каналы товарно-денежных отношений, возможности эффективного использования стоимостных рычагов.

Программа «новых указаний» показывает, что маоисты продолжают цепляться за обанкротившиеся «теоретические» изыскания и практику, не видят иного вы-

¹ Этот метод применялся главным образом в деревне: коммуны, которые не располагают средствами для оплаты большого количества труда, используемого в ирригационном строительстве, не оплачивают труд крестьян, занятых в капитальном строительстве, рассматривая его как некое «накопление».

хода из тупика, кроме реабилитации и продолжения старой линии. Эта программа построена на принципе «политика — командная сила», на идеях «большого скачка» и «коммунизации». Ныне эти идеи пытаются реализовать уже на базе милитаризации и военизации, путем создания внутри страны атмосферы «классовой бойны» и попыток изобразить Китай в виде окруженной врагами «осажденной крепости», путем создания чрезвычайной обстановки, при которой страна переводится на военное положение и «каждый человек превращается в солдата».

Основные причины дезорганизации экономики. XI пленум ЦК КПК провозгласил, что «цель великой пролетарской культурной революции — революционизировать сознание людей... чтобы они работали во всех областях еще больше, быстрее, лучше и экономнее», что «великая пролетарская культурная революция служит мощной движущей силой в развитии общественных производительных сил Китая». «Культурная революция» рассматривалась как политическая, идеологическая и организационная подготовка нового «большого скачка». «Можно предвидеть, — писал журнал «Хунци» в декабре 1966 г., — что революционный энтузиазм... непременно проявится в борьбе за развитие промышленного и сельскохозяйственного производства и в научных экспериментах, вызовет большой скачок народного хозяйства в Китае».

Вопреки этим заявлениям народное хозяйство Китая вновь оказалось в тяжелом положении. Новые попытки навязать партии и народу принципы авантюристической, волонтиаристской экономической политики типа «трех красных знамен», направленной на полное подчинение развития экономики страны великодержавным, гегемонистским целям китайского руководства, отразились на экономическом развитии КНР и явились наряду с политической анархией и борьбой за власть одной из основных причин, вызвавших дезорганизацию народного хозяйства, снижение трудовой активности рабочих и крестьян и спад в развитии многих отраслей производства.

Прежде всего с этими попытками связаны и другие факторы, которые пагубно повлияли на состояние экономики КНР.

Избиение партийных, государственных и хозяйственных кадров, разгром государственных органов и общественных организаций привели к расстройству руководства народным хозяйством страны в центре и на местах.

Более $\frac{2}{3}$ членов и кандидатов в члены ЦК КПК восьмого созыва подверглось нападкам. Из 16 заместителей премьера Госсовета КНР «критике» подверглось 13 человек, при этом 9 из них были по существу отстранены от своих обязанностей. В их числе оказались те, кто занимался руководством народным хозяйством. Нападкам и гонениям подверглась значительная часть министров¹. Подверглись нападкам и репрессиям многие заместители министров, начальники управлений, заведующие отделами и другие работники министерств и комитетов. Серьезно нарушилась работа центральных партийных и государственных органов, ведающих руководством народным хозяйством страны, в том числе соответствующих отделов ЦК КПК, Государственного планового комитета, Государственного экономического комитета, Государственного комитета по делам капитального строительства, Государственного научно-технического комитета и отраслевых министерств. В один из периодов 1968 г. из 280 человек в ранге министров работало только 90 человек. Из 1800 начальников отделов и управлений в 42 ведомствах Госсовета КНР были допущены к работе только 1090 человек.

Ликвидация старых и создание новых органов власти провинциальной ступени — «ревкомов» сопровождались отстранением от руководства значительной части партийных, государственных и хозяйственных кадров. На промышленных предприятиях и в деревне основной удар наносился по парткомам и руководству промышленных предприятий, производственных бригад сельских народных коммун. Многие секретари и члены парткомов, директора, заместители директоров и другие руководящие

¹ В их числе оказались: Ляо Лу-янь — министр сельского хозяйства, Ван Чжэнь — министр по освоению целинных и залежных земель, Лю Цзе — министр 2-го министерства машиностроения, Сунь Чжи-юань — министр 3-го министерства машиностроения, Чэн Чжэн-жэнь — министр 8-го министерства машиностроения, Чжан Линь-чжи — министр угольной промышленности, Люй Чжэн-цзо — министр железных дорог, Ма Вэнь-жуй — министр труда, Яо И-линь — министр торговли и др.

работники заводов, фабрик и рудников, производственных бригад и сельских народных коммун были причислены к сторонникам «ревизионизма» и «реакционного экономизма». Например, на Тюйаньском заводе химических удобрений более 90% кадровых работников подверглось гонениям. Из 32 секретарей партийных ячеек 23 были отстранены от работы¹. В одном из уездов провинции Хэнань было снято более 1000 кадровых работников, в том числе 158 секретарей парторганизаций, 489 бригадиров². На предприятиях власть переходила в руки так называемых «революционно-производственных комитетов», «групп по ведению революции и производства», «командований передовой линией фронта», главную роль в которых стали играть цзаофани, не способные руководить сложным промышленным производством. «Жэнъминь жибао» вынуждена была признать, что «в состав революционно-производственных комитетов входят люди, у которых нет опыта управления современным предприятием»³.

Ущерб народному хозяйству страны был нанесен также столкновениями между враждующими группировками во всех районах Китая, главных городах и промышленных центрах страны. В борьбу были вовлечены миллионы рабочих различных отраслей промышленности. В ряде мест в столкновениях участвовали крестьяне. Стычки сопровождались человеческими жертвами, разрушением материальных ценностей, уничтожением оборудования, сырья и готовой продукции, имела место остановка заводов и в ряде случаев целых промышленных комплексов.

В 1967 г. по стране прокатилась волна массового забастовочного движения рабочих и служащих, выступавших в защиту своих прав, против «культурной революции». В забастовках участвовало более 7 млн. рабочих в 60 городах. Беспорядки на предприятиях означали колоссальную потерю труда. Наступление пекинских лидеров на жизненные права и интересы рабочего класса и крестьянства, борьба против так называемого «экономизма», подрыв материальной заинтересованности трудающихся в труде, а также политические беспорядки при-

¹ «Жэнъминь жибао», 1967, 7 мая.

² «Хэнань жибао», 1967, 6 мая.

³ «Жэнъминь жибао», 1967, 24 октября.

вели к резкому падению трудовой активности и производительности труда в промышленности и сельском хозяйстве. Против экономической политики маоистов выступили и рабочие Дацинского нефтепромысла, более 10 тыс. рабочих нефтепромыслов бросили работу и отправились в Пекин и другие города предъявлять требования об улучшении жизни и условий труда.

Резко возросли бросовые расходы вследствие отвлечения финансовых и материальных средств на нужды политической борьбы, на переброску войск, на поддержку хунвэйбинов и цзаофаней. По зарубежным оценкам, в 1966—1967 гг. на содержание хунвэйбинов была израсходована сумма, равная 1,2 млрд. американских долларов.

Отрицательно сказалось на развитии народного хозяйства нарушение процесса пополнения народного хозяйства специалистами, вызванное прекращением выпуска из учебных заведений. Если рассчитывать возможный выпуск специалистов в 1967—1968 гг. по нормам и объемам, которые существовали ранее, то Китай потерял 400 тыс. специалистов, в том числе 140 тыс. технических специалистов, 90 тыс. педагогов, 50 тыс. врачей.

Положение в народном хозяйстве. В течение первой половины 1966 г. «культурная революция» еще в небольшой мере затронула сферу производства. В первые 8 месяцев 1966 г. отмечался рост промышленного производства в ряде ведущих отраслей, увеличился объем освоенных капиталовложений в строительстве¹. Было объявлено о хорошем урожае основных сельскохозяйственных культур. В последние месяцы 1966 г. в ряде отраслей промышленности начинается падение производства, но в целом за весь 1966 г. промышленное производство выросло против предыдущего года примерно на 10%.

В начале 1967 г. положение в экономике резко ухудшилось. На помощь была призвана армия — «войсковые части приняли в свое ведение или взяли под контроль промышленные предприятия и транспортные узлы»², армейцы были направлены в деревню. Однако борьба обострялась, и летом 1967 г. страна стала катиться к

¹ «Жэньминь жибао», 1966, 23 сентября.

² «Жэньминь жибао», 1967, 18 февраля.

экономическому хаосу. В китайской прессе проскальзывали убийственные характеристики положения в экономике в 1967 г.: «Сельскохозяйственное производство упало, промышленность прекратила работу, на рынке нечего продавать. Положение как в 1959—1960 годах...»¹.

Урон, нанесенный «культурной революцией» экономике страны, не смогли отрицать и сами китайские руководители, которые признавали, что «пришлось заплатить кое-какую цену в производстве в некоторых районах и некоторых отраслях... Извилистый путь, который пришлось пройти в ходе культурной революции, отразился на производстве».

Большой урон в ходе «культурной революции» был нанесен промышленности, в том числе ее ведущим отраслям — угольной, металлургической, энергетической. Так, предприятия крупнейшего в стране Датунского каменноугольного бассейна работали несколько месяцев 1967 г. в половину мощности. Управление Фушуньскими копями «совсем развалилось». На Цзянсийских копях был «полный беспорядок в управлении предприятиями»². Летом 1967 г. до 90% предприятий тяжелой промышленности не выполняли плана, план первого полугодия этими предприятиями был выполнен только на $\frac{1}{3}$. Тяжелое положение сложилось и в металлургии. Загрузка металлургических предприятий в Китае в первом полугодии 1967 г. снизилась до 65—70% против 90—95% в 1966 г. Основные металлургические комбинаты: Аньшаньский, Уханьский, Баотоуский, Шицзиншаньский — простоявали. Ущерб нанесен и машиностроительной промышленности. Столкновения в таких центрах машиностроения, как Шанхай, Харбин, Шэньян, Чанчунь, Тяньцзинь и другие, имели весьма острый и затяжной характер. Ряд предприятий электроэнергетической промышленности работал с большими перебоями. В связи с этим прекращалась подача энергии предприятиям и населению в таких, например, крупных городах, как Ухань, Цзинань, Чунцин, Тайюань, Ланьчжоу, Чанчунь и др. Произошел спад в нефтяной промышленности. Перебои в работе, аварии наблюдались во всех основных центрах добычи и переработки нефти: Ланьчжоу, Дацине, в Синьцзяне.

¹ «Хубэй жибао», 1967, 6 февраля.

² «Ляонин жибао», 1967, 1 апреля; «Хубэй жибао», 1967, 18 апреля.

Серьезные перебои наблюдались в работе легкой промышленности. В конце 1967 — начале 1968 г. многие предприятия крупнейшего промышленного центра страны Шанхая простоявали. Резко сократилось капитальное строительство.

Только за период с осени 1966 г. по февраль 1967 г. железные дороги перевезли свыше 20 млн. «представителей революционных масс» и хунвэйбинов. Во время «поломничества» хунвэйбинов 30% железнодорожного транспорта было занято их перевозкой; по некоторым расчетам это составило 8,7 млрд. тонно-километров¹. Эти перевозки производились бесплатно, они нарушили график движения на железных дорогах. Многие грузы не могли быть доставлены к месту назначения в течение месяцев, забивали склады, подъездные пути предприятий и железнодорожных станций. В январе 1967 г. по несколько дней не работали железные дороги Шанхай — Нанкин, Шанхай — Ханчжоу, крупные железнодорожные узлы Нанкина, Цзинани, Куньмина, Харбина, Чжэнчжоу, Бэнпу, Люйчжоу и др. В значительной степени была дезорганизована работа морского транспорта. Порты Китая работали с большими перебоями, что приводило к длительным простоям судов.

Оценка уровня производства важнейших видов промышленной продукции в КНР может быть представлена следующим образом (табл. 8).

Таблица 8

	Единица измерения	1966 г.	1967 г.
Валовая промышленная продукция	млрд. юаней	138	118
Электроэнергия	млрд. квт-ч	60—70	55
Уголь	млн. т	240	180—190
Нефть	»	12,0	11,0
Сталь	»	12,0	10,0
Минеральные удобрения	»	9,5	9,0
Цемент	»	14,5	10,0
Металлорежущие станки . . .	тыс. шт.	50	40

В 1968 г. были приняты меры к известной нормализации положения в промышленности, в том числе в уголь-

¹ «Нихон кэйдзай», 1968, 3 июня.

ной и других энергетических отраслях. Было приостановлено падение производства в ряде основных отраслей. Однако в целом уровень промышленного производства был ниже уровня 1966 г. на 10%.

«Культурная революция» нанесла большой ущерб китайской деревне. Резко упала трудовая активность крестьян, снизилось качество сельскохозяйственных работ, оказались запущенными ирригационные сооружения, сократились поставки деревне промышленной продукции. Однако в целом сельское хозяйство пострадало, видимо, меньше, чем промышленность. Это объясняется главным образом тем, что уже в феврале — марте 1967 г. проведение «культурной революции» в деревне было приостановлено и в дальнейшем сдерживалось. Китайское руководство, опасаясь массовых крестьянских выступлений и сокращения сельскохозяйственного производства, предприняло меры, чтобы оградить сельскохозяйственную сферу от втягивания в «культурную революцию». «Захват власти» в бригадах был прекращен, попытки осуществления таких мероприятий, как лишение крестьян приусадебных участков, ликвидация свободного рынка, изменение системы распределения доходов и т. д., были отложены. Большую роль в этом плане сыграло более раннее вмешательство армии, которая установила контроль за положением дел в деревне. Уже в период весеннего сева 1967 г. китайское руководство было вынуждено направить в деревню регулярные воинские части для контроля и руководства полевыми работами, не рассчитывая на крестьян и сельских кадровых работников. Благоприятные погодные условия 1967 г. также позволили удержать сельскохозяйственное производство от падения (табл. 9).

Таблица 9

**Оценка производства сельскохозяйственной продукции
и поголовья скота в КНР**

	Единица измерения	1966 г.	1967 г.
Сбор зерновых	млн. т	185	185—190
Хлопок-волокно	млн. т	1,7	1,6
Свиньи	млн. голов	155	150

В 1968 г. погодные условия существенно ухудшились на территории 20 из 26 провинций и автономных районов. В мае 1968 г. появились заявления о том, что если «культурная революция» будет продолжаться долго, если она будет развертываться и в деревне, то это подорвет сельскохозяйственное производство, в результате чего могут возникнуть еще более серьезные экономические проблемы. Стремясь спасти положение, китайское руководство вновь особую роль в организации сельскохозяйственных работ предоставило армии. В деревню были направлены миллионы военных, кадровые работники и учащиеся. В провинции Хэнань из них была создана 400-тысячная «армия», в Северном Китае в деревню было направлено 100 тысяч человек, в провинцию Цзянси — 200 тысяч человек. Отряды направлялись также в провинции Гуандун, Сычуань, Цзянсу и др.¹

Однако положение продолжало оставаться напряженным. Оно осложнялось общей дезорганизацией экономики, волнениями и вооруженными столкновениями, в особенности в южных зернопроизводящих районах. В целом уровень сельскохозяйственного производства в 1968 г. снизился по сравнению с 1967 г. на 5—7 %. Такое снижение при наличии здоровой в целом экономики не представляло бы чрезвычайной проблемы. Однако в Китае оно приобрело опасный характер, так как происходило в условиях, когда нормированное снабжение населения доведено до предела, при котором каждый шаг назад может повести к голоду миллионы людей; государственные продовольственные резервы истощены; заготовки хлеба внутри страны подрывались политическими беспорядками (заготовки осуществлялись главным образом с помощью армии), а закупки зерна за границей стали крайне обременительными из-за сокращения валютных ресурсов.

За время «культурной революции» доходы трудящихся сократились на 10—15 %. Помимо снижения заработной платы, резко ухудшились все другие показатели, характеризующие жизненный уровень населения. Снижение денежных доходов трудящихся Китая сопровождалось такими явлениями, как рост цен на продовольствие и другие товары первой необходимости, дополнительное

¹ «Жэньминь жибао», 1968, 17 июня.

введение талонов на промышленные товары. Были повышенены цены на ряд важных видов продовольствия: на рис на 5%, на свинину на 10%. Усилилась напряженность в снабжении городского населения мясом и растительным маслом. В ряде случаев даже овощи распределялись среди населения городов по домовым книгам. Мука и рис по карточкам выдавались хорошими сортами только на 40% нормы, еще 40% выдавалось зерном самых низких сортов и 20% — мякиной, отходами мукоильного производства. Весной 1968 г. было введено дополнительно нормирование продажи ряда товаров (спички, соль, мыло, уголь, обувь, табак), помимо уже осуществлявшегося ранее нормирования зерновых и батата, растительного масла, хлопчатобумажной ткани и изделий из нее. Продажа основных промышленных товаров производилась по промышленным талонам. Для покупки велосипеда, например, требовалось 10 талонов, швейной машины — 25. В 1968 г. выдача талонов на хлопчатобумажные ткани была задержана. Было резко ограничено потребление населением угля, электроэнергии. Даже в Пекине зимой 1967/68 г. не отапливались многие жилые помещения, больницы, административные здания. Электроэнергия отпускалась только для освещения и использования электролампочки не более 20 вт на семью.

Материальный уровень жизни китайского крестьянства, составляющего свыше 80% общей численности населения, за весь период после «большого скачка» оставался ниже уровня последнего года первой пятилетки (1957 г.). Многие крестьяне иногда оказывались не в состоянии выкупить даже «гарантированные нормы» и становились «должниками» коммуны.

В условиях острого недостатка предметов первой необходимости угрожающие размеры принял спекуляция. Китайская пресса писала о том, что у спекулянтов «обнаружено большое количество дефицитных промышленных изделий, цемент, стройматериалы, топливо, золото... Раскрыты подпольные мастерские, гостиницы, притоны, дома терпимости. Имеют место нападения на продовольственные транспорты и склады»¹. Спекулятивная деятельность сопровождалась резким увеличением числа уголовных преступлений. Борьба с «контрреволю-

¹ «Жэньминь жибао», 1968, 11 мая.

ционной преступностью» использовалась маоистами как удобный предлог для расправ под маркой «уголовников» со своими политическими противниками, путем приписывания им, кроме политических обвинений, и уголовных преступлений, чтобы еще больше сбить с толку и запугать массы, свести на нет социальное влияние этих лиц. Особенно следует отметить попытки подвести под рубрику уголовных преступлений выступления рабочих и крестьян в защиту своего жизненного уровня. Эти действия трудящихся были объявлены «контрреволюционным экономизмом».

Только путем строжайшего нормирования, поддержания снабжения населения на предельно низком уровне, сокращения заработной платы, сферы денежного обращения, а также выселения из городов в деревню избыточного населения пекинскому руководству удавалось избежать массового голода и острой инфляции.

Угрожающее положение в экономике страны начало вызывать определенное беспокойство в рядах правящей верхушки КНР. Часть китайского руководства, опасаясь, что дальнейшее нарастание экономических трудностей может привести страну к катастрофе, стремилось ликвидировать крайние проявления хозяйственной дезорганизации. Затруднения в осуществлении ракетно-ядерной программы и общей программы вооружения; прогрессирующее отставание народного хозяйства от мирового уровня; падение жизненного уровня населения, угрожающее тяжелыми последствиями для политической программы маоистов; отрицательное влияние экономического спада на осуществление внутри и внешнеполитических планов вынудило китайское руководство принять меры, направленные на предотвращение дальнейшего раз渲ла экономики. Эти меры носили чисто волевой, административный характер. Ставка при этом делалась на то, чтобы, с одной стороны, запугать широкие массы трудящихся различными репрессивными кампаниями, а с другой — попытаться наладить руководство производством. Была издана серия постановлений и указаний по вопросам усиления контроля над рынком и борьбе со спекуляцией, о наведении порядка на транспорте, об экономии в расходовании имеющихся средств и т. д. Ни в одном из этих документов не было и намека на необходимость учитывать экономические законы. Армия

вновь была признана главной силой по восстановлению порядка и нормализации положения в народном хозяйстве страны, было провозглашено, что «поддержка промышленности и сельского хозяйства — одна из важнейших задач армии». Действия, направленные на подрыв производства, были объявлены «контрреволюционными». Волна судов и публичных казней прокатилась по основным городам страны. На предприятиях и в учреждениях созданы военные контрольно-экономические комитеты.

Вместе с тем стали намечаться некоторые корректировки хозяйственной политики, призванные обеспечить более успешное достижение целей китайского руководства. В пропаганде выдвигаются тезисы о необходимости преимущественного развития тяжелой промышленности, об усилении руководства народным хозяйством, привлечении опытных кадровых работников, в том числе и некоторых изгнанных из учреждений и предприятий во время «культурной революции». Появились призывы расширять посевные площади, развивать приусадебное хозяйство крестьян, создавать в деревне мелкие предприятия по обработке сельскохозяйственной продукции.

Экстренные меры позволили несколько ослабить отрицательное влияние «культурной революции» на народное хозяйство. Однако коренного улучшения экономического положения страны не произошло.

Вместо заключения

Уже более десяти лет китайская экономика переживает серьезные трудности. Крутой поворот в экономической политике, совершенный Мао Цзэ-дуном и его окружением в 1958 г., последовавшие затем шараханья и многочисленные изменения установок, касающихся определения путей и методов развития народного хозяйства, «культурная революция» лихорадят страну, ставя порой экономику страны на грань катастрофы. Решающая причина такого положения коренится в волюнтаристском, антинаучном курсе экономического строительства, который маоистское руководство пытается навязать стране. Речь, как представляется, идет не об отдельных заблуж-

дениях и частных ошибках, а о стремлении маоистов претворить в жизнь авантюристическую мелкобуржуазную программу во имя великодержавных, гегемонистских целей создания «великого Китая». Этот курс оказывает крайне пагубное влияние на экономику страны, на положение китайских трудящихся. Это с новой силой подтвердили годы «культурной революции».

Прекратилось поступательное экономическое развитие Китая, народному хозяйству нанесен большой ущерб. «Культурная революция» подорвала строительство современной материально-технической базы социализма в КНР. Фактически была приостановлена всесторонняя индустриализация страны. Все более обостряются коренные жизненно важные народнохозяйственные проблемы, связанные с созданием в стране современного технического базиса, с обеспечением быстро растущего населения продовольствием и промышленными товарами, рациональным использованием трудовых ресурсов. Экономические возможности для быстрой мобилизации на более или менее здоровой основе значительных средств, которые так нужны КНР, в нынешнем Китае отсутствуют. «Культурная революция» дезорганизовала народное хозяйство страны. Уровень промышленного производства упал, сельскохозяйственное производство снизилось; подорваны финансы и внутренняя торговля. Экономические связи страны с социалистическими странами резко сократились, зависимость от капиталистического рынка возросла. Подобно тому как в свое время «большим скачком» было сорвано осуществление второго пятилетнего плана (1958—1962 гг.), ныне срывается третья пятилетка, формально начавшаяся в 1966 г. В китайской печати ничего не говорится ни о третьей пятилетке, ни о годовых народнохозяйственных планах, не публикуется никаких плановых или отчетных показателей. Нанесен удар по тем партийным, государственным и хозяйственным кадрам, которые стремились обеспечить планомерное развитие народного хозяйства и восстановление социалистических методов хозяйствования. В целом экономическое положение КНР характеризуется неустойчивостью, болезненными спазмами и постоянными колебаниями уровней производства в различных отраслях народного хозяйства, периодическим недостатком товаров, срывами снабженческо-сбытовых связей и т. п.

Хотя по объему промышленного производства КНР входит в число первых десяти промышленных стран мира, однако структурный и качественный облик китайской промышленности, ее гражданских отраслей несет на себе печать отсталости. Техническая оснащенность многих промышленных предприятий низка; степень развития разделения труда, специализации, кооперирования и комбинирования весьма невелика; сохраняются многие диспропорции, резко отстает сырьевая и топливно-энергетическая база, качественная металлургия, приборостроение; ощущается острые нехватка научных, инженерно-технических и административно-управленческих кадров, а также квалифицированных рабочих. Все эти проблемы по-прежнему остро стоят перед Китаем.

Серьезных мер для расширения гражданского промышленного производства не осуществляется. Капитальное строительство сводится к завершению сооружения некоторых отдельных объектов, строительство которых началось еще до «культурной революции», и к строительству и восстановлению ряда мелких кустарных предприятий, созданных в период «большого скачка».

В промышленности крайне замедлен процесс пополнения и модернизации основных фондов предприятий, ограничены возможности реального роста производительности труда, укрепления хозяйственного руководства и планирования на научной основе, нет задела в промышленном капитальном строительстве. Государственные резервы многих важных видов продукции практически исчерпаны, и многие отрасли промышленности, предприятия находятся на голодном сырьевом пайке.

Сельское хозяйство страны имеет крайне слабую материально-техническую основу, базируется главным образом на ручном труде при весьма низком уровне агротехники. За годы «культурной революции» уменьшилась и без того незначительная поддержка деревни со стороны государства. Сельское хозяйство является слабым звеном китайской экономики. Обрабатываемые площади составляют 11—12% территории страны. Возделывание новых земель и повышение производительности труда крайне затруднено из-за недостатка технических средств.

Попытки решить проблему увеличения сельскохозяйственного производства путем политических кампаний, без оснащения сельских коммун современной техникой, без проведения на селе действительной культурной революции и серьезных капиталовложений, постоянное выколачивание прибавочного продукта истощают китайскую деревню. Жизненный уровень населения страны серьезно снизился.

Авантуризм в экономике, антинаучная волонтиаристская программа привели к тому, что в области производства главных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции развитие Китая задержалось, по оценочным данным, не менее чем на 5—6 лет:

	Уровень производ- ства 1957 г.	Намечалось по плану второй пя- тилетки на 1962 г.	Фактически 1966 г.	Уровень производ- ства 1968 г.
Сталь, млн. т	5,4	10,5—12	13	10
Уголь, млн. т	130,0	190—210	240	200
Электроэнергия, млрд. квт·ч	19,3	40—43	60—70	55
Хлопчатобумажные ткани, млрд. м	5,0	9,4—10,4	7,0	6
Зерно, млн. т	185	250	185	180
Хлопок-волокно, млн. т . .	1,64	2,4	1,7	1,5—1,6
Свиньи, млн. голов	146	250	155	140—150

В области социально-экономической маоистам в полной мере не удалось развернуть практическое осуществление своей программы. Политическая борьба в стране, в том числе и в ходе «культурной революции», отодвинула в сторону решение многих экономических проблем, попытки осуществления этой программы наткнулись на серьезное сопротивление. Однако то, что маоистами сделано, означает удар по завоеваниям социализма в Китае.

Во имя достижения своих великодержавных, националистических целей и насаждения так называемых «идей Мао» маоисты хотели бы коренным образом изменить, перестроить всю политическую структуру и экономическую жизнь Китая. «Культурная революция» особенно отчетливо обнаружила, что создаваемый в КНР военно-бюрократический режим с точки зрения его воздействия на развитие народного хозяйства Китая предназначен прежде всего для того, чтобы подчинить

развитие общественного производства гегемонистским планам, форсировать развитие военных отраслей промышленности, создание ракетно-ядерного оружия и военизировать всю экономическую жизнь страны. Широкая программа милитаризации и военизации составляет важнейшую составную часть «стратегических курсов» Мао Цзэ-дуна. Игнорируя жизненные интересы трудящихся, китайское руководство основные свои заботы обращает на то, чтобы, не считаясь с диспропорциями и затратами, в кратчайшие сроки обеспечить развитие тех отраслей промышленности, которые непосредственно участвуют в создании ракетно-ядерного оружия.

Действие основного экономического закона социализма в стране нарушено. В основу распределения национального дохода положены задачи достижения шовинистических целей. Планомерное, пропорциональное развитие экономики подменяется волюнтаристскими скачками. Уравниловка вытесняет распределение по труду, материальное стимулирование заменяется внеэкономическим принуждением. Трудящиеся отстранены от управления народным хозяйством.

В этой связи нельзя не обратить внимания на серьезность этих процессов.

Основатели научного коммунизма никогда не сводили свое понимание экономического строя социализма только к форме собственности. Указывая на многогранность и многообразие качеств и проявлений производственных отношений, они отмечали, что государственная собственность содержит в себе лишь «формальное средство, возможность разрешения»¹ противоречий в сфере экономики, что огосударствление собственности в различных социальных условиях может давать неодинаковый результат и иметь различные социальные последствия. Особую роль при этом играет характер государства, которое оказывает огромное воздействие на социальное содержание государственной собственности. В. И. Ленин подчеркивал, что, «базируясь на экономике, социализм вовсе не сводится весь к ней»².

Хотя основой экономического базиса Китая является государственная и кооперативная собственность, однако подчинение всей экономической жизни интересам

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 290.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 22.

укрепления военно-бюрократической системы в стране, нарушение экономических законов социализма, попытки ликвидировать социалистические принципы и методы руководства народным хозяйством подрывают характер государственной собственности как собственности общенародной, противоречат интересам китайского народа, учению марксизма-ленинизма, задачам строительства социализма в стране.

Вместе с тем анархия и дезорганизация жизни страны привели к оживлению стихийных мелкобуржуазных и буржуазных сил, росту частнособственнических тенденций. В стране появились подпольные частнокапиталистические промышленные предприятия и торговые точки, развивается черный рынок и спекуляция, в ряде мест в коммунах происходил дележ общественных фондов. Следует иметь в виду, что все это происходит в условиях, когда национальная буржуазия все еще занимает определенные позиции в стране, ей гарантировано получение эксплуататорских доходов, до сих пор не приняты законодательные акты о национализации земли и собственности национальной буржуазии.

Если все эти процессы не встретят противодействия, то это может повести в конечном счете к ликвидации многих социалистических элементов экономического строя китайского общества.

Маоисты стремятся официально оформить и закрепить свой курс в области экономики. Хотя на состоявшемся в апреле 1969 г. IX съезде КПК вопросам экономики и экономической политики было отведено незначительное место, однако вновь были подтверждены лозунги и курсы, пропагандировавшиеся в ходе «культурной революции», «большого скачка». Маоистская генеральная линия в экономическом строительстве была дополнена «стратегической идеей» о «подготовке к войне, стихийным бедствиям».

Одной из основ экономического развития провозглашен курс на милитаризацию.

В связи с этим выдвинута задача «одновременно с ускорением темпов экономического строительства непрерывно усиливать оборонное строительство», главное внимание уделять «глубоко эшелонированному стратегическому размещению промышленности». Экономическим учреждениям и хозяйственным организациям предписы-

вается «обратить внимание на рациональное расположение и комплексное развитие промышленности, исходя из необходимости подготовки к войне»¹. Осуществление этого курса, наращивание военного, прежде всего ракетно-ядерного, потенциала будет отвлекать от экономики значительную часть финансовых и материальных средств, а также наиболее квалифицированных инженерно-технических кадров.

Развитие военной промышленности существенно ограничит возможности капиталовложений для промышленности и нужд сельского хозяйства. Игнорирование значения экономических рычагов, ликвидация материального стимулирования принизит активность трудящихся, сузит источники накоплений.

Эти тенденции ведут к однобокому, уродливому развитию экономики страны: атомная бомба и рикша, электронное оборудование ракетных систем и консервация отсталости, неграмотность сотен миллионов трудящихся, огромные средства на военную промышленность и сокращение без того незначительных расходов на здравоохранение—все это становится символичным для Китая.

Такое положение в случае, если развитие и в дальнейшем будет продолжаться в ныне определившемся направлении, поведет к резкому обострению политических противоречий в Китае.

Нежелание считаться с объективными законами развития, субъективизм и произвол маоистов в экономике во имя достижения политических целей правящей группировки могут привести в конце концов к новому краху, подобному тому, которым окончился «большой скачок», к подрыву социалистических завоеваний китайского народа.

Ближайшие перспективы развития народного хозяйства Китая в значительной мере будут определяться результатами политической борьбы в стране.

Победа тех сил, которые стоят на позициях марксизма-ленинизма, явилась бы серьезным поворотом к нормализации экономической жизни Китая, решению народнохозяйственных проблем, стоящих перед страной, к продвижению КНР по пути строительства социализма.

¹ «Жэньминь жибао», 1969, 14 октября.

В конечном счете политический курс маоистов обречен, ибо он наносит ущерб интересам социализма, международного рабочего и освободительного движения, социалистическим завоеваниям самого китайского народа, противоречит объективным потребностям и реальным условиям развития Китая по социалистическому пути.

Содержание

Введение	3
О некоторых чертах маоистского подхода к решению экономических проблем Китая	6
Развитие экономики КНР в 1949—1957 гг. и линия Мао Цзэ-дуна	22
Маоистский курс в действии. «Большой скачок» и народные коммуны	41
«Урегулирование»	70
«Культурная революция»	114
Вместо заключения	143

Вятский В. и Димин Ф.

B99 Экономический авантюризм маоистов (о маоистском курсе в экономике). М., «Экономика», 1970

151 с.

В книге дается анализ и характеристика современного состояния экономики Китая. Широко используя китайские источники, авторы рассказывают об острой борьбе по вопросам экономического развития страны, вскрывают антимарксистский характер экономических «идей» Мао Цзэ-дуна, направленных на достижение великодержавных целей, показывают пагубное влияние экономической политики группы Мао Цзэ-дуна на народное хозяйство Китая и положение трудящихся.

Книга рассчитана на пропагандистов, широкие круги читателей, интересующихся проблемами развития современного Китая.

32И

1-3
—
6-70

Редактор Г. И. Бычкова

Художественный редактор В. П. Рафальский

Технический редактор Н. Ф. Сотникова

Корректор Г. М. Короткова

Обложка художника А. С. Ариэтти

Сдано в набор 29/I 1970 г. Подписано к печати 15/V 1970 г. А04019.
Формат 84×108^{1/32}. Печ. лист.—7,98. Уч.-изд. лист—7,81.
Изд. № 2167. Заказ 266. Тираж 30.000 экз. Цена 47 коп.
Бумага № 2. Темплан издательства «Экономика» 1970 г. № 6.

Типография № 32 Главполиграфпрома. Москва, Цветной бульвар, 26.

Цена 47 коп.

